

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА 2023

3-4(40-41)

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(40–41)

МОСКВА
2023

ISSN 2712-8121

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредитель

Институт языкознания РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Баку, Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Анкара, Турция), А.А. Акматалиев (Бишкек, Кыргызстан), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл, Россия), И. Вашари (Будапешт, Венгрия), Дж.Н. Вашингтон (штат Пенсильвания, г. Суортмор, США), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала, Россия), М.З. Закиев (Казань, Россия), Н.И. Егоров (Чебоксары, Россия), Л. Карой (Уппсала, Швеция), М.С. Качалин (Стамбул, Турция), А.Б. Куделин (Москва, Россия), К.М. Миннуллин (Казань, Россия), А. Нурмухаммедов (Ашхабад, Туркменистан), М. Ольмес (Стамбул, Турция), А. Рона-Таш (Будапешт, Венгрия), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург, Россия), М.З. Улаков (Нальчик, Россия), Д.А. Функ (Москва, Россия), Ф.С. Хакимзянов (Казань, Россия), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва, Россия), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)

Зам. главного редактора: А.В. Дыбо (Москва), З.Н. Эмба (Москва)

Ответственный секретарь: З.К. Алжанбекова (Москва)

Члены редколлегии: М.И. Алиева Чинар (Бурса, Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), Л.Л. Габышева (Якутск), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), Е.М. Напольнова (Москва), И.А. Невская (Франкфурт, Германия), Ф.Ш. Нуриева (Казань), Е.А. Оганова (Москва), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), А.В. Савельев (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.С. Сенлендили (Симферополь), Р.А. Тадинова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Н.С. Уртегешев (Новосибирск), Т.М. Хаджиева (Москва), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), И.В. Шенцова (Новосибирск)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2023
© Российский комитет тюркологов, 2023

№ 3–4(40–41)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
THE COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Baku, Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Ankara, Turkey), A.A. Akmataliyev (Bishkek, Kyrgyzstan), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl, Russia), A.A. Chechenov (Moscow, Russia), M. Erdal (Israel), D.A. Funk (Moscow, Russia), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Makhachkala, Russia), J. Janhunen (Finland), M.S. Kaçalın (Istanbul, Turkey), L. Károly (Uppsala, Sweden), F.S. Khakimzyanov (Kazan, Russia), A.B. Kudelin (Moscow, Russia), K.M. Minnullin (Kazan, Russia), A. Nurmukhammedov / Nurmukhammedow (Ashkhabad, Turkmenistan), M. Ölmez (Istanbul, Turkey), A. Róna-Tas (Budapest, Hungary), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg, Russia), M.Z. Ulakov (Nal'chik, Russia), I. Vásáry (Budapest, Hungary), J.N. Washington (Swarthmore, USA), N.I. Yegorov (Cheboksary, Russia), M.Z. Zakiev (Kazan, Russia), P. Zieme (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),

Deputy Editor-in-Chief: A.V. Dybo (Moscow), Z.N. Ekba (Moscow)

Executive Secretary: Z.K. Alzhanbekova (Moscow)

Members of the editorial board: M. Alieva Çınar (Bursa, Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), L.L. Gabysheva (Yakutsk), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), T.M. Khadzhieva (Moscow), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), E.M. Napolnova (Moscow), I.A. Nevskaya (Frankfurt, Germany), F.Sh. Nurieva (Kazan), E.A. Oganova (Moscow), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), A.V. Savelyev (Moscow), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novosibirsk), R.A. Tadinova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk), N.S. Urtegeshev (Novosibirsk).

The scientific journal "Russian Turkology" is a continuation of the journal "Soviet Turkology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turkology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2023

© The Committee of Russian Turcologists, 2023

№ 3–4(40–41)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 5–22. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-5-22

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

СЛУЧАИ АКТУАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ СДВИГОВ В БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

*Зухра Казимовна Айбазова*¹

*Зарема Калабзаровна Алжанбекова*²

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
соискатель

ORCID: 0000-0002-3621-0654

e-mail: zuhra_aybaz@bk.ru

² Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук,

ответственный секретарь журнала «Российская тюркология»

ORCID: 0000-0001-8759-1592

e-mail: zarema_k@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Айбазова З.К., Алжанбекова З.К., 2023

Аннотация: В данной статье исследуются несколько типов развития семантики в базисной лексике карачаево-балкарского языка в сравнении с другими тюркскими языками. Рассматриваются случаи семантических сдвигов, обусловленных природно-климатическими факторами, такие как переосмысление значений лексем 'туман', 'облако', 'туча' в черекском диалекте карачаево-балкарского языка, имеющее параллель с аналогичным явлением в телёсском говоре алтайского языка. Анализируются сдвиги на основе метонимических переносов в обозначениях концепта 'маховое перо', имеющие схожие траектории в кумыкском и крымскотатарском языках. Подробно разбирается случай паронимической аттракции между глаголами 'плавать' и 'цедить' с реконструкцией развития значений и звуковых форм через привлечение данных чувашского, тувинского и других родственных тюркских языков.

Результаты исследования иллюстрируют динамику лексической семантики в карачаево-балкарском языке, а также выявляют потенциальные векторы семантической деривации в тюркских языках в целом. Полученные данные дополняют корпус эмпирических примеров лексико-семантических процессов в базисной лексике тюркского языкового ареала. Акцентируется важность продолжения подобных диалектологических исследований для систематического наращивания эмпирической базы, что позволит расширить основания для теоретического осмысления закономерностей эволюции лексической семантики. В пер-

спективе планируется продолжить исследование, промежуточной целью которого является семантическая и ономазиологическая реконструкция базисной лексики пракарачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, тюркские языки, тюркская диалектология, лексикостатистика, семантика, семантические сдвиги.

Для цитирования: Айбазова З.К., Алжанбекова З.К. Случаи актуальных семантических сдвигов в базисной лексике карачаево-балкарского языка // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40–41). С. 5–22. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-5-22.

Cases of Current Semantic Shifts in the Basic Vocabulary of the Karachay-Balkar Language

*Zukhra Kazimovna Aibazova*¹
*Zarema Kalabzarovna Alzhanbekova*²

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. student
ORCID: 0000-0002-3621-0654
e-mail: zuhra_aybaz@bk.ru

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Executive Secretary of the journal "Russian Turkology"
ORCID: 0000-0001-8759-1592
e-mail: zarema_k@iling-ran.ru

© IL RAS, 2023

© Aibazova Z.K., Alzhanbekova Z.K., 2023

Abstract: This article explores several types of semantic development in the basic vocabulary of the Karachay-Balkar language in comparison with other Turkic languages. It examines cases of semantic shifts driven by environmental and climatic factors, such as the reinterpretation of the meanings of lexemes 'fog', 'cloud', and 'rain cloud' in the Cherek dialect of the Karachay-Balkar language, which has a parallel with a similar phenomenon in the Teles dialect of the Altai language. The study also analyzes some shifts based on metonymic transfers in the designations of the concept 'flight feather', which have similar trajectories in the Kumyk and Crimean Tatar languages. The case of paronymic attraction between the verbs 'to swim' and 'to strain' is examined in detail, with a reconstruction of the development of meanings and sound forms by incorporating data from Chuvash, Tuvan, and other related Turkic languages.

The results of the study illustrate the dynamics of lexical semantics in the Karachay-Balkar language and reveal potential vectors of semantic derivation in Turkic languages in general. The obtained data complement the corpus of empirical examples of lexical semantic processes in the basic vocabulary of the Turkic language area. The importance of continuing such dialectological research is emphasized to systematically build up the empirical base, which will expand the foundations for the theoretical understanding of the patterns of lexical semantic evolution. Future research is planned with the intermediate goal of semantic and onomasiological reconstruction of the basic vocabulary of the Proto-Karachay-Balkar language.

Key words: Karachay-Balkar language, Turkic languages, Turkic dialectology, lexicostatistics, semantics, semantic shifts.

For citation: Aibazova Z.K., Alzhanbekova Z.K. Cases of current semantic shifts in the basic vocabulary of the Karachay-Balkar language // Russian Turkology. 2023. № 3–4 (40–41). P. 5–22. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-5-22.

I. Введение

Карачаево-балкарский язык (КБЯ) относится к западно-кыпчакской группе тюркских языков и распространен, по большей части, в горных и предгорных районах Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, где проживают собственно сами носители: карачаевцы и балкарцы. Наиболее близкими языками являются кумыкский, средний диалект крымскотатарского и караимский. Из мертвых языков – язык «Codex Sinaiticus» (часть, которая была составлена немецким миссионером в XIV в.), а также армяно-кыпчакский язык. КБЯ имеет две литературные нормы. Объясняется это, прежде всего, проживанием народа в двух разных субъектах России. Карачаевская литературная норма распространена в Карачаево-Черкесии, балкарская – в Кабардино-Балкарии. Основные отличия наблюдаются в области орфографических правил.

Выделяются два основных диалекта и говоры:

– ц/з диалект (цокающий) с черекским (малкарским) и хуламо-безенгиевским говорами;

– ч/дж диалект (джокающий) с карачаевским и баксано-чегемским говорами [Совр. КБЯ 2016: 11].

Черекский диалект, хуламо-безенгиевский и баксано-чегемский говоры распространены в Кабардино-Балкарии, карачаевский говор – в Карачаево-Черкесии.

В основе литературного КБЯ лежит ч/дж (ж) диалект.

В разное время разные авторы строили классификации карачаево-балкарских диалектов на типах рефлексии пратюркских *č и *j. Эти классификации можно отразить в следующей таблице:

Таблица 1 [Дыбо 2018]

Алиев 1960	карачаевский [ч-диалект] č; ž	промежуточный			малкарский c; z
		баксанский č; ž	чегемский č; ž	холамский c; ž, ž, z	
Филоненко 1940; Аппаев 1960	[-]	балкарские диалекты			
		баксанский č; ž	чегемский č; ž	холамо-бызынгийский c, č; z, ž	черекский c; z
Акбаев 1963	основной; ч-диалект		промежуточный	ц-диалект	
	баксано-чегемский		холамо-бызынгийский	малкарский	
Соттаев 1960	ч-диалект		ц-диалект		
	č; ž	баксано-чегемский č; ž, ž	холамо-бызынгийский c, č; ž	малкарский c; z	

Первые научные описания карачаево-балкарского языка и его диалектов относятся к трудам венгерских востоковедов В. Прёле [1909а; 1909б; 1914–1915; 1915–1916] и Ю. Немета [1911], а также к грамматическому очерку балкарского языка, опубликованному отечественным ориенталистом Н.А. Карауловым в 1912 г. [1912]. Систематическое изучение КБЯ в СССР, оборванное депортацией карача-

евцев и балкарцев в 1943–1957 гг., было восстановлено в 1960-е гг. и продолжается по сей день.

До 1963 г. в фокусе диалектологических исследований была в основном фонетика диалектов карачаево-балкарского языка [Филоненко 1940; Аппаев 1960]. Позже вопросы карачаево-балкарской диалектологии частично были решены в работах Ш.Х. Акбаева [1963; 1999]. Ж.М. Гузеев сделал ряд существенных уточнений в выделении говоров из основных диалектов, а также описал ряд морфологических и фонетических особенностей, ранее никем не отмеченных [1974; 1975; 1979; 1985; 2015].

В 2018 г. была проведена первая в истории изучения карачаево-балкарского языка лексикостатистическая экспедиция в Кабардино-Балкарию, а в 2019 г. – в Карачаево-Черкесию с целью сбора расширенных корпусов базисной лексики по методике списков М. Сводеша. Помимо этого, респонденты-носители карачаево-балкарского языка были опрошены с использованием специально разработанных и адаптированных для данных полевых исследований грамматического и фонетического опросников.

II. Материалы и методы

Статья является небольшим извлечением из ведущейся на данный момент семантической и ономастической реконструкции базисной лексики пракарачаево-балкарского языка. Соответственно, в контексте общей работы и публикуемой в частности применялся классический инструментальный сравнительно-исторического языкознания. Актуальные в рамках данного исследования методы:

– выявление регулярных звуковых соответствий и анализ отклонений от таковых;

– лексико-семантический анализ и исследование формирования и направления семантических сдвигов, развития семантических шлейфов;

– сопоставительный анализ для отделения поздних процессов от развития древних лексико-семантических и фонетических рефлексов;

– этимологический анализ с определением языков – источников заимствований.

Приведенные далее примеры завершенных и протекающих лексико-семантических процессов в базисном лексическом фонде карачаево-балкарского языка опираются, прежде всего, на:

– материалы балкарской экспедиции 2018 г., осуществленной Отделом урало-алтайских языков ИЯз РАН¹;

– материалы карачаевской экспедиции 2019 г., осуществленной научным сотрудником Отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН З.К. Айбазовой (всего 53 кбалк. лексикостатистические анкеты);

– материалы кумыкской экспедиции 2017–2019 г. З.К. Алжанбековой;

– материалы по крымскотатарским диалектам, крымчакскому, караитскому наречиям из работы М. Полински [Polinsky 1992];

¹ Материалы этой и нижеследующих экспедиций частично доступны в электронном виде (см. список литературы), остальная часть еще находится в обработке – (Прим. ред.)

– материалы из статьи И. Егорова по реконструкции протокараимского языка [Egorov 2020];

– лексические и толковые словари указанных языков и др.

III. Результаты и обсуждение

В ходе исследования были проанализированы и получены данные о характере нескольких типов семантических сдвигов на основе метонимических переносов и случай паронимической аттракции в карачаево-балкарском языке, которые нашли параллели в том числе и в самых отдаленных географических точках тюркского языкового ареала. Эти результаты в отдельных случаях очень хорошо иллюстрируют динамику развития лексического значения слова, а также в целом дополняют базу данных о завершенных и текущих лексико-семантических процессах в базисной лексике тюркских языков.

Постоянно пополняемая таким образом лексикостатистическая база данных с подробным описанием и сопоставлением примеров по тюркским языкам позволяет глубже осмыслить потенциальные траектории эволюции языка(ов) и расширяет основания для теоретического анализа и практической интерпретации языковых изменений.

1. Примечания к цветообозначениям, характеристикам и терминологии

1.1. В представленных ниже таблицах различие лексем по цветам соответствует частоте их встречаемости в рамках проведенного исследования. Черным обозначены основные, наиболее частотные нейтральные термины; зеленым – вторые по количеству употреблений; красным – лексем, зафиксированные единично.

1.2. Ввиду того, что мы имеем разное количество анкет для каждого из диалектов и говоров карачаево-балкарского языка, разделение лексем на основные и частотные в некоторых случаях может носить условный характер. Однако в целом главные нейтральные обозначения для сводешевских концептов выписываются достаточно хорошо.

Также стоит учитывать, что характеристика «единичный» не всегда указывает на редкость употребления лексемы. В анкетах информантов переводы для некоторых концептов могут, по разным причинам, отсутствовать, а имеющиеся в рамках конкретного говора данные – различаться. Например, из семи баксанских респондентов только трое дали ответ на контексты для термина ‘маховое перо’. И все ответы оказались разными, что автоматически делает их «единичными» в рамках баксанского говора, но ничего не говорит о частоте их употребления. В такой ситуации было бы некорректным делать однозначные выводы о распространенности того или иного термина.

1.3. В целом, мы придерживаемся диалектного членения, в рамках которого выделены два кластера – ц/з (цокающий) и ч/дж (джокающий) диалекты. К первому отнесен черекский диалект, ко второму – баксанский, чегемский, карачаевский говоры. Хуламо-безенгиевский говор занимает промежуточное положение между двумя основными диалектными кластерами. Также для удобства дифференциации мы ввели условное обозначение «баксано-чегемский говор» для поле-

вых данных, полученных из населенных пунктов Лашкута, Кёнделен и Жанхотеко в Кабардино-Балкарии. Балкароязычные жители этих мест, по большей части происходящие из Баксанского и Чегемского ущелий, демонстрируют в своем говоре смешанные фонетические и лексические особенности обоих говоров.

2.1. Паронимическая аттракция на примере развития глагола 'плавать' в КБЯ

Таблица 2

	черек.	хул.-без.	чегем.	бакс.-чег.	бакс.	карач.
плавать	süz-	žüz-, süz-	žüz-/žüz-	žüz-/žüz-	žüz-	žüz-
плыть	süz-, bar-	žüz-, bar-, süz-	žüz-/žüz-, bar-	jüz-, bar-	žüz-, bar-, žüzüp kel-	žüz-, bar-, žüzüp bar-

2.1.1. Полевые и лексикографические данные

Как концепт базисной лексики по Сводешу нас прежде всего интересует глагол, обозначающий активное, ненаправленное действие на воде, осуществляемое исключительно человеком. Все прочие контексты, связанные с плавающими животными, кораблями, сплавляющимися плотами и бревнами (см. ст. *плыть*), использовались в полевых исследованиях исключительно для уточнения и выделения основного значения глагола 'плавать' в отношении человека.

Как видно из таблицы 2, в отношении плавающего человека чегемо-карачаевский ареал совпадает в употреблении глагола *žüz-/žüz-*. Он же является основным для хуламо-безенгиевского промежуточного говора. На этом фоне выделяется черекский ареал со словом *süz-*, которое, очевидно, частично проникло и в хуламо-безенгиевский, выступая частотным синонимом к *žüz-*.

В КБРС *žüz-* 'плавать'; *süz-* 'цедить'.

В ТСКБЯ *žüz-* 'плавать'; *süz-* 'цедить'; *süzül-* 1. страд. от *süz-*; 2. 'устояться'; 3. 'плавно течь [о воде]'; 4. 'лететь', 'парить'; 5. 'двигаться быстро'; 6. 'жеманиться', 'кокетничать'.

В случае с *süzül-* 'плавно течь' добавляется аффикс страдательного залога для элиминации переходности.

2.1.2. Соответствия в тюркских языках

Рефлексы глагольной основы *süz-* в значении 'плавать' встречаются в чаг., тат. (диал.), кирг., узб. (диал.). В тув., тоф. *süs-* 'ходить по воде', в чув. *sər-* (кирилл. *сёр-*) 'ловить рыбу сетью' < 'цедить', в кирг., ккалп., тат. 'ловить рыбу бреднем' (*balıq süz-*); см. также в тур., гаг., кар.К, кумык., каз., уйг. *süz-* 'цедить'; кар.Г 'черпать, вылавливать ковшом'; тат., башк. 'вылавливать [плавающее в жидкости]' [ЭСТЯ 2003: 366–367].

Рефлексы глагола *jüz-* в значении 'плавать' фиксируются в др.-уйг., крх.-уйг., чаг., хорезм., кып., куман., кумык., кар.К, каз., ккалп., башк., тат., туркм., аз., тур., хак., шор. и др. [ЭСТЯ 1989: 261].

Интересно, что в близкородственных крымскотатарском и караимском языках для термина ‘плавать’ используются основы *çom-* и *jalda-*. Причем последняя, по всей видимости, проникает в куманские языки из степного крымскотатарского (по сути, ногайского) и происходит от общетюрк. *jal-* ‘грива’. Это объясняется тем, что кочевники часто переправлялись через реки на конях, ухватываясь за их гривы.

2.1.3. Этимологические данные

В вопросах связи между глаголами *süz-* ‘цедить’, *süz-* ‘плавать’ и *jüz-* ‘плавать’ нет консенсусного мнения. Допускаются несколько вероятных траекторий семантических и фонетических изменений в развитии этих лексем:

1. ‘цедить’ < *‘пропускать через’ < *‘скользить по поверхности’ < *süz-* ‘плавать’;
2. *süz-* < **üz-* < *jüz-* [ЭСТЯ 2003: 366–368].

Однако наиболее вероятной в данном случае представляется паронимическая аттракция, в результате которой семантика глагола *jüz-* частично перекинулась и дала новые значения глаголу *süz-*, расширяя его семантический шлейф (к имеющемуся значению добавилось новое, с прежней частью). Чувашский, киргизский, тувинский и некоторые другие примеры (см. п. 2.1.2) дополняют картину и наглядно иллюстрируют логику того, как процесс процеживания *süz-* может переосмыслиться через рыболовство сетью/бреднем и хождение по воде (по всей видимости, с теми же самыми целями, т. е. при закидывании сети) и постепенно перетекает в передвижение по воде, смешиваясь в ряде языков с фонетически близкой оболочкой глагола *jüz-*. Далее диалекты и говоры, в которых эта трансформация дошла до стадии завершения, дают рефлекс в языки-потомки.

Примечательно, что данный процесс был реализован в отдельных тюркских языках и диалектах, раскиданных по огромной территории, что позволяет сделать вывод, с одной стороны, об автономности процессов в этих языках, с другой – о его потенциально универсальной логике в рамках тюркских языков. При этом на более глубоких уровнях реконструкции можно будет решить вопрос о связанности этого процесса в разных кыпчакских и некыпчакских языках.

В ЭБТЯ праформа для *jüz-* ‘плавать’ – **yüř-* [ЭБТЯ, № 79], для *süz-* ‘цедить’ – **süř-* [ЭБТЯ, № 821].

2.2. Метонимические переносы в семантическом окружении концепта ‘маховое перо’ и их распределение в западно-кыпчакских языках

Таблица 3

	черек.	хул.-без.	чегем.	бакс.-чег.	бакс.	карач.
перо	tük, qanat	qanat, түк	qanat, түк	qanat, түк	tük, qanat, quw	tük, quş
подушка набита перьями	quş, түк, tawuq түк, quw, qanat	tük, tawuq түк, pux, qanat	tük, tawuq түк, pux	tük	quş, quw, түк	tük, quş, qanat түк

подушка набита пухом	puх, quş, quw, tük, tawuq tük, zün	tük, quş tük, quw tük, tawuq tük, qaz tük, puх tük, puх	tük, tawuq tük, qaz tük, quw tük, bappuş tük, žün, mamuq	puх, tük, tübit	quw, tük	puх, quw, puх tük, qaz tük, quş, tıqlama, tükten tıq-
крыло	qanat	qanat	qanat	qanat	qanat	qanat

2.2.1. Лексикографические данные

Под пером может подразумеваться маховое, хвостовое или мелкие перья – пух. В контексте сводешевского списка ключевой вопрос – различение этих разновидностей в используемой респондентами лексике и выбор наиболее нейтрального обозначения: либо махового пера, либо термина, объединяющего все три вида перьев [Дыбо 2013: 258].

Перед анализом полевых данных целесообразно предоставить соответствующие словарные определения наиболее релевантных терминов, представленных в таблице:

- *тюк* 1) ‘волос’, 2) ‘ворс’, 3) ‘мех’, 4) ‘перо, оперение’, ‘пух’;
- *къанат* ‘крыло’;
- *къуу* 1. ‘пух, пуховый’; 2. устар. ‘лебедь, лебязжий’;
- *къуш* 1. ‘орел, орлиный’, 2) ‘птица’ (в составе названий *гылын къуш* ‘сова’ или в фольк.), 3) ‘пух, пуховый’;
- *къаз* ‘гусь, гусиный’;
- *банпуш/бабуш* ‘утка, утиный’;
- *тауукъ* ‘курица, куриный’;
- *джюн/жюн/зюн* ‘шерсть’.

Здесь важно отметить, что, несмотря на приобретение лексемами *къуу* и *къуш* в результате полисемии дополнительных значений ‘пух, пуховый’, в функции определения в составе сложных слов они, как ни странно, возвращаются к своим первоначальным, ныне устаревшим, значениям. Это предположение косвенно подтверждается аналогичными конструкциями, состоящими из названий птиц *къаз/тауукъ/банпуш* + *тюк* ‘перо’, которые использовались респондентами для обозначения пуха или мелких перьев. Можно предположить, что развитие полисемии в данном случае шло следующим путем:

- *къуу* устар. ‘лебедь’ > *къуу тюк* ‘лебязжий пух’ > *къуу* ‘пух’;
- *къуш* ‘орел/птица’ > *къуш тюк* ‘птичий пух, мелкие перья’ > *къуш* ‘пух’.

При этом важно отметить, что вышеупомянутый процесс произошел до семантического сужения лексемы *къуш* от исходного значения ‘птица’ к значению ‘орел’. На данный момент, согласно карачаево-балкарским лексикографическим источникам и актуальным полевым данным, основными терминами для обозначения птицы являются две лексемы: *чыпчыкъ* и *къанатлы*. А *къуш* в значении ‘птица’ сохранился только в составных названиях птиц и в некоторых примерах из фольклора.

Ситуация же эллипсиса вершины именной группы с последующим подъемом определения на позицию вершины представляет собой довольно типичный для тюркских языков случай. Различные типы элидирования в тюркской именной

группе подробно рассмотрены в работах R.V. Lees [Лиз 1987: 311–323], Н.Н. Логвиновой [Логвинова 2019: 86–129], В.С. Мальцевой [Мальцева 2017].

2.2.2. Полевые данные

Как видно из таблицы 3, лексема *къанат* ‘крыло’ используется в значении ‘перо’ (или, по крайней мере, приводится информантами в контекстах, где подразумевается это значение) как частотное в черекском диалекте и основное в хуламо-безенгиевском, чегемском и баксано-чегемском говорах, т. е. наблюдается преимущественно в группе балкарских диалектов и говоров. В карачаевском говоре в качестве основного термина для обозначения ‘пера’ используется лексема *тюк*. Мелкие перья также обозначаются словом *тюк*, иногда – *къуш*.

Для обозначения пуха на всем протяжении диалектного ареала используются различные варианты: наиболее часто встречаются *пух* (заимств. из рус. яз.) и *къуу*, а также сочетания *къаз тюк* ‘гусиное перо’ и *пух тюк* досл. ‘пуховое перо’ и *къуш*.

Расширение значений термина ‘перо’ в карачаево-балкарских диалектах происходит через семантические сдвиги на основе метонимического переноса, которые можно объединить в две основные категории:

- 1) перенос значения с целого на часть, как в случае с *крыло* → *перо*;
- 2) перенос названий различных птиц на их пух, оперение.

Первый случай довольно нов для карачаево-балкарского языка, он никак не отмечен ранее и не зафиксирован в лексикографических источниках, но его потенциальность подтверждается аналогичными процессами, которые прошли и нашли свое завершение в близкородственных языках (примеры из кумык. и крымтат. будут далее). Второй же случай включает завершенные и незавершенные семантические сдвиги. К завершенным можно отнести лексемы *къуу* и *къуш* в своих дополнительных, уже устоявшихся значениях ‘пух, пуховый’; к незавершенным – сочетания типа *къаз тюк*, *тауукъ тюк* для пуха и мелких перьев.

Подводя итоги по карачаево-балкарскому диалектному ареалу, можно предположить, что такое разнообразие для обозначения основного махового пера развилось, вероятно, из первичного для КБЯ варианта *тюк* ‘волос’, ‘перо’. В этом значении слово фигурирует во всех диалектах и говорах, за исключением баксано-чегемского говора. Из многочисленных синонимов и синонимичных композитов только *къуу* и *къуш*, через развитие полисемии и вторичную субстантивацию используются как имена (а не только определения) для обозначения пуха/мелких перьев.

2.2.3. Соответствия в других тюркских языках

При изучении примеров из ближайших для КБЯ кумыкских диалектов можно заметить, что во многом направление метонимических переносов сходно. Так, слово *тюк* ‘волос’ преобладает для обозначения основного махового пера, также встречаются *къув* ‘лебедь’ и *къанат* ‘крыло’. В целом, обозначения распределились по диалектам следующим образом.

Маховое или основное перо:

- лит., тер., подгор., кайт. *тюк* ‘волос’, ‘перо’;

- буйн. *къув* ‘лебедь’, ‘лебяжий’;
- лит., кайт. *къанат* ‘крыло’.

Мелкие перья:

- тер., хасав. *тюк* ‘волос’;
- буйн., кайт. *къув* ‘лебедь’, ‘лебяжий’.

Пух:

- буйн., кайт. *пух*;
- подгор. *къув* ‘лебедь’, ‘лебяжий’, *къаз* ‘гусь’, ‘гусиный’.

Сложно сказать, как распределяется удельный вес этих обозначений внутри кумыкских диалектов, для этого требуется добор материалов по каждому из них, кроме кайтакского. Однако в целом перечень наиболее часто используемых терминов и употребление их в качестве определений и имен совпадает с карачаево-балкарским. См.:

Джан къанатындан къувун ташлагъан ‘Птица потеряла перо из крыла’ (буйн. диал.).

Къув йастукъ. Къаз йастукъ ‘Подушка набита пухом’, здесь *къаз* и *къув* в качестве определения ‘пуховый’ (буйн. диал.).

Къуш къанатин тас этип ‘Птица потеряла перо из крыла’ (кайт. диал.).

Туйкден толгъан бойлукъ ‘Подушка набита перьями’ (хасав. диал.).

При этом в кумыкском словаре, в отличие от карачаево-балкарских, для слова *къанат* ‘крыло’ дополнительно фиксируется и значение ‘перо’ [Бамматов 1960: 650]. Вероятно, процесс семантического сдвига в кумыкском начался раньше и закрепился, что позволило составителям отметить данный факт.

Имеющиеся на данный момент материалы по кумыкским диалектам позволяют в общих чертах реконструировать некоторые из прошедших семантических трансформаций. Предположительно, в буйнакском, кайтагском и подгорном диалектах наблюдается ситуация, при которой из лексемы *къув* в первоначальном значении ‘лебедь/лебединый’ через элидирование имени в сочетании *къув тюк* ‘лебяжий пух’ получился *къув* в значении ‘пух’. В кайт. и буйн. диалектах процесс продолжился: *къув* ‘пух’ > *къув* ‘мелкие перья’. В буйнакском диалекте дальнейший синкретизм значений мелкого и махового пера привел к тому, что *къув* стало обозначать и ‘маховое перо’ тоже. При расширении кумыкских диалектных списков базисной лексики по Сводешу станет возможным исключить или подтвердить вышеописанные сценарии развития значений для концепта ‘маховое перо’.

Не менее интересная ситуация сложилась с развитием обозначений для ‘пера’ в ареалах крымского языкового континуума.

Рассмотрим, к примеру, крымскотатарский язык:

- кТор. *quiş-qanat*, кТЮж. *lelek*, кТСт. *kuşin* ‘перо’ [Polinsky 1992: 176];
- кТЮж. *qanat* ‘перо’ (инф. Кайтазов, Узбекистан);
- крымчак. *рих*, караит. *qanat* ‘перо’ [Polinsky 1992: 179].

В крымскотатарском словаре значения, без привязки к диалектам, распределяются следующим образом:

- *елék* ‘перо’; ‘оперение’; ‘пух’;
- *къанат* ‘крыло’; ‘маховое перо’;

- *тюк* ‘щетина’; ‘ворс’; ‘перо птицы’; ‘пух [тонкие волоконца на растениях и плодах]’;
- *кьуш* ‘птица, птичий’ [Усеинов 2007: 374, 419, 431, 555].

Анализ крымскотатарских лексикографических данных выявляет между лексемами существенные корреляции, обусловленные происхождением основных диалектов языка. Так, варианты *лелек/елек*, помеченные у Полински как южнобережные, имеют прямые параллели в огузских языках, ср. аз. *lələk* ‘перо’, тур. диал. *jelek* (орф. *yelek*) ‘маховое перо’, тур. *telek* ‘маховое перо’. В степном диалекте форма *quşın* совпадает с ногайским обозначением пера. В результате для собственно куманского, или орта крымскотатарского, диалекта зафиксирована сложносоставная лексема *quş-qanat* ‘птица-крыло’, в которой семантика второй части расширилась до значения ‘маховое перо’, а также литературная, словарная, форма *tük* без указания диалектной принадлежности, имеющая параллели с основными номинациями пера в кумыкском и карачаево-балкарском языках.

Караимские диалекты представлены в данном сводешевском вхождении сразу двумя лексемами и их фонетическими вариантами:

- кар.К *йюн/йун* 1) ‘перо’, ‘пух’; *йюн* ‘шерсть’; *тюк* ‘шерсть’;
- кар.Г *йюн/йун* 1) ‘перо’, ‘пух’; 2) ‘шерсть’; *тик* 1) ‘перо’, ‘оперение’; 2) ‘перина’;
- кар.Т *йюн/йун* 1) ‘перо’, ‘пух’; 2) ‘шерсть’; *тюк* ‘шерсть’, ‘волос’.

Передне- и заднерядные фонетические варианты формы *йюн/йун* в значении ‘перо’ фиксируются во всех трех диалектах: крымском, галичском и тракайском. Эта лексема имеет пересечения с обозначением пера в других кыпчакских языках, см. тат. *jon*, башк. *jön*, ног. *jun*, каз. *quş žüni*, кклар. *žün*; восходит к ПТ **jün* ‘шерсть’, ‘пух’ [Дыбо 2013: 260]. Среди западно-кыпчакской группы языков караимский, пожалуй, единственный сохранивший это значение, ср. в крымтат. *юн*, кумык. *юн*, кбалк. *джюн/жюн/зюн* ‘шерсть, руно’.

Общий западно-кыпчакский *тюк/тик* восходит к ПТ **tük*, который с наибольшей вероятностью восстанавливается в значении ‘волос на теле’, включая подшерсток у животных и пух у птиц [Clauson 1972: 433; Дыбо 2013: 298; ДТС 1969: 594].

Резюмируя, можно отметить, что различные лексико-семантические процессы, повлиявшие на развитие обозначений махового пера, наиболее схожи в группе западно-кыпчакских языков в кумыкских и карачаево-балкарских диалектах. Особенно это касается типа метонимических переносов, при которых названия птиц начинают включать в свое значение название оперения этих птиц. Вероятно, что этот процесс может восходить к более раннему состоянию обоих языков.

Что касается семантического сдвига в паре *крыло* → *перо*, то этот процесс выглядит вполне устоявшимся в кумыкском и крымскотатарском языках, но довольно новым и все еще лабильным в карачаево-балкарском. Косвенно в пользу этого говорит и тот факт, что значительная часть карачаево-балкарских информантов в принципе затруднялась вспомнить точное обозначение пера и, возможно, подбирала ближайшие номинации из соответствующего семантического поля. Вероятно, таковым и был путь, который на более ранних стадиях прошла часть кумыкских и крымскотатарских диалектов. Поэтому в данном случае вполне уместно говорить об автономном протекании этих процессов в указанных

языках, а не о контактном влиянии или общем происхождении феномена. В языках мира также наблюдается высокий уровень полисемической связи между концептами ‘крыло’ и ‘перо’, что хорошо иллюстрируется данными из Базы данных межъязыковых эквиваленций (Database of Cross-Linguistic Colexifications) [CLICS³]. Подобная полисемия фиксируется и в ряде тюркских идиомов: алт. (диал.), баш., тат., тубалар. [Федотова 2020: 98].

2.3. Влияние природно-климатических условий на семантические сдвиги в обозначениях ‘облака’ и ‘тучи’

Таблица 4

	черек.	хул.-без.	чегем.	бакс.-чег.	бакс.	карач.
облако	tuman, bulut	bulut, tuman	bulut, tuman	bulut	bulut	bulut, tuman
туча	qara/zawun bulut, qara/zawun tuman	bulut, tuman	bulut, tuman	bulut	bulut, tuman	bulut
туман	tuman	tuman, bulut	tuman	tuman	tuman	tuban

В этимологическом словаре базисной лексики тюркских языков при рассмотрении термина ‘облако’ предлагаются контексты для дифференциации его семантики от значения ‘туча’ (грозовое или дождевое облако). Вместе с тем, А.В. Дыбо отмечает, что, с точки зрения хозяйственной деятельности, тучи оказывают значительно большее влияние, чем облака, и потенциально могли бы демонстрировать более высокую частотность употребления. Кроме того, в экспедиционных материалах лексически выраженная разница между понятиями ‘туча’ и ‘облако’ была зафиксирована только в телёском говоре теленгитского диалекта алтайского языка в с. Балыкча. Телёские респонденты передавали понятие дождевого облака=тучи через слово *туман*, тогда как в литературном алтайском языке *туман* обозначает ‘туман’. Такое развитие значения лексемы *туман* в данном говоре связано с природно-климатическими условиями населенного пункта, расположенного в узком ущелье реки, где дождевые тучи, по сути, представляют собой ползуций по ущелью туман [Дыбо 2013: 197].

Особенно интересным стало обнаружение схожего, хотя и не идентичного, семантического сдвига в черекском диалекте карачаево-балкарского языка, связанного с семантическими парами *туман* → *облако* и *облако* → *туча*. Возможно, этот феномен также обусловлен схожими ландшафтными и климатическими условиями, поскольку речь идет о Черекском ущелье в горах Центрального Кавказа. Принимая во внимание возможную обусловленность данного семантического перехода особенностями местного климата, следует также отметить распространение этой инновации среди носителей черекского диалекта и в других населенных пунктах КБР, например, в с. Ташлы-Тала Лескенского района, основанном выходцами из Черекского ущелья в 1920-х гг. XX в.

В рассматриваемом случае лексема *туман* сохраняет свое основное значение ‘туман’ (см. таблицу 4), однако наблюдается расширение ее семантического объ-

ема за счет включения понятия 'облако'. Следует отметить, что в карачаево-балкарских диалектах данный семантический сдвиг протекает неравномерно, а в ряде случаев он вовсе не зафиксирован. Центром происхождения данной инновации, по всей видимости, выступает черекский диалект, поскольку только в нем *туман* является наиболее частотной номинацией для обозначения понятия 'облако'. Именно так перевели соответствующие контексты более половины черекских респондентов.

Вследствие описанного семантического сдвига наблюдается вторичное смещение, при котором общетюркская и одна из наиболее устойчивых лексем *bulut* 'облако' становится предпочтительнее для обозначения понятия 'туча'. Респонденты для выражения понятия 'туча' использовали следующие варианты и сочетания: *булут* 'облако', *къара булут* 'черное облако' и *зауун булут* 'дождевое облако'. Вероятным результатом протекающих процессов можно предположить окончательную дифференциацию значений, при которой *туман* будет означать понятия 'облако' и 'туман', а *булут* – 'дождевая/грозовая туча'. Однако, если принимать во внимание нелинейный характер подобных семантических изменений, такой исход не является обязательным.

При этом в ответ на просьбу дифференцировать понятия 'туман' и 'облако' двое черекских респондентов предоставили одинаковые интерпретации. Согласно их пониманию, облака (кбалк. *булут*) – это атмосферные образования, находящиеся в небе, выше гор, в то время как туман (кбалк. *туман/тубан*) – это низко стелющаяся по горным склонам или земле облачная дымка. Тем не менее, данное литературно «правильное» разграничение значений не оказывает существенного влияния на узус соответствующих лексем в разговорной речи носителей диалекта.

В промежуточном хуламо-безенгиевском говоре основным обозначением для облака и тучи остается лексема *булут*, однако *туман* продолжает присутствовать в трети ответов респондентов, что дает возможность отнести лексему к высокочастотному синониму.

В чегемском говоре наблюдается аналогичная хуламо-безенгиевской ситуация с той лишь разницей, что частотность лексемы *туман*, по имеющимся у нас материалам, не такая высокая. Тем не менее ее наличие как синонима лексемы *булут* для обозначения облака и тучи стоит отметить.

В остальных говорах лексема *туман* в значении 'облако' встречается лишь в единичных случаях, что исключает ее из синонимического ряда для этой номинации. В данный ареал входят три населенных пункта, говор которых условно классифицируется как промежуточный баксано-чегемский, собственно баксанский говор, а также весь карачаевский ареал. Стоит привести эти единичные случаи: в баксанском говоре один респондент использовал сочетание *къара туман* 'черный/грозовой туман' для обозначения тучи; двое карачаевских респондентов разграничили лексемы, обозначив дождевые облака через *булут*, недождевые – через *тубан* (карач. вариант произношения). По сути, это распределение значений между данными лексемами соответствует «черекской логике», однако, учитывая, что карачаевский говор и черекский диалект представляют собой крайние точки диалектного континуума, а языковое пространство между ними не характеризуется сходной и устойчивой семантической дистрибуцией, данное явление

следует относить к потенциалу подобного семантического перехода в целом, а не к результату контактных процессов или общего происхождения инновации.

Необходимо также остановиться на фонетическом различии между балкарской формой *туман* и карачаевским вариантом *тубан* в значении ‘туман’. В ближайших родственных языках – кумыкском, караимском, крымскотатарском – зафиксирован вариант *туман*. При отсутствии очевидных фонетических условий, которые могли бы спровоцировать переход *-m-* > *-b-* в данном конкретном случае, это чередование объясняется древним состоянием рассматриваемых корневых основ [ЭСТЯ 1980: 295].

Подводя итоги, следует отметить, что, согласно данным этимологического словаря базисной лексики тюркских языков, «лексема ‘облако’ характеризуется стопроцентной сохраняемостью во всех тюркских идиомах» [Дыбо 2013: 197], и соответствующая словарная статья является одной из наиболее лаконичных и недвусмысленных. На материале экспедиционных данных к телёсскому примеру лексического разграничения понятий ‘облако’ и ‘туча’ мы можем также добавить в качестве нового кейса лексико-семантические процессы, протекающие в восточной оконечности карачаево-балкарского диалектного ареала. Примеры из карачаевского говора, который относится к крайней западной части диалектного континуума, демонстрируют, что принципы лексического разграничения рассматриваемых явлений могут совпадать и независимо друг от друга.

Таким образом, несмотря на действительно высокую степень сохранности и устойчивости лексемы *булут*, можно констатировать, что в целом прослеживается один из потенциальных сценариев ее семантического смещения в определенных природно-климатических условиях.

IV. Заключение

Данная статья является небольшой выдержкой из текущей работы по реконструкции базисной лексики пракарачаево-балкарского языка, которая впоследствии также станет частью корпуса эмпирических данных, иллюстрирующих семантическую деривацию в тюркских языках. Нарращивание корпуса лексикостатистических данных с детализированным описанием и сопоставлением примеров по тюркским языкам позволит углубить понимание потенциальных векторов развития лексической семантики. Следовательно, продолжение подобных диалектологических исследований с целью систематического пополнения эмпирической базы представляется крайне важной задачей для расширения оснований теоретического осмысления закономерностей лексико-семантической эволюции.

Сокращения

Языки и диалекты:

аз. – азербайджанский

алт. – алтайский

бакс. – баксанский говор

бакс.-чег. – баксано-чегемский говор

башк. – башкирский

буйн. – буйнакский диалект кумыкского

гаг. – гагаузский

др.-уйг. – древнеуйгурский

каз. – казахский

кайт. – кайтакский диалект кумыкского

караит. – караитский
 карач. – карачаевский говор
 кар.Г – караимский галичский
 кар.К – караимский крымский
 кар.Т – караимский тракайский
 кбалк. – карачаево-балкарский
 КБЯ – карачаево-балкарский язык
 кирг. – киргизский
 ккалп. – каракалпакский
 крх.-уйг. – караханидско-уйгурский
 ктОр. – крымскотатарский орта диалект
 ктСт. – крымскотатарский степной диалект
 ктЮж. – крымскотатарский южнобережный диалект
 крымтат. – крымскотатарский
 крымчак. – крымчакский
 куман. – куманский
 кумык. – кумыкский
 кып. – кыпчакский
 рус. яз. – русский язык
 лит. – литературный

подгор. – подгорный диалект кумыкского
 ПТ – пратюркский
 тер. – терский диалект кумыкского
 тат. – татарский
 тоф. – тофаларский
 тубалар. – тубаларский
 тув. – тувинский
 тур. – турецкий
 туркм. – туркменский
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 хак. – хакасский
 хасав. – хасавюртовский диалект кумыкского
 хорезм. – язык хорезмийско-тюркских памятников
 хул.-без. – хуламо-безенгиевский говор
 чаг. – чагатайский
 чегем. – чегемский говор
 черек. – черекский диалект
 чув. – чувашский
 шор. – шорский

Прочие сокращения:

диал. – диалектизм
 досл. – дословно
 заимств. – заимствование

КБР – Кабардино-Балкарская Республика
 устар. – устаревшее

Литература

- Акбаев 1963 – *Акбаев Ш.Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительно-исторического изучения). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1963. – 166 с. {*Sh.Kh. Akbaev. Phonetics of dialects of the Karachay-Balkar language (an attempt at comparative historical study).* – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1963. – 166 p.}
- Акбаев 1999 – *Акбаев Ш.Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. – Карачаевск, 1999. – 257 с. {*Sh.Kh. Akbaev. Dialects of the Karachay-Balkar language in the light of structure, genetics and areal.* – Karachayevsk, 1999. – 257 p.}
- Алиев 1960 – *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Третье региональное координационное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов. – Баку, 1960. – 61 с. {*U.B. Aliev. Dialectal Division of the Language of Karachays and Balkars // Third Regional Coordination Meeting on Turkic Languages Dialectology. Abstracts of Reports.* – Baku, 1960. – 61 p.}
- Аппаев 1960 – *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к литературному балкарскому языку. – Нальчик, 1960. – 76 с. {*A.M. Appaev. Dialects of the Balkar Language in their Relation to the Literary Balkar Language.* – Nalchik, 1960. – 76 p.}
- Ахметьянов 2015а – *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. I том. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015. – 543 с. {*R.G. Akhmetiyarov. Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes. Volume I.* – Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. – 543 p.}
- Ахметьянов 2015б – *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. II том. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015. – 567 с. {*R.G. Akhmetiyarov. Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes. Volume II.* – Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. – 567 p.}
- Бамматов 1960 – *Бамматов З.З.* Русско-кумыкский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – 1149 с. {*Z.Z. Bammatov. Russian-Kumyk dictionary.* – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1960. – 1149 p.}

- Бамматов, Оразаева 2007 – *Бамматов З.З., Оразаева Г.М.* Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. – 1733 с. {*Z.Z. Bammatov, G.M. Orazaeva.* Kumyk-Russian dictionary. – Makhachkala: Institute of Language and Literature of the Dagestan Scientific Center of the RAS, 2007. – 1733 p.}
- Баскаков 1956 – *Баскаков Н.А.* Русско-ногайский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. – 735 с. {*N.A. Baskakov.* Russian-Nogai dictionary. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1956. – 735 p.}
- Баскаков, Зайончковский, Шапшал 1974 – *Баскаков Н.А., Зайончковский А.А., Шапшал С.М.* Караймско-русско-польский словарь. – М.: Русский язык, 1974. – 688 с. {*N.A. Baskakov, A.A. Zaiionchkovskii, S.M. Shapshal.* Karaim-Russian-Polish dictionary. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1974. – 688 p.}
- Гузеев 1974 – *Гузеев Ж.М.* О фонетических особенностях малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. – Баку, 1974. – № 5. – С. 62–66. {*Zh.M. Guzeev.* On the phonetic features of the Malkar dialect of the Karachay-Balkar language // Soviet Turkology. – Baku, 1974. – No. 5. – PP. 62–66.}
- Гузеев 1975 – *Гузеев Ж.М.* Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. – Т. 27. Серия филологическая. – Нальчик, 1975. – С. 131–133. {*Zh.M. Guzeev.* On one feature of vowel harmony in the clicking dialect of the Karachay-Balkarian language // Scientific notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute. – Vol. 27. Philological series. – Nalchik, 1975. – PP. 131–133.}
- Гузеев 1979 – *Гузеев Ж.М.* О принципах орфографии карачаево-балкарского языка // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1979. {*Zh.M. Guzeev.* On the principles of orthography of the Karachay-Balkar language // Theoretical problems of the Karachay-Balkar language. – Nalchik, 1979.}
- Гузеев 1985 – *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик, 1985. – 196 с. {*Zh.M. Guzeev.* Semantic development of a word in explanatory dictionaries of Turkic languages. – Nalchik, 1985. – 196 p.}
- Гузеев 2015 – *Гузеев Ж.М., Махиева Л.Х.* Краткий словарь малкарского (ЦЗ) диалекта карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 2015. – 150 с. {*Zh.M. Guzeev, L.Kh. Makhieva.* A short dictionary of the Balkar (Ts/Z) dialect of the Karachay-Balkar language. – Nalchik, 2015. – 150 p.}
- Девлетов, Сейдаметова 2011 – *Девлетов Р.Р., Сейдаметова З.Ф.* Диалектные слова крымскотатарского языка. Словарь. – Акмесджит: Оджакъ, 2011. – 138 с. {*R.R. Devletov, Z.F. Seydametova.* Dialect words of the Crimean Tatar language. Dictionary. – Aqmescit: Odzhak, 2011. – 138 p.}
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с. {Old Turkic Dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969. – 677 p.}
- Дыбо 1996 – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). – М.: ИЯЗ РАН, 1996. – 390 с. {*A.V. Dybo.* Semantic reconstruction in Altaic etymology: somatic terms (shoulder girdle). – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1996. – 390 p.}
- Дыбо 2013 – *Дыбо А.В.* Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана: Prosper Print, 2013. – 616 с. {*A.V. Dybo.* Etymological dictionary of basic lexicon of Turkic languages. – Astana: Prosper Print, 2013. – 616 p.}
- Дыбо 2018 – *Дыбо А.В.* Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне // Российская тюркология. – 2018. – № 1–2 (18–19). – С. 16–28. {*A.V. Dybo.* Phonological features of Karachay-Balkar dialects on a common Turkic background // Russian Turkology. – 2018. – No. 1–2 (18–19). – PP. 16–28.}
- Караулов 1912 – *Караулов Н.А.* Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Т. 42. – Тифлис, 1912. – С. 1–169. {*N.A. Karaulov.* A brief outline of the grammar of the mountain language “Bolkar” // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. – Vol. 42. – Tiflis, 1912. – PP. 1–169.}
- КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с. {Karachay-Balkar-Russian Dictionary. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. – 832 p.}
- Лиз 1987 – *Лиз Р.Б.* Построение номинализованных конструкций в турецком языке и проблема эллипсиса / Перевод с английского А.Ю. Айхенвальд // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIX. – М.: Прогресс, 1987. – С. 311–323. {*R.B. Lees.* Construction of nominalized structures

- in Turkish and the problem of ellipsis / Translated from English by A.Yu. Aikhenvald // *New in Foreign Linguistics*. – Issue XIX. – Moscow: Progress, 1987. – PP. 311–323.}
- Логвинова 2019 – *Логвинова Н.Н.* Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачкнском говоре чувашского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. – СПб., 2019. – Vol. 15.2. – С. 86–129. {*N.N. Logvinova*. Non-possessive functions of the third person possessive marker in the Malokarachkian dialect of the Chuvash language // *Acta Linguistica Petropolitana*. – St. Petersburg, 2019. – Vol. 15.2. – PP. 86–129.}
- Мальцева 2017 – *Мальцева В.С.* Субстантивация с помощью словоизменительных показателей в хакасском языке // 7-я тематическая конференция «Типология морфосинтаксических параметров». – М., 2017. Тезисы доклада. URL: <https://ossetic-studies.org/tmp2017/data/uploads/abstracts/malceva.pdf> (access date: 17.06.2024) {*V.S. Maltseva*. Substantivization using inflectional indicators in the Khakas language // The 7th thematic conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”. – Moscow, 2017.}
- Мусаев 1964 – *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка: фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 345 с. {*K.M. Musaev*. Grammar of the Karaim language: phonetics and morphology. – Moscow: Nauka, 1964. – 345 p.}
- Мусаев 2017 – *Мусаев К.М.* Кыпчакские языки. – М.: Языки народов мира – Тезаурус, 2017. – 424 с. {*K.M. Musaev*. Kypchak languages. – Moscow: Languages of the World – Thesaurus, 2017. – 424 p.}
- Ольмесов 1996 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 1996. – 67 с. {*N.Kh. Olmesov*. Comparative-historical research of the dialect system of the Kumyk language: Dr. Habil. diss. abstract. – Kazan, 1996. – 67 p.}
- Реби 2004 – *Реби Д.* Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 224 с. {*D. Rebi*. Krymchak language. Krymchak-Russian dictionary. – Simferopol: Dolya, 2004. – 224 p.}
- РКБС 1965 – Русско-карачаево-балкарский язык. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 744 с. {*Russian-Karachay-Balkar dictionary*. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965. – 744 p.}
- Совр. КБЯ 2016 – Современный карачаево-балкарский язык. Часть 1 / Под ред. *Ж.М. Гузеева*. – Нальчик, 2016. – 443 с. {*Modern Karachay-Balkar language*. Vol. 1 / Ed. by *Zh.M. Guzeev*. – Nalchik, 2016. – 443 p.}
- Соттаев 1960 – *Соттаев А.Х.* Диалектный состав балкарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Казань, 1960. – 204 с. {*A.Kh. Sottaev*. Dialectal Composition of the Balkar Language // *Issues of Turkic Languages Dialectology*. – Kazan, 1960. – 204 p.}
- ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. I том. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1021 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Volume I. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 1021 p.}
- ТСКБЯ 2002 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. II том. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1172 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Volume II. – Nalchik: El-Fa, 2002. – 1172 p.}
- ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. III том. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1159 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Volume III. – Nalchik: El-Fa, 2005. – 1159 p.}
- Усеинов 2007 – *Усеинов С.М.* Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь. – Симферополь: Тезис, 2007. – 640 с. {*S.M. Useinov*. Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian dictionary. – Simferopol: Tezis, 2007. – 640 p.}
- Федотова 2020 – *Федотова И.В.* Полисемия в списках самодийской базисной лексики и языковые контакты // Урало-алтайские исследования. – М., 2020. – № 2 (37). – С. 79–116. {*I.V. Fedotova*. Polysemy in lists of Samoyedic basic lexicon and language contacts // *Ural-Altaic Studies*. – Moscow, 2020. – No. 2 (37). – PP. 79–116.}
- Филоненко 1940 – *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. – Нальчик, 1940. – 89 с. {*V.I. Filonenko*. Grammar of the Balkar Language. Phonetics and Morphology. – Nalchik, 1940. – 89 p.}
- Чеченов 1996 – *Чеченов А.А.* Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М.: ИЯз РАН, 1996. – 395 с. {*A.A. Chechenov*. Historical phonetics of the Karachay-Balkar language. – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1996. – 395 p.}

- ЭБТЯ – Этимологическая база тюркских языков в Starling. {Etymological Database of Turkic Languages in Starling.}
- ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы ‘В’, ‘Г’ и ‘Д’. – М.: Наука, 1980. – 395 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘V’, ‘G’ and ‘D’. – Moscow: Nauka, 1980. – 395 p.}
- ЭСТЯ 1989 – *Севортян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. – М.: Наука, 1989. – 292 с. {*E.V. Sevortyan, L.S. Levitskaya.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘J’, ‘Z’, ‘J’. – Moscow: Nauka, 1989. – 292 p.}
- ЭСТЯ 1997 – *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘Қ’. – М.: Наука, 1997. – 364 с. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘K’, ‘Q’. – Moscow: Nauka, 1997. – 364 p.}
- ЭСТЯ 2000 – *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы ‘К’. – М.: Наука, 2000. – 261 с. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letter ‘Q’. – Moscow: Nauka, 2000. – 261 p.}
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков: общeturкские и межтюркские основы на буквы ‘Л’, ‘М’, ‘Н’, ‘П’, ‘С’. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘L’, ‘M’, ‘N’, ‘P’, ‘S’. – Moscow: Oriental Literature RAS, 2003. – 446 p.}
- Clauson 1972 – *G. Clauson.* An Etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p./
- CLICS³ – Database of Cross-Linguistic Colexifications. – Concept WING. – URL: <https://clics.clld.org/parameters/1257#1/21/1> (access date: 17.06.2024).
- Egorov 2020 – *I. Egorov.* Basic vocabulary of closely related languages in contact: case study of Turkic languages on the Crimean Peninsula // Journal of Language Relationship. – 2020. – No. 18/3. – PP. 170–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/basic-vocabulary-of-closely-related-languages-in-contact-case-study-of-turkic-languages-on-the-crimean-peninsula/viewer> (access date: 17.06.2024).
- Kornfilt 1997 – *J. Kornfilt.* Turkish. – London, New York: Routledge, 1997. – 575 p.
- Kornfilt, Whitman 2011 – *J. Kornfilt, J. Whitman.* Afterword: Nominalizations in syntactic theory // *Lingua*. – 2011. – No. 121. – PP. 1297–1313.
- Németh 1911 – *Gy. Németh.* Kumük tanulmányok. I. Rész: kumük és balkár szójegyzék (Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis) // *Keleti Szemle*, Bd. XII. – Budapest, 1911. – S. 91–153.
- Polinsky 1992 – *M. Polinsky.* Crimean Tatar and Krymchak: classification and description // *The Non-Slavic Languages of the USSR*. – Chicago: The Chicago Linguistic Society, 1992. – PP. 157–188.
- Pröhle 1909a – *W. Pröhle.* Karatschaisches Wörterverzeichnis // *Keleti Szemle*, Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 83–150.
- Pröhle 1909b – *W. Pröhle.* Karatschaische Studien // *Keleti Szemle*, Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215–304 (I. Karatschaische Laut und Formenlehre, S. 215–235; II. Karatschaische Texte, S. 235–304).
- Pröhle 1914–1915 – *W. Pröhle.* Balkarische Studien I // *Keleti Szemle*, Bd. XV. – Budapest, 1914–1915. – S. 164–276 (Vorwort, S. 165–167; I. Laut und Formenlehre, S. 167–196; II. Wörterverzeichnis, S. 196–270).
- Pröhle 1915–1916 – *W. Pröhle.* Balkarische Studien. II // *Keleti Szemle*, Bd. XVI. – Budapest, 1915–1916. – S. 104–243 (Texte mit deutscher Übersetzung und Kommentar).
- Tietze 2019 – *A. Tietze.* Tarihi ve etimolojik Türkiye Türkçesi lügati. [*A. Tietze.* Историко-этимологический словарь турецкого языка.] – Ankara: TÜBA (Türkiye Bilimler Akademisi), 2019. – 505 s. {*A. Tietze.* Historical and etymological dictionary of the Turkish language. – Ankara: TÜBA (The Turkish Academy of Sciences) Publ., 2019. – 505 p.} (In Turkish.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 23–51. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-23-51

КОММЕНТАРИИ К ЧУВАШСКИМ МАТЕРИАЛАМ Г.Ф. МИЛЛЕРА

*Александр Владиславович Савельев*¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-8343-2057
Scopus ID: 57217068405
e-mail: asavelyev@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Савельев А.В., 2023

Аннотация: Статья посвящена анализу чувашских языковых материалов, задокументированных в 1733 г. участником Великой Северной экспедиции, членом Петербургской Академии наук Герхардом Фридрихом Миллером. Общий объем чувашской лексики, записанной им на севере Чувашии и в окрестностях Казани, составил более трехсот основ. Таким образом, речь идет о наиболее раннем памятнике чувашского языка из тех, объем которых позволяет составить полноценное представление об облике «исторических» чувашских диалектов. В статье показано, что орфография памятника носит достаточно системный характер, а языковой материал является принципиально доступным для интерпретации с точки зрения исторической фонетики, морфологии и лексикологии, причем некоторые особенности «миллеровских» диалектов чувашского языка носят особо архаичный характер.

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, чувашский язык, старочувашские памятники, историческая фонетика, историческая лексикология, историческая диалектология.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01924 «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (организация финансирования – Институт языкознания Российской академии наук). URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>.

Для цитирования: *Савельев А.В.* Комментарии к чувашским материалам Г.Ф. Миллера // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40–41). С. 23–51. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-23-51.

Commentaries on G.F. Müller's Chuvash language materials

*Alexander Vladislavovich Savelyev*¹

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Researcher
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Senior Researcher
ORCID: 0000-0002-8343-2057
Scopus ID: 57217068405
e-mail: asavelyev@iling-ran.ru

© IL RAS, 2023
© Savelyev A.V., 2023

Abstract: The paper deals with the Chuvash language materials recorded by the participant of the Great Northern Expedition, academician Gerhard Friedrich Müller. In 1733, Müller documented more than 300 Chuvash lexical items in northern Chuvashia and in the vicinity of Kazan. His materials should be considered the earliest detailed source on the “historical” dialects of Chuvash. It is shown that Müller’s orthography is to a large extent systematic, and his records are, in principle, interpretable in terms of historical phonology, morphology, and lexicology. Certain features of the Chuvash dialects documented by Müller should be seen as particularly archaic.

Keywords: G.F. Müller, Chuvash language, old written Chuvash sources, historical phonology, historical lexicology, historical dialectology.

Acknowledgment: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-01924 “Linguistic History of the Chuvash-Mari Volga Region”. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>.

For citation: Savelyev A.V. Commentaries on G.F. Müller’s Chuvash language materials // Russian Turkology. 2023. № 3–4 (40–41). P. 23–51. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-23-51.

Введение

В настоящей статье предлагается анализ данных по чувашскому языку, собранных участником Великой Северной экспедиции, членом Петербургской Академии наук Герхардом Фридрихом Миллером (1705–1783). Эти материалы содержатся в труде «*Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen, und Wotiacken*», опубликованном в 1759 г. в третьем томе серии «*Sammlung rußischer Geschichte*» [Müller 1759], но собраны они были значительно раньше, в 1733 г., по пути упомянутой экспедиции из Санкт-Петербурга на Камчатку¹. Сам Миллер отмечает в своем труде, что собранная чувашская лексика, хотя и публикуется единым массивом, с языковой точки зрения распределена по двум диалектам. Часть материалов была получена в Казани при помощи толмачей губернской канцелярии, причем Миллер уточняет, что владели они тем чувашским говором, который был употребителен в окрестностях города². Кроме того, образцы чувашской лексики были записаны в Че-

¹ Знарок старочувашской письменности Г.И. Комиссаров считал, что чувашский материал собирался и на обратном пути экспедиции в 1743 г. [Комиссаров 2003: 89]. Это утверждение воспроизводится в кругах чувашских исследователей, ср. [Димитриев 2009; Яковлев 2019: 11], но его основания не вполне ясны. По крайней мере из текста «*Nachricht...*» факт сбора чувашского материала не только в 1733 г., но и десятилетием позже никоим образом не проистекает.

² «*Ich habe in Casan, durch Hülfe dortiger Dolmetscher, von Dialecten der Tscheremissischen, Tschuwaschischen und Wotiackischen Sprache, so wie solche in der Nachbarschaft von Casan geredet werden, ein kleines Wörterbuch zusammengetragen...*» [Müller 1759: 330].

боксарах, и соответствующие слова также приводятся в книге в тех случаях, когда их облик отличается от облика слов первого, приказанского диалекта³.

Чувашские материалы Миллера – это, прежде всего, словник из сравнительной таблицы «Vocabularium Harmonicum», приложенной к тексту «Nachricht...» и содержащей также татарский словник и словники финно-угорских языков Волго-Камского региона. Вслед за таблицей приводится перевод молитвы «Отче наш» на чувашский язык (наряду с марийским переводом). Наконец, чувашские слова окказионально отмечаются и в основном тексте труда Миллера; как правило, это этнографические термины, а также собственные имена. Общий объем чувашской лексики, зафиксированной в данном памятнике, превышает 300 основ. Таким образом, речь идет о наиболее раннем письменном памятнике чувашского языка из тех, объем которых позволяет составить полноценное представление об облике «исторических» чувашских диалектов. Только материалы Ф.И. Страленберга «старше» (были собраны в 1711 г. и опубликованы в 1730 г.), но у него задокументировано всего 30 чувашских основ, что позволило лишь в самом общем виде описать особенности диалекта-основы памятника, см. [Савельев 2022].

Ниже в настоящей статье приводится полный список чувашских основ из «Nachricht...», снабженных необходимым комментарием. Насколько известно, ранее сплошная роспись чувашских материалов Миллера не публиковалась. В тематической литературе обсуждаются, как правило, лишь отдельные лексемы из чувашской части таблицы «Vocabularium Harmonicum», призванные проиллюстрировать тезис о низком уровне документации чувашского материала собирателями XVIII в. [Егоров 1949: 112–115; Комиссаров 2003: 89–90]. Кроме того, в статье [Яковлев 2019] был дан лингвистический комментарий к опубликованному Миллером чувашскому переводу молитвы «Отче наш». Что же касается чувашских слов в основном тексте «Nachricht...», то они привлекали внимание языковедов лишь эпизодически – ср. в связи с этим некоторые из комментариев Н.И. Егорова к русскому изданию труда Миллера [Хрестоматия: 129–143]. Свод старочувашской лексики XVIII в., подготовленный О. Дурмушем [Durmuş 2014], включает лексемы из словника Миллера и выборочно из перевода «Отче наш», но не этнографические понятия и собственные имена, приведенные в основном тексте памятника.

В целом чувашские записи Миллера, несмотря на их очевидную значимость, ранее были предметом лишь поверхностного, часто фрагментарного изучения. Во многом это связано с укоренившимся в чувашеведении представлением о том, что памятники письменности XVIII в. не представляют особой ценности как научные источники. Представление это обусловлено, в свою очередь, антиисторическим подходом к письменным памятникам, при котором все неожиданные с точки зрения современного (!) языка записи по умолчанию признавались ошибочными. Даже орфография этих памятников системным образом не исследовалась, не говоря уже о попытках вписать их материал в общий контекст чувашской исторической грамматики.

³ «Wegen des Unterscheidens der zween Tschuwaschischen Dialecte erinnere noch, daß ich in der Stadt Tschebaxar Gelegenheit gehabt, einige Wörter von dasigem Dialecte zu sammeln, welche ich, wo ein merklicher Unterscheid sich findet, dem gemeinen Dialecte beygefüget habe» [Там же: 331].

Современное состояние старочувашских исследований (см. предыдущие работы цикла: [Савельев 2014а; 2016; 2018; 2021; 2022]) требует, чтобы при интерпретации чувашских записей Миллера был учтен ряд методологических моментов.

Во-первых, с орфографической точки зрения данный памятник не является изолированным; он хорошо укладывается в общую традицию записи языков Российской империи средствами немецкой орфографии в первой половине XVIII в. В общем случае в чувашских материалах «Nachricht...» соблюдаются правила немецкой орфографии: сочетание <sch> используется для обозначения *š*, <tsch> – для *č*, <w> – для *v* и т. д. Некоторые другие базовые особенности немецкой традиции записи чувашской лексики в XVIII в. описаны в статье [Савельев 2022]. Прямые параллели обнаруживаются в использовании орфограмм, в том числе нетривиальных, у Миллера и у Страленберга. Ввиду некоторых различий в облике соответствующих основ речь, как правило, не идет о прямом заимствовании чувашских материалов Страленберга Миллером, но ясно, что Миллер был хорошо знаком с трудом Страленберга [Strahlenberg 1730]: последний неоднократно цитируется в «Nachricht...». Поэтому вполне вероятно, что Миллер взял на вооружение уже разработанные приемы «немецко-чувашской» орфографии.

Во-вторых, следует принимать во внимание, что при документации разных языков Российской империи Миллер в целом использовал одну и ту же орфографическую систему. Ранее при исследовании чувашских материалов этот момент, насколько можно судить, не учитывался. Между тем орфографический анализ данных по ряду других языков из миллеровской коллекции уже был выполнен; см. хотя бы интерпретацию удмуртского материала в [Тепляшина 1965: 30–64; Ившин 2010: 34–39].

В-третьих, для адекватной интерпретации материалов Миллера необходимо иметь в виду, что частотным явлением при записи чувашского языка XVIII в. были орфографические «синонимы». Речь идет о параллельном – причем не обусловленном фонетическим контекстом или иными факторами – использовании разных орфограмм для передачи одних и тех же фонетических сущностей. Некоторые примеры такого рода орфограмм приводятся ниже (см. «Некоторые обобщения»). Эта практика свидетельствует, конечно, о некотором несовершенстве применявшейся системы орфографии, но все же и в использовании параллельных приемов записи автором «Nachricht...» можно усматривать своеобразную последовательность. Сами по себе орфографические «синонимы» не делают этот памятник принципиально ненадежным источником по чувашской языковой истории, как это принято было считать в предшествующей традиции.

Наконец, в-четвертых, при анализе записей Миллера – как и всех прочих старописьменных источников – следует опираться на текущее состояние исторической фонетики, морфологии и лексикологии чувашского языка. Как показано ниже, письменные формы, ранее считавшиеся ошибочными или вовсе неинтерпретируемыми, нередко отражают нетривиальные архаичные явления в чувашских диалектах XVIII в.

Приводимые ниже чувашские материалы Миллера структурированы следующим образом. Языковые данные сгруппированы по этимологическому прин-

ципу в 311 основ. В целях систематизации материала и упрощения ориентирования в нем эти основы пронумерованы и алфавитизированы согласно их условно «современным» чувашским эквивалентам. Формы из памятника в оригинальной орфографии даются в угловых скобках. Эти формы были выверены по двум отличного качества копиям «Nachricht...». Первая из них доступна на объединенном сайте библиотеки Гёттингенского университета и библиотеки Гёттингенской академии наук⁴, вторая – на сайте Google Books⁵. Затем в нижнем индексе приводится страница, на которой упоминается соответствующее слово в [Müller 1759]. Далее следует немецкое значение по тому же изданию, а затем – русское значение (как правило, по переводному изданию [Миллер 1791]). Замечу, что чувашские формы, приведенные в русском издании труда Миллера, представляют собой механистически транслитерированные формы из [Müller 1759], причем во многих случаях транслитерацию сопровождали новые опечатки. Сами по себе эти формы почти никакого научного значения не имеют и приводятся ниже лишь в исключительных случаях (когда дополнительная и при этом надежная информация может быть извлечена из формы русского издания, но не немецкого). Если значение сопровождается астериском (*...'), то речь идет об условно реконструированном значении в тех случаях, когда напрямую оно в памятнике не приводится. При необходимости для форм памятника вводятся конъектуры. Они даются в виде $A \leftarrow \{*B\}$, где A – «порченная» форма памятника, а B – ее исходный вариант. Аналогично в фигурных скобках под астериском приводятся буквы, которые в обеих изученных копиях памятника вовсе не пропечатаны и, таким образом, могут быть восстановлены лишь по результатам филологической интерпретации. Далее для всех чувашских слов, задокументированных в памятнике, предлагаются реконструкции фонетических прототипов (в квадратных скобках). Встречающиеся в этих реконструкциях необщепринятые фонетические символы имеют следующие значения: [з] – открытая реализация переднего неогубленного редуцированного ә ; [л] – открытая реализация заднего неогубленного редуцированного ӓ ; ° – огубленная артикуляция редуцированного гласного; точка под символом для редуцированного гласного – суженная артикуляция; точка над буквой – упередненная артикуляция заднерядного гласного; гачек (˘) под символом для шумного согласного – не отражаемая в орфографии Миллера полувзвонкая артикуляция. Транскрипции сложений последовательно приводятся, как правило, только под вхождениями для их первых частей (но, лаконичности ради, не для вторых). Через тильду даются эквиваленты форм памятника в фонологической записи, в общем случае опирающиеся на данные верхового диалекта чувашского языка (как более архаичного). При этом реально не зафиксированные в современном чувашском языке слова и сложения сопровождаются астериском. В нескольких случаях значком ⁺ обозначаются промежуточные внутриязыковые реконструкции. Наконец, при необходимости даются комментарии к конкретным формам памятника. Во всех случаях, когда это возможно, в качестве сравнитель-

⁴ URL: <https://gdz.sub.uni-goettingen.de/id/PPN331674602> (дата обращения: 09.04.2024).

⁵ URL: <https://play.google.com/books/reader?id=egRkAAAАcAAJ&pg=GBS.PA307&hl=ru> (дата обращения: 09.04.2024).

ного материала приводятся отражения в словнике Страленберга тех же слов, которые были задокументированы Миллером.

Чувашские основы из «Nachricht...» Г.Ф. Миллера с комментариями

1. <Abái>₃₈₆ ‘Mutter = мать’: [abáj] ~ чув. (диал.) *abaj* ‘тж.’.
2. <Ada>₃₉₂ ‘Stiefeln = сапоги’: [adl] ~ чув. *adъ* ‘тж.’.
3. <Adal>_{337, 384} ‘grosser Fluß = река (большая)’, <Asli-Adal>₃₃₇ ‘Wolga = Волга’, <Schorah-Adal>₃₃₇ ‘Kama = Кама’: [adl] ~ чув. *adъl* ‘Волга’.
4. <Agài>₃₈₈ ‘ältere Schwester = старшая сестра’: [agáj] ~ чув. (диал.) *agaj* ‘тж.’.
5. <Alla>₄₀₆ ‘50’: [all ~ al] ~ чув. *allъ* (SUBST), *alъ* (ATTR) ‘тж.’.
6. <Alla>₃₉₀ ‘Arm = плечо’, ‘Hand = рука’: [al] ~ чув. *alъ* ‘рука (кисть руки)’.
У Миллера не отмечается различие в семантике основ <Alla> и <Chol>, см. № 291. Между тем в чувашском соблюдается четкое противопоставление *alъ* ‘Hand = рука, кисть руки’ и ‘Arm = рука от кисти до плеча’. Ср. запись <Alln> ‘Hand’ ← {*Allu} в чувашском словнике Страленберга [Савельев 2022: 1367–1368].
7. <Alik>₃₉₂ ‘Thür = дверь’: [alъk] ~ чув. *alъk* ‘тж.’.
8. <Amyfch>₃₈₆ ‘Mutter = мать’: [amъš] ~ чув. *ama* ‘самка; диал. мать’, *am-ъžə*, *am-ъš* (POSS.3) ‘его мать’.
9. <Anàch>₃₉₀ ‘Kinn = бородака’ (т. е. ‘подбородок’): [anáx] ~ чув. *ana* ‘подбородок’, *janax* ‘тж.’. Миллеровскую запись трудно интерпретировать иначе, кроме как предполагая отражение контаминации двух синонимичных чувашских основ. Позднейшим памятникам и современному языку форма типа **anax* ‘подбородок’, насколько известно, незнакома.
10. <Anài>₃₈₆ ‘Mutter = мать’: [annáj ~ anáj] ~ чув. *aníe* ‘моя мать’. В памятнике отражается архаичный вариант без стяжения сочетания с йотом. Современная чувашская форма отражает развитие исходной формы типа **anaj* в промежуточное **annaj* (с эмфатической геминацией инлаутного согласного в звательной форме), откуда *aníe* в результате упомянутого стяжения. Последний вариант отражен как <Annæ> ‘Mutter’ в материалах Страленберга [Савельев 2022: 1357].
11. <Ar-> в составе <Arfín>₃₈₆ ‘Mensch = человек’: [aršín] ~ чув. *ar*, *ar-žin* ‘мужчина’.
12. <Awrûm>, <Awràb>₃₈₈ ‘Frau = жена’: [avгъ°m], [avгlъ] ~ чув. *arъm* ‘тж.’. Как и другие старочувашские памятники, словник Миллера отражает архаичный вариант слова ‘жена’ с сохранением этимологического -v- (⁺*av-r-ъm* букв. ‘моя-находящаяся-в-доме’). При этом запись <Awràb> проблематична. Появление , скажем, в результате ошибки при переписывании было бы не очень правдоподобно, поскольку сходств в начертаниях <m> и не наблюдается. Скорее миллеровский вариант отражает окказиональную деназализацию ауслаутного носового в речи конкретного носителя.
13. <Asli>₄₀₄ ‘groß = большой’, <Asli-Adal>₃₃₇ ‘Wolga = Волга’, <As{*l}i-fchüfchi>₃₉₆ ‘Ratze = крыса’: [aslъ], [aslъ=adl], [aslъ=šъží] ~ чув. *aslъ* ‘старший; большой, великий’, *aslъ adъl* ‘Волга’ (в отличие от ее крупных притоков, также называемых *adъl*, но с другими определителями), **aslъ šъží* букв. ‘большая мышь’. Последнее сложение в более поздних источниках не фиксируется, но ср. структурно эквивалентное диал. *тъ°нъ° šъží* ‘крыса’ (*тъ°нъ°* ‘большой’).

14. <Aſch>₄₀₀ ‘Fleisch = мясо’: [aš] ~ чув. *aš* ‘тж.’.
15. <Ati>, <Adi>₃₈₆, <Atèi>₄₁₁ ‘Vater = отец’: [at’i ~ at’i], [ad’i], [at’ej] ~ чув. *att’e*, (диал.) *ad’ej*, *att’ej*, *ad’i*, *att’i* ‘мой отец’.
16. <Awdàn>₃₉₆ ‘Hahn = петух’, <Tinis-Awdàn>₃₉₆ ‘Welscher Hahn = индейский петух’: [avdàn] ~ чув. *avdan* ‘петух’. Зафиксированное сложение – как бы **tinəs avdan* вместо **tinəs avdan-ə* (POSS.3) букв. ‘морской (т. е. заморский) петух’ – неграмматично.
17. <asnátob>₄₁₁ ‘werde geheilget = да святится’: [asnát’b] ~ чув. *azъn-* ‘помянуть’, *azъn-ad-ъp* (PRS-1SG).
18. <Aſjã>₃₈₂ ‘Donner = гром’, ‘Blitz = молния’, <Aſchi>₃₈₆ ‘Vater = отец’: [aša], [aššə] ~ чув. *aža* ‘самец; гром и молния (< *бог грома и молнии); *dual.* отец’, +*až-ъžə* (REL.POSS.3) > *aššə* ‘его отец’.
19. <Atſchäh>₃₈₈ ‘Kind = дитя’: [ačá] ~ чув. *aža* ‘тж.’.
20. <Tſchilgà>₃₈₈ ‘Zunge = язык’: [čəlyá] ~ чув. *čəlye* ‘тж.’.
21. <Antſchin>₄₀₀ ‘schweigen = молчать’: [ančəp] ~ чув. *čəp-* ‘звать; говорить, молвить’, *an=čəp* (PRON.2SG) ‘не говори’.
22. <Tſchiri>₃₉₀ ‘Bauch = брюхо’: [čəri] ~ чув. *čəre* ‘сердце’, *čər-i* (POSS.3). Значение перекрестно перепутано с <War> ‘Herz = сердце’ (см. № 264). В чувашском словнике Страленберга находим <Giëra> ‘Hertz’ [Савельев 2022: 1359].
23. <Tſchikmen>₃₃₆ ‘Kusmademiansk = Кузмодемьянск’: [čikmen] ~ чув. *čikme*, **čikmen* ‘Козьмодемьянск’.
24. <Tſcho>₃₈₆ ‘Stein = камень’: [čol] ~ чув. *čol* ‘тж.’.
25. <Tſchera> в составе чувашского мужского имени <Tſcherabatir>₃₆₆: [čərabatъr] ~ чув. *čora* ‘раб’, *čora=pattъr* (мужское имя).
26. <Tſchulpan>₃₆₆, чув. мужское имя: [čulpan] ~ чув. (низ.) *čulban* – явно антропонимное название с. Антипкино б. Чистопольского уезда [СЧЯ XV: 226].
27. <Tſchugù>₃₉₀ ‘männliche Scham = мужской детородный уд’: [č’g’g’] ~ чув. *č’g’g’* ‘penis’. Термин, по цензурным соображениям не фиксируемый позднейшими лексикографическими источниками, но хорошо известный в живой речи (употребителен также в составе сложения *č’g’g’ poš* ‘glans penis; penis’).
28. <Tſchichäh>₃₉₆ ‘Huhn = курица’, также в составе <Tinis-Tſchichäh>₃₉₆ ‘Welsches Huhn = индейская курица’: [č’xhá] ~ чув. *č’у’* ‘курица’, (DAT/ACC) *č’xh-a*, **tinəs č’xh-a* букв. ‘морская (т. е. заморская) курица’. По-видимому, обе записи отражают несловарные формы дательного-винительного падежа, а сложение со значением ‘индейская курица’ еще и неграмматично (ожидалась бы изафетная конструкция с POSS.3).
29. <Tſchulgà>₃₉₂ ‘Strümpfe = чулки’: [č’lyá] ~ чув. *č’lya* ‘тж.’.
30. <Tſchireſch>₃₉₈ ‘Fichte = сосна’: [č’r’š] ~ чув. *č’r’š* ‘ель’. Значение слова верно отождествлено с нем. ‘Fichte’ (т. е. ‘ель’); неправильное значение ‘сосна’ дано в рус. издании.
31. <Abi>₄₀₂ (2 раза) ‘ich = я’: [abə] ~ чув. *ebə* ‘тж.’. Относительно обычного для старочувашских памятников выписывания <a-> в формах личных местоимений 1 и 2 лица см. [Савельев 2021: 83–84].
32. <Abir>₄₀₂ (2 раза), ₄₁₁ ‘wir = мы’, <pern>₄₁₁ (2 раза), ₄₁₂ ‘unser(e) = наш(и)’: [abír ~ abér], [pərn] ~ чув. *ebir*, (верх.) *ebər* ‘мы’, *pir-ən*, (сев.-зап.) *pər-n* (GEN) ‘наш(и)’.

33. <Arjak>₄₀₀ 'Branntwein = вино' ← {*Arják}: [ärák] ~ чув. *erex*, (диал.) *erek* 'тж.'. Конъектура предлагается ввиду того, что в рус. издании проставлено ударение на ожидаемом месте: <Арья́къ>.

34. <àrnä>₃₈₄ 'Woche = неделя', <Wyres-arnä>₃₈₂ 'Sonntag = воскресенье', <Kfno-arnä>₃₈₄ 'Donnerstag = четверг', <árnä-kon>₃₈₄ 'Freitag = пятница', <Dwatt árnä>₃₈₄ 'Monath = месяц': [árña], [-árña], [árña-kon] ~ чув. *erñe*, (верх.) *arña* 'неделя', *virz-arni* 'воскресенье', *kášn-erñi* 'четверг', *erñe=kon* 'пятница', *tv^ovat erñe* букв. 'четыре недели'.

35. <As>₄₀₂ (2 раза) 'du = ты': [as] ~ чув. *ezə*, *es* 'тж.'.

36. <Sir>₄₀₂ (2 раза) 'ihr = вы': [sir ~ sər] ~ чув. *ezir*, (сев.-зап.) *sər* 'тж.'.

37. <Inè>₃₉₄ 'Kuh = корова': [əné] ~ чув. *əne* 'тж.'.

38. <Injär>₄₀₄ 'gestern = вчера': [əñär] ~ чув. *əner* 'тж.'.

39. <Urgy>₃₃₆ 'Uffa = Уфа': [ə^opxü] ~ чув. *ə^opxü* 'тж.'.

40. <Ifäs>₄₀₀ 'trinken = пить': [əšäs] ~ чув. *əš-* 'тж.', (PTCP.FUT) *əž-es*.

41. <i>₄₁₁ 'also = и': [i] ~ чув. *i* 'тж.'.

42. <Ike>₄₀₄ '2', <Wonn{*}-ike>₄₀₆ '12', <Sírem-ike>₄₀₆ '22', <Ike-fsür>₄₀₈ '200', <Ike-pyn>₄₀₈ '2000': [ikkə ~ iķə], [-ikkə ~ -iķə], [iķə-] ~ чув. *ikkə* (SUBST), *igə* (ATTR) 'два', *ik šə^or*, (уст.) *igə šə^or* 'двести', *igə pin* 'две тысячи'. В словнике Страленберга находим форму <Yski> 'zwey', которая аналогично миллеровской записи <Ike> может отражать как полный, так и краткий вариант числительного [Савельев 2022: 1363].

43. <an ifekaj>₄₁₂ 'nicht führe = не введи': [an išekaj] ~ чув. *il-* 'брат', *i(l)-ze an=kaj* (брат-CVВ идти.PRON.2SG) 'не уноси'. В диалектах отмечается в том же значении и соответствующая миллеровской записи конструкция *an=i(l)ze kaj*.

44. <Ilmefch>₃₆₆, чув. мужское имя: [ilməš] ~ имя с вариантами *Илмешь*, *Илмешка*, *Илюмешь* в материалах В.К. Магницкого [Магницкий 1905: 44]. Не исключено, что источником первого варианта является как раз книга Миллера. Однозначно интерпретировать это имя трудно: ср. чув. *ilməš* 'притворяющийся не желающим взять [что-л.]' [СЧЯ III: 111] (о ребенке, отказывающемся от груди? тогда к *il-* 'брат', см. № 43) либо диал. *ilməš*, *iłəməš* 'накануне' (так могли называть ребенка, рожденного накануне имянаречения).

45. <Ir>₃₈₂ 'Morgen = утро', <ír>₄₀₄ 'früh = рано': [ir] ~ чув. *ir* 'тж.'.

46. <írek>₄₁₁ 'Wille = воля': [írək] ~ чув. *irək* 'тж.'.

47. <ültàn, ültən>₃₈₆ 'Gold = золото': [ílttàn ~ íltàn], [ílttən ~ íltən] ~ чув. *ílttən*, *íldən* 'тж.'.

48. <Irafch>₃₉₈ 'Rocken = рожь': [íraš] ~ чув. *iraš* 'тж.'.

49. <Iwol>₃₈₆ 'Sohn = сын', ₃₈₈ 'Knabe = мальчик', также в составе <giriwol>₃₅₉ 'Kinder = дети': [iv^ol], [-iv^ol] ~ чув. *iv^ol* 'сын'.

50. <Ichräh>₃₉₈ 'Knoblauch = чеснок': [ixrá] ~ чув. *ixra* 'тж.'.

51. <Jal>₃₉₂ 'Dorf = деревня': [jal] ~ чув. *jal* 'тж.'.

52. <Jafchka>₃₂₅ 'Brod, welches mit Fett oder Butter vermischt, in kleine länglichte Stücke zerschnitten, in Wasser gekocht, und in saurer Milch gegessen wird = смешанный с салом или с коровьим маслом хлеб, в мелкие и продолговатые куски разрезанный и в воде крепко вареный, который они <чуваши> едят с кислым молоком': [jaška] ~ чув. *jaška* 'суп, похлебка'.

53. <jat>₄₁₁ 'Nahme = имя': [jat] ~ чув. *jat* 'тж.'.

54. <Jibjä>⁴⁰⁴ ‘feucht = мокрый’: [jəbä] ~ чув. *jəbe* ‘тж.’.
55. <Jīm>³⁹⁰ ‘Beinkleider = штаны’: [jəm] ~ чув. *jəm* ‘тж.’.
56. <Jimmeike>³⁶⁶, чув. мужское имя: [jəmejke] ~ чув. **jəmejkke*, освоенный вариант русского имени *Емелька*. Ср. другие задокументированные в чувашских источниках варианты: *Йемелкке* [СЧЯ IV: 270], *Емелка*, *Имелка*, *Имелкей* [Магницкий 1905: 38, 44].
57. <Jirädub>⁴⁰² ‘ich weine = плачу’: [jərädʊb^h] ~ чув. *jər-* ‘плакать’, *jər-ed-ər* (PRS-1SG).
58. <Juwèn>³⁹⁴ ‘Zaum = узда’: [jə^ovén] ~ чув. *jə^oven* ‘тж.’.
59. <Jída>³⁹⁶ ‘Hund = собака’: [jída] ~ чув. *jidь* ‘тж.’.
60. <Jíwus>³⁸⁴ ‘Baum = дерево’: [jívʊs^o] ~ чув. *jívʊs* ‘тж.’.
61. <Jumàn>³⁹⁸ ‘Eiche = дуб’: [jumán] ~ чув. (верх.) *joman*, (низ.) *juman* ‘тж.’.
62. <Jommas>^{348–350, 367}, <Jümmase>³⁴⁸ ‘Wahrsager, Hexenmeister = знахарь’: [jomás], [jumáʂʂ] ~ чув. *jomə́s*, *jomzь*, диал. *jomzьь* ‘тж.’, в низовом диалекте – с *-и-* в первом слоге.
63. <Són-kon>³⁸⁴ ‘Mittwoche = среда’ ← {*Jón-kon}: [jón=kon] ~ чув. *jon* ‘кровь’, *jon=kon* ‘среда’. Ошибка при копировании обусловлена, по-видимому, некоторым сходством рукописных начертаний <S> и <J>.
64. <Jor>³⁸² ‘Schnee = снег’, <Jórkürpi>³⁸² ‘Hagel = град’: [jor], [jorkə^orpí] ~ чув. *jor* ‘снег’, *jor kə^orbi* ‘снежная крупа’.
65. <Jimmik>³⁸⁸ ‘Schwester = сестра’, <Jimmak>³⁸⁸ ‘jüngere Schwester = младшая сестра’: [jɪmɪk], [jɪmlk] ~ чув. *jьmьk* ‘младшая сестра’.
66. <Kajjadub>⁴⁰⁰ ‘ich gehe = иду’, ⁴⁰² ‘ich fahre = еду’, <an ifekai>⁴¹² ‘nicht führe = не введи’: [kajádʊb^h], [an iʂekaj] ~ чув. *kaj-* ‘идти, ехать’, *kaj-ad-ər* (PRS-1SG), *i(l)-ze an=kaj* (брать-СВВ идти.PROH.2SG). См. комментарий к № 43.
67. <-Kaik> в составе <Sonátli-Kaik>³⁹⁶ ‘Vogel = птица’: [-kajɪk] ~ чув. *kajьk* ‘птица; дичь’, *sonatli kajьk* (уст.) ‘птица’, букв. ‘крылатая дичь’.
68. <Kalás>⁴⁰⁰ ‘reden = говорить’: [kalás] ~ чув. *kala-* ‘тж.’, *kal-as* (PTCP.FUT).
69. <Karndik>³⁹² ‘Fenster = оконница’: [kar^hndɪk] ~ чув. *karəndьk* ‘окно, стекло’. Ср. у Даля, s.v. *оконница*: «переплет оконный, в который вмазываются окончины, стекла; но местами и окончину, стекло, зовут оконницей». В чувашском словнике Страленберга находим <Karuhoe> ‘Fenster’ ← {*Karundoc(k)} [Савельев 2022: 1361].
70. <Kapsjä>³⁹⁰ ‘weibliche Scham = женский детородный уд’: [kapsá] ~ чув. *kapsá* ‘vagina’.
71. <Kaŋ>³⁸² ‘Abend = вечер’, ⁴⁰⁴ ‘späth = поздно’, также <K{*á}[-> в составе <K{*á}ʃpolat>³⁸² ‘Nacht = ночь’: [kaś], [kaśpolat’] ~ чув. *kaś* ‘вечер, ночь’, *kaś polat’* букв. ‘вечер (ночь) наступает’. В <Kaŋʃpolat> знак ударения над первым <a> плохо пропечатан, но он может быть подтвержден по русскому изданию, где находим <Ка́сполать>. Ср. <Kaŋʃpolat> ‘Nacht’ в чувашском словнике Страленберга. Ввиду нетривиальной неточности в документации, объединяющей эти два источника (в обоих случаях в качестве перевода ‘Nacht = ночь’ дана целая фраза со значением ‘ночь наступает’), приходится предполагать, что в данном случае Миллер мог напрямую заимствовать форму у Страленберга [Савельев 2022: 1365–1366].
72. <Kaskar>³⁹⁴ ‘Wolf = волк’: [kaʂkar] ~ чув. *kaʂkьr* ‘тж.’.
73. <Káfa>³⁹⁴ ‘Ziege = коза’: [káʂa] ~ чув. **kaʂь* ‘тж.’. Задокументированный у Миллера вариант названия козы иначе отмечен в чувашском только в составе

сложения *kaš-tagī* ‘козел’. Кроме того, предковая древнечувашская форма (**käśä*) является источником марийского *kesä* ‘коза’.

74. <Käščik>₃₉₂ ‘Löffel = ложка’: [käšʲk] ~ чув. *kažʲk* ‘тж.’.

75. <Kümül>, <Kümöl>₃₈₆ ‘Silber = серебро’: [kəʔməʔl], [kəʔməʔl] ~ чув. *kəʔməʔl* ‘тж.’.

76. <-kürpi> в составе <Jörkürpi>₃₈₂ ‘Hagel = град’: [jorkəʔpɪ] ~ чув. *kəʔrbe* ‘крупа’, *kor kəʔrbi* ‘снежная крупа’.

77. <Krjūk>₃₉₀ ‘Pelz = шуба’: [krʲk] ~ чув. *kəʔrək* ‘тж.’.

78. <Güblä>₃₈₁ ‘Gusli = гусли’: [kəʔslä ~ gəʔslä] ~ чув. *kəʔsle* ‘тж.’. Отражение как бы звонкого [g-] в анлауте может быть чисто орфографическим, под влиянием нем. *Gusli*.

79. <Kfrjäh>₃₉₄ ‘Stutte = кобыла’: [kʲsrä] ~ чув. *kəsre* ‘тж.’.

80. <Kfín>₄₀₄ ‘klein = маленький’, <Kfín-Tûw>₃₈₄ ‘Hügel = холм’, <Kfno-arnä>₃₈₄ ‘Donnerstag = четверг’: [kʲsən], [kʲsən-tuʷ], [kʲsəʔno-arnä] ~ чув. *kəžən* ‘младший; небольшой, низкий’, *kəžən tu* букв. ‘небольшая гора’, *kəšn-erñi* ‘четверг’. Облик части сложения, задокументированной как <Kfno->, трудно интерпретировать.

81. <killes>₄₁₁ ‘zu komme = да придет’: [kiles] ~ чув. *kil-* ‘прийти’, *kil-es* (PTCP.FUT).

82. <Kímä>₃₉₄ ‘Schiff = корабль’: [kímz] ~ чув. *kimə* ‘лодка’. Острое ударение читается не вполне надежно; в рус. издании акут проставлен над вторым гласным: <Кимэ>.

83. <Keremet>₃₄₅ ‘*мольбище’: [keremet] ~ чув. *kiremet*, (диал.) *keremet* ‘тж.’.

84. <Kobas>₃₈₁ ‘Maultrommel = варган’: [kobas] ~ чув. *kobəs* ‘скрипка’, ‘*варган’. Последнее значение отмечается у данной основы, например, в татарских диалектах [ЭСТЯ 6: 69].

85. <Kokšchan>₃₃₆ ‘Kokschaik = Кокшайск’: [kokšan] ~ чув. **kokšan* ‘тж.’. Ср. луговое и горное марийское *kakšan* ‘р. Кокшага’, *kakšan-la* ‘Кокшайск’.

86. <Koladub>₄₀₂ ‘ich lache = смеюсь’: [koladʲbʲ] ~ чув. *kol-* ‘смеяться’, *kol-ad-ыр* (PRS-1SG).

87. <Kon>₃₈₂ ‘Tag = день’, <Kónni-bach>₄₁₂ ‘in Ewigkeit = вовеки’, а также <-kon> в составе <Túndi-kon>₃₈₄ ‘Montag = понедельник’, <Utlári-kon>₃₈₄ ‘Dienstag = вторник’, <árnä-kon>₃₈₄ ‘Freitag = пятница’, <Schmát-kon>₃₈₄ ‘Sonnabend = суббота’, <Tábirkon>₄₀₄ ‘morgen = завтра’, <Wyfímkon>₄₀₄ (2 раза) ‘uebermorgen = послезавтра’, ‘vorgestern = третьего дня’, <fairèm-kon>₄₁₁ ‘alle Tage = днесь’: [kon], [kónə-bax], [-kon] ~ чув. *kon* ‘день’, *kon-ə-b-ех* (POSS.3-INSTR-EMPH) ‘каждый день’. Ударение на основе (не на аффиксе!), нарушающая гармонию рядность сегмента <-bach>, а также дефис в <Kónni-bach> свидетельствуют о клитическом статусе показателя инструменталиса по крайней мере в некоторых чувашских говорах XVIII в. Это согласуется с данными других старочувашских памятников, ср. [Савельев 2021: 82]. В словнике Страленберга та же основа *kon* отражена как <Kann> ‘Tag’ ← {*Konn} / ?{*Kunn} [Савельев 2022: 1364, 1366–1367].

88. <Koradub>₄₀₂ ‘ich sehe = смотрю’, <Kormasdub>₄₀₂ ‘ich sehe nicht = не вижу’: [koradʲbʲ], [kormasʲdʲbʲ] ~ чув. *kor-* ‘видеть’, *kor-ad-ыр* (PRS-1SG), *kor-mas-t-ыр* (NEG-PRS-1SG).

89. <Kórok>₃₉₈ ‘Gras = трава’, ‘Heu = сено’: [kógʲk] ~ чув. *korʲk* ‘трава’.

90. <Koff>, <Kôs>₃₈₈ ‘Auge = глаз’: [koš] ~ чув. *koś* ‘тж.’. В чувашском словнике Страленберга находим <Köes> ‘Aug{*e} = глаз’ ← {*Kofs} / ?{*Koes} [Савельев 2022: 1364].

91. <Kofchàk>₃₉₆ ‘Katze = кошка’: [košák] ~ чув. *kožak* ‘тж.’.

92. <Kül>₃₈₄ ‘stehender See = озеро’: [kül] ~ чув. *kül(ə)* ‘тж.’.

93. <Kukrù>₃₉₀ ‘Brust = грудь’: [кʰ°krʰ°] ~ чув. *кʰ°gʰ°r*, (диал.) *кʰ°krʰ°* ‘тж.’. Почти идентичную запись <Kukru> ‘Brust’ находим в словнике Страленберга [Савельев 2022: 1359].

94. <Kundurlà>₃₈₂ ‘Mittag = полдень’: [кʰ°ndʰ°rlá] ~ чув. *кʰ°ndʰ°r* ‘полдень’, *кʰ°ndʰ°r-la* ‘в полдень’.

95. <Kwagàl>₃₉₆ ‘Ente = утка’: [kʰvagál] ~ чув. *кʰ°vagal* ‘тж.’.

96. <Kwagártfchin>₃₉₆ ‘Taube = голубь’: [kʰvagárçʰɲ] ~ чув. *кʰ°vagarçʰɲ* ‘тж.’.

97. <Kuwàr>₃₈₄ ‘glühende Kohle = горящий уголь’: [кʰ°vár] ~ чув. *кʰ°var* ‘тж.’.

98. <Laradub>₄₀₂ ‘ich sitze = сижу’, <Abi larádub>₄₀₂ ‘ich sitze = я сижу’, <As larátna>₄₀₂ ‘du sitztest = ты сидишь’, <Wul larat>₄₀₂ ‘er sitztet = он сидит’, <Abir larateber>₄₀₂ ‘wir sitzen = мы сидим’, <Sir laratra>₄₀₂ ‘ihr sitztet = вы сидите’, <Wul laratra>₄₀₂ ‘sie sitzen = они сидят’: [laradʰ°bʰ], [larádʰ°bʰ], [larátna], [laratʰ], [laratʰbʰɲ], [laratʰɲ] ~ чув. *lar-* ‘сидеть’, *lar-ad-ɲp* (PRS-1SG), *lar-ad-ɲn* (PRS-2SG), *lar-at* (PRS.3SG), *lar-at-p-ɲr* (PRS-1-PL), *lar-att-ɲr* (PRS-2PL). Формы 2SG и 2PL отражают неизвестную позднейшим источникам метатезу: *laradɲn* > *laratɲn*, *larattɲr* > *laratrɲ*. Ср. формы с аналогичной метатезой под № 254 и № 280. Перевод конструкции <Wul laratra> (‘они сидят’) явно ошибочен. По-видимому, это связано с возможностью двоякой интерпретации немецкого стимула *sie sitzen*: ‘они сидят’ или ‘Вы сидите’. Судя по расположению в опроснике (после форм 1SG, 2SG, 3SG, 1PL и 2PL), подразумевалась форма 3PL, но посредник интерпретировал немецкую конструкцию как рус. ‘Вы сидите’, и чувашский информант в ответ на этот стимул озвучил форму 2PL <laratra>. С местоимением 3SG <Wul> эта глагольная форма не сочетается, т. е. неграмматичное <Wul laratra>, скорее всего, было сконструировано редактором словника. Аналогичный случай под № 254.

99. <Láwka>₃₉₂ ‘Bank = скамья, лавка’: [lávka ~ lávka] ~ чув. *lavka*, *lavga* ‘тж.’.

100. <Jäpljä>₄₁₁ ‘wie = яко’: [jápja] ~ чув. (диал.) *léple* ‘как’.

101. <Lothräh>₄₀₄ ‘niedrig = низкий’: [lotrá] ~ чув. *lotra* ‘тж.’.

102. <manà>₄₁₁ (2 раза), 412 (2 раза) ‘uns = нам, нас’: [maná] ~ чув. *man-*, косвенная основа личного местоимения 1SG, *man-a* (DAT/ACC). Форма местоимения 1PL в молитве «Отче наш» ошибочно переведена чувашским местоимением 1SG.

103. <Mingür>₃₆₆, чув. мужское имя: [mingür] ~ чув. **mingür*. Это иначе незафиксированное (?) чувашское имя, очевидно, имеет кыпчакское происхождение: ср. название кыпчакского племени منكور اغلو *mingür-oglu* у ад-Димашки (XIII–XIV вв.).

104. <Molgâtſch>₃₉₄ ‘Haase = заяц’: [molgač] ~ чув. (верх.) *molgač* ‘тж.’.

105. <Moltſchäh>₃₉₂ ‘Badstube = баня’: [molčá] ~ чув. *monža*, (диал.) *molža* ‘тж.’.

106. <Obàh>₃₉₄ ‘Bäre = медведь’: [obá] ~ чув. *oba* ‘тж.’.

107. <Obskà>₃₈₈ ‘Mann = муж’: [obʰšká] ~ чув. *obʰška* ‘тж.’.

108. <Uch>₃₉₄ ‘Bogen = лук’: [ux] ~ чув. (верх.) *oŷə*, *ox*, (низ.) *uŷə*, *ux* ‘тж.’.

109. <Oi>₃₈₄ ‘Feld = поле’: [oj] ~ чув. *oj* ‘тж.’.

110. <öiich, újech>₃₈₂ ‘Mond = луна’: [ójɲx], [újɲx] ~ чув. *ojɲx* ‘тж.’.

111. <Okfã>³⁸⁶ ‘Geld = деньги’, <okfi> в составе <Golon okfi>³⁶⁹ ‘*калым’: [okśa], [okśi] ~ чув. *okśa* ‘деньги’, *okś-i* (POSS.3).

112. <Olmàh>³⁹⁸ ‘Apfel = яблоко’: [olmá] ~ чув. *olma* ‘тж.’.

113. <Alta>⁴⁰⁶ ‘6’ ← ?{*Olta}: [ɔltta ~ ɔltɬ ~ olttɬ ~ olɬɬ] ~ чув. *oltť* (SUBST), *oldť* (ATTR) ‘тж.’. В старочувашских памятниках отмечаются случаи выписывания <a> при отражении чув. *o* в безударной позиции, что возможно объяснять «аканьем» русскоязычных сборщиков материала, имевших дело с «окающими» чувашскими говорами [Савельев 2014а: 135]. Однако в данном случае гласный первого слога находится под ударением (именно на это, как правило, указывает открытая реализация редуцированного во втором слоге). Поэтому приходится вводить конъектуру, предполагая ошибку при переписывании в связи со сходством рукописных начертаний <o> и <a>. Ср. аналогичный случай, например, в чувашской части Словаря Палласа [Савельев 2014а: 136]. В словнике Страленберга находим запись <Olta> ‘sechs’, идентичную предполагаемому оригиналу миллеровской формы [Савельев 2022: 1359].

114. <Oràh>³⁹⁰ ‘Fuß = нога’: [orá] ~ чув. *ora* ‘тж.’. В чувашском словнике Страленберга встречаем <Ohra> ‘Fuß’ [Савельев 2022: 1359].

115. <Orobàh>³⁹⁴ ‘Wagen = телега’, ‘Rad = колесо’ ← ?{*Orabàh}: [orabá] ~ чув. *oraba* ‘тж.’. В связи с конъектурой ср. № 113 (возможная ошибка при переписывании в связи со сходством начертаний рукописных <o> и <a>). Однако в данном случае нельзя исключать и влияния на орфографию чувашской формы со стороны «вотяцкого» (удмуртского) <Urobòh> в соседнем столбце.

116. <Orbàh>³⁹⁸ ‘Gersten = ячмень’: [orbá] ~ чув. *orba* ‘тж.’.

117. <Ofòtr>³⁹⁶ ‘Stöhr = осетр’: [ośóťʳ] ~ чув. *ośóđťr* ‘тж.’. Хотя формально миллеровская запись почти напрямую соответствует чувашской форме, задокументированной в [СЧЯ III: 315], ее орфография нарушает фонетический принцип (ожидалось бы, по крайней мере, отражение редуцированного гласного между <t> и <r>). По-видимому, здесь представлена просто транслитерация русского слова. Может быть, это связано с тем, что на момент документации это заимствование еще не было полностью адаптировано к чувашской фонетике.

118. <Otmál>⁴⁰⁶ ‘60’: [otmál] ~ чув. *otmł* ‘тж.’. Не совсем ясно, какой именно диакритический знак стоит над <a>; вероятнее всего, гравис.

119. <Pajágan>⁴⁰⁴ ‘heute = сегодня’ ← ?{*Pajágan}: [pajáğɲ] ~ чув. *pajan*, (диал.) *pajagɲ* ‘тж.’. Конъектура предлагается ввиду того, что в рус. издании проставлено ударение на ожидаемом месте: <Пайганъ>.

120. <Bakfcha>³⁹⁴ ‘Eichhorn = белка’: [pakśa] ~ чув. *pakśa* ‘тж.’.

121. <bar>⁴¹¹ ‘gib = дай’, <batir>³⁵⁹ (3 раза) ‘verleyhe = подай’: [par ~ bar], [paťr ~ baťr] ~ чув. *par-* ‘давать’, *par* (IMP.2SG), *pa-dťr* (IMP.3SG).

122. <bátir>⁴¹² ‘Kraft = сила’, также <-batir> в составе чув. мужского имени <Tšcherabatir>³⁶⁶: [páťťr], [čórabatťr] ~ чув. *pattťr* ‘богатырь; богатырский, здоровый, сильный’.

123. <Pül, Püllüt>³⁸² ‘Himmel = небо’, <Püllüt>³⁸² ‘Wolken = облака’, также <püllu-> в составе <püllu-finä>⁴¹¹, <püllu-finà>⁴¹¹ ‘im Himmel = на небесах’: [pə°l], [pə°lə°t], [pə°lə°-] ~ чув. *pə°lə°t*, **pə°l(ə°)* ‘небо; облака’. Термин для ‘облаков’ известен только с конечным -t как в иных чувашских источниках, так и в других тюркских языках (**bulit*). Таким образом, данные Миллера отражают, по-види-

мому, чрезвычайно архаичный вариант этой основы без конечного дентального. Считать эти формы ошибочными трудно. Действительно, если считать *-t в ОТю *bulit, чув. pə˚lə˚t ‘облака’ окаменевшим показателем множественного числа, то чистая основа в чувашском имела бы вид pə˚lə˚, а также регулярный краткий вариант pə˚l. Именно эти два варианта и отражены в материалах Миллера как <püllu-> и <Pül> соответственно.

124. <Bär>₄₀₄ ‘1’, также <-bär> в составе <Wonn-bär>₄₀₆ ‘11’, <Sírem-bär>₄₀₆ ‘21’, <Ssür-bär>₄₀₈ ‘101’: [pɜg ~ bɜg], [-bɜg] ~ чув. pər ‘один’ (ATTR). В чувашском словнике Страленберга находим <Pärr> ‘eins’, где при помощи <ä> так же передается открытая реализация ə [Савельев 2022: 1360].

125. <Bitſchè, Pitſche>₃₈₈ ‘der ältere Bruder = старший брат’: [piččé ~ biččé], [piččé] ~ чув. pičče ‘тж.’. Отражение этой основы с начальным звонким отмечается в том числе в кириллических старочувашских памятниках: ср. <бич-> в Словаре Палласа и в переводе проповеди, датированном 1857 г. [Савельев 2016: 71]. Таким образом, не исключено, что <b-> у Миллера имеет не чисто орфографическую природу (как в ряде других основ на p-), а передает реальный полувзвонкий анлаут. Он может быть этимологически обусловленным, поскольку чув. слово следует признать заимствованием из какого-то кыпчакского рефлекса ОТю *beg-če ‘княгиня’ [VEWT 67]. С точки зрения фонетики ср. западнокыпчакские формы типа bijče, bijce ‘госпожа, княгиня’, а с точки зрения семантики – ойр. pičä ‘старшая сестра’. Соотношение между ‘старшей сестрой’ в языке-источнике и чув. ‘старшим братом’ такое же, как в ОТю *sinil ‘младшая сестра’ ~ чув. šäll- ‘младший брат’.

126. <Bitſchka>₃₉₂ ‘Faß = бочка’: [pičkä] ~ чув. pičke ‘тж.’.

127. <Billek>₄₀₆ ‘5’: [pillək ~ pilək] ~ чув. pillək (SUBST), pilək (ATTR) ‘пять’. В чувашском словнике Страленберга находим <Belich> ‘fünff’ [Савельев 2022: 1359].

128. <Pyn>₄₀₈ ‘1000’, также редупликация <Pyn-pyn>₄₀₈ ‘1000000’ и <-pyn> в составе <Ike-pyn>₄₀₈ ‘2000’, <Wonna-pyn>₄₀₈ ‘10000’, <Ssür-pyn>₄₀₈ ‘100000’: [pin], [-pin] ~ чув. pin ‘тысяча’.

129. <Pit>₃₉₀ ‘Backen = щеки’: [pit] ~ чув. pit ‘лицо; щеки’.

130. <Püll>₄₀₀ ‘Honig = мед (пчелиный)’, ‘Meth = мед (напиток)’: [pil] ~ чув. pil ‘мед (пчелиный и напиток)’.

131. <Pür-> в составе <Pür-tipne>₄₀₀ ‘durstig = жаждущий’: [pür] ~ чув. pür ‘горло’, pür tipnə ‘захотелось пить’, букв. ‘горло засохло’.

132. <Pürfch>₃₉₀ ‘Eingeweide = кишки’: [pürʃ^(b)] ~ чув. püržь ‘тж.’.

133. <Potjak>₃₉₄ ‘Lamm = ягненок’: [poɟak] ~ чув. pod’ek, (верх.) pod’ak ‘тж.’.

134. <Pogan>₃₉₂ ‘Stuhl = стул’: [pogan] ~ чув. pogan ‘тж.’.

135. <-polat> в составе <K{*á}ſpolat>₃₈₂ ‘Nacht = ночь’: [-polat’] ~ чув. pol- ‘быть, становиться’, pol-at’ (PRS.3SG), kaš pol-at’ букв. ‘вечер (ночь) наступает’.

136. <Póle>₃₉₆ ‘Fisch = рыба’, также <Pole> в составе <Schori Pole>₃₉₆ ‘Biela-Ribiza = белорыбца’: [pólʲ], [poʲ] ~ чув. polь ‘рыба’.

137. <Bórda>₃₉₄ ‘Beil = топор’: [pórdɫ] ~ чув. pordь ‘тж.’.

138. <Bornjä>₃₉₀ ‘Finger = палец’: [poŋnä ~ poŋná] ~ чув. porñe, (верх.) porña ‘тж.’.

139. <Burnät>₄₀₄ ‘lebendig = живой’: [pur^bnát’] ~ чув. (верх.) porъn-, (низ.) purъn- ‘жить’, purъn-at’ [PRS.3SG].

140. <Bos, Poŋ>₃₈₈ ‘Kopf = голова’: [poŋ] ~ чув. *poŋ* ‘тж.’. В чувашском словнике Страленберга находим запись <Bofs> ‘Kopff’ [Савельев 2022: 1359].
141. <Boŋchmàk>₃₉₂ ‘Schuhe = башмаки’: [poŋmàk] ~ чув. *poŋmak* ‘тж.’.
142. <Poŋ>₃₈₆ ‘Brunnen = колодезь’: [poŋ] ~ чув. *pozь, pos* ‘колодец’.
143. <Bûs>₃₈₆ ‘Copeke = копейка’: [pûs] ~ чув. *pûs* ‘тж.’.
144. <Bûrt>₃₉₂ ‘Stube = изба’: [pûrt] ~ чув. *pûrt* ‘тж.’.
145. <Büchür>₃₈₆ ‘Kupfer = красная медь’: [pûçûr] ~ чув. *pûçyr* ‘тж.’.
146. <Bulàn>₃₉₄ ‘Renntier = ручной (домашний) олень’, ‘Elend = лось’: [pûlàn] ~ чув. *pûlan* ‘олень’, (диал.) ‘лось’.
147. <Purù>₃₉₄ ‘Kalb = теленок’: [pûrû] ~ чув. *pûru* ‘тж.’.
148. <an pûŋful>₄₁₂ ‘nicht schade = чтоб не вредил’: [an pûŋful] ~ чув. *pûzьol* ‘портиться’, *an=pûzьol* (PRON.2SG). Перевод неверен. В немецком оригинале дано *das der Teufel uns nicht schade*, в рус. издании корректно переведенное как ‘чтоб дьявол нам не вредил’. При этом в чувашском тексте – конструкция <tuw ŋchaitan manà an pûŋful>, использующая глагол со страдательным значением ‘растраиваться, портиться’ вместо ‘вредить, портить’ и в целом неграмматичная.
149. <Rygaw>₃₆₆, чув. мужское имя: [rìgaw] ~ имя с вариантами *Рыгавь, Рыдавь* (из **Рыгавь* в характерной чув. орфографии XVIII в. и с ошибочной интерпретацией латинской <g> как рус. рукописной <д>), *Рыкавь, Рыковь* в материалах В.К. Магницкого [Магницкий 1905: 70]. Источником первого варианта может быть как раз книга Миллера. Ср. также имена *Рикка, Риккав, местность Риккаш-ни* (< **Рикка ёшни; ёшне* ‘поляна’), деревни *Риккошкăнь* (< **Рикка ошкăнĕ; ошкăн* ‘селение, часть селения’) и *Рыкка-касси* (*касă* ‘*выселок’) в [СЧЯ X: 288–289].
150. <Sak>₃₉₂ ‘Bank = скамья, лавка’: [sak] ~ чув. *sagь, sak* ‘тж.’. В чувашском словнике Страленберга находим <Sack> ‘Bauck ← {*Banck}’ [Савельев 2022: 1359].
151. <Sággar>₄₀₆ ‘8’, также <Saggar-> в составе <Saggar-wonna>₄₀₆ ‘80’: [sákkar ~ ságar], [sagar-von(n)al] ~ чув. *sakkьr* (SUBST), *sagьr* (ATTR) ‘восемь’, *sagьr=vonнь* (SUBST), *sagьr=vonь* (ATTR) ‘восемьдесят’. Звонкие геминаты в чувашском невозможны, поэтому употребление <g> в этой позиции можно интерпретировать только как попытку подчеркнуть непридыхательный характер велярного.
152. <Solom malik>₃₇₆ ‘*слово-поздравление дружки’: [salamalik] ~ чув. *salamalik* ‘слово, которым начинается в свадебном церемониале речь старшего дружки жениха’. Выписывание <o> в <Solom> не совсем ясно. Возможно смешение рукописных <a> и <o> (ср. №№ 113, 115), но в данном случае – ввиду безударности первых двух гласных в *salamalik* – в принципе нельзя исключать и гиперкоррекцию под влиянием правописания безударного *o* в рус. языке. Впрочем, для латинографического памятника этот сценарий представляется излишне сложным и потому маловероятным.
153. <Salma>₃₂₅ = <Jafchka> (см. № 52): [salma] ~ чув. *salma* ‘лапша, клецки и т. п.’.
154. <ŋan>_{411 (3 раза), 412} ‘dein = твой’: [san] ~ чув. *san-*, косвенная основа личного местоимения 2SG, *san* (2SG.GEN).
155. <Sfara>₄₀₄ ‘gelb = желтый’: [saral] ~ чув. *sarь* ‘тж.’.
156. <ŋairèm-> в составе <ŋairèm-kon>₄₁₁ ‘alle Tage = днесь’: [sajrèm-kon] ~ чув. *-seren*, (диал.) *-sajran*, *-sařen*, *-sejren* ‘каждый’, *kon=seren* ‘каждый день’.
157. <Stel>₃₉₂ ‘Tisch = стол’: [sʰtel ~ ʰstel] ~ чув. *sədel*, (диал.) *əstel* ‘тж.’.
158. <Süllu>₃₉₈ ‘Haber = овес’: [səʰləʰ] ~ чув. *səʰləʰ* ‘тж.’.

159. <Ssüd>₃₉₈ ‘Milch = молоко’: [sə^ot] ~ чув. sə^ot ‘тж.’.

160. <Swiä>₃₃₆ ‘Swjäschk = Свяжск’: [s^oviä] ~ чув. sə^ove ‘Свяжск’. Неточное соответствие между миллеровской записью и чув. словом может быть обусловлено орфографическим влиянием на форму памятника со стороны рус. названия города.

161. <Simis>₄₀₄ ‘grün = зеленый’: [síməs] ~ чув. siməs ‘тж.’.

162. <Siwe>₄₀₄ ‘kalt = студеный’: [sívə] ~ чув. sivə ‘холодный’.

163. <Sisnäh>₃₉₄ ‘Schwein = свинья’, также <Sisnäh-> в составе <Sisnäh-šüri>₃₉₄ ‘Ferkel = поросенок’: [sísna], [sísna-šüri] ~ чув. sisna ‘свинья’, sisna šüri ‘поросенок’.

164. <Sochäl, Suchäl>₃₈₈ ‘Bart = борода’, <Sochäl>₃₉₀ ‘Kinn = бородка’: [soxál], [suxál] ~ чув. soyal ‘борода’. Ошибочная документация данного чув. слова как эквивалента нем. Kinn ‘подбородок’ связана, по-видимому, с использованием русского как языка-посредника. Рус. бородка – это не только ‘небольшая борода’, но и диал. ‘подбородок’ [СРНГ 3: 111]. В чувашском словнике Страленберга находим запись <Sokula> ‘Bart’ ← {*Sokala}, отражающую косвенную форму типа soyal-a (DAT/ACC) [Савельев 2022: 1367].

165. <Sochàn>₃₉₈ ‘Zwiebeln = лук’: [soxán] ~ чув. soyan ‘тж.’.

166. <Sok>₃₃₆ ‘Sergeewsk = Сергиевск’: [sok] ~ чув. sok ‘р. Сок’, ‘село Сергиевск’ (последнее расположено на р. Сок).

167. <Som>₃₈₆ ‘Rubel = рубль’: [som] ~ чув. som ‘рубль (ассигнациями)’.

168. <Sóroch>₃₉₄ ‘Schaaf = овца’: [sór^ox] ~ чув. sor^ox ‘тж.’.

169. <Sumfâh>₃₈₈ ‘Nase = нос’: [s^omšá] ~ чув. s^omza ‘тж.’. В чувашском словнике Страленберга находим запись <Sumfa> ‘Nase’ [Савельев 2022: 1359].

170. <Surâh>₄₀₀ ‘Bier = пиво’: [s^orá] ~ чув. s^ora ‘тж.’. Отражение основы с огубленным гласным, как бы чув. **s^ora, совершенно неожиданно. В иных источниках, различающих огубленные и неогубленные редуцированные в чувашском, в данной основе последовательно передается неогубленный (ср. хотя бы [СЧЯ XI: 271]). Соответствия в других тюркских языках также содержат неогубленный гласный (тат. sira и др.). Скорее всего, u выписан здесь под влиянием названия пива в пермских языках (удм., коми sur). У Миллера как раз находим отражение этого последнего слова как <Sur> в соседствующих с чувашским словником столбцах «Wotiackisch», «Permisch» и «Siriänisch».

171. <Sukmàn>₃₉₀ ‘Kleid = платье’: [s^okmán] ~ чув. s^oxman, (диал.) s^okman ‘кафтан’.

172. <Suwfâr>₃₉₆ ‘Marder = куница’: [s^ovšár ~ su^wšár] ~ чув. s^ozar ‘тж.’. Слово заимствовано из монг. *sowsar ‘куница’, и миллеровская форма – в отличие от современной чувашской – ожидаемо отражает этимологический губной глайд. С глайдом же данная основа была заимствована и в поволжско-кыпчакские языки, ср. тат. s^usar (<⁺suwsar), башк. hiwhar. Облик известного по позднейшим источникам чув. варианта s^ozar указывает на упрощение сочетания с *w.

173. <Ssjugâh>₃₉₆ ‘Sterlett = стерлядь’: [š^ogá] ~ чув. š^ogə^o ‘тж.’. Миллеровская запись отражает, по-видимому, вариант основы с открытым полным гласным в ауслaute, как бы чув. *š^oge. Форма из «Nachricht...» должна быть признана более архаичной в сравнении с вариантом, известным по позднейшим чувашским источникам, поскольку в других тюркских языках также фиксируется открытый ауслautный гласный (тат. čökä, диал. čükä, азер. čökä и др.).

174. <Schlik>₃₉₀ ‘Mütze = шапка’: [ʃʰlɨk ~ ʰslɨk] ~ чув. *śalək*, (диал.) *ǎslək* ‘тж.’. Несмотря на поверхностную тождественность форм, нет необходимости предполагать ошибочную документацию рус. *шлык* ‘шапка’, поскольку миллеровская запись вполне интерпретируема именно как отражение чув. слова. Ср. другие случаи передачи чув. *ś* через <Sch> (№№ 210, 214 и, может быть, 223), выпадения редуцированного в первом слоге (напр., №№ 80, 214, 306) и передачи переднего редуцированного во втором слоге через <i> (напр., №№ 18, 31, 80).

175. <Sümren>₃₉₄ ‘Pfeil = стрела’: [ʃəʰmrɛn] ~ чув. *śəʰmren* ‘тж.’.

176. <Sir, Sfer>₃₈₄ ‘Erde = земля’, также <fir-> в составе <fir-finä>₄₁₁ ‘auf Erden = на земле’: [ʃɨr], [ʃɨr], [ʃɨr-] ~ чув. *śar* ‘тж.’.

177. <Sfür, Sfor>₃₈₂ ‘Nacht = ночь’, также <-ffür> в составе <Sfüriffür>₃₈₂ ‘Mitternacht = полночь’: [ʃəʰr], [ʃəʰr], [ʃəʰrʃəʰr] ~ чув. *śəʰr* ‘ночь’, *śor=śəʰr* ‘полночь’.

178. <Ssür>₄₀₆ ‘100’, также <Ssür-> в составе <Ssür-bär>₄₀₈ ‘101’, <Ssür-pyn>₄₀₈ ‘10000’, <-fsür> в составе <Ike-fsür>₄₀₈ ‘200’, <Wüffe-fsür>₄₀₈ ‘300’: [ʃəʰr], [ʃəʰr-bɜr], [ʃəʰr-pin], [-ʃəʰr] ~ чув. *śəʰr* ‘сто’.

179. <Sürbi>₃₃₆ ‘Ziwilsk = Цивильск’: [ʃəʰrbi] ~ чув. *śəʰrbü* ‘тж.’. В памятнике отражен как бы диал. вариант с конечным *-i*.

180. <Ssürü>₃₉₂ ‘Ring = кольцо’: [ʃəʰrəʰ] ~ чув. *śəʰrəʰ* ‘тж.’.

181. <Süffü>₃₉₂ ‘Messer = нож’: [ʃəʰʃəʰ] ~ чув. *śəʰʒəʰ* ‘тж.’.

182. <-finä>, <-finä> в составе <püllu-finä>₄₁₁, <püllu-finä>₄₁₁ ‘im Himmel = на небесах’, <-finä> в составе <fir-finä>₄₁₁ ‘auf Erden = на земле’: [-ʃinä], [-ʃinä] ~ чув. *śi* ‘поверхность’, *śi-ń-e* (POSS.3-DAT/ACC) ‘на что-л.’ (послелог). Перевод неточен: вместо ожидаемых здесь конструкций со значением местного падежа использованы чувашские направительные конструкции.

183. <Sjäs>₄₀₀ ‘essen = есть’: [ʃjäs] ~ чув. *śi-* ‘есть, кушать’, *śij-äs* (PTCP.FUT).

184. <Sifche>₄₀₆ ‘7’: [ʃiččə ~ ʃičə] ~ чув. *śiččə* (SUBST), *śičə* (ATTR) ‘семь’. В словнике Страленберга находим <Sithy> ‘sieben’ ← {*Sifchy}, что аналогично миллеровской записи может отражать как полный, так и краткий вариант числительного [Савельев 2022: 1363].

185. <Sill>₃₈₂ ‘Wind = ветер’, ₃₈₄ ‘Luft = воздух’: [ʃil] ~ чув. *śil* ‘ветер’.

186. <Sírem>₄₀₆ ‘20’, также <Sírem-> в составе <Sírem-bär>₄₀₆ ‘21’, <Sírem-íke>₄₀₆ ‘22’: [ʃírɛm], [ʃírɛm-bɜr], [ʃírɛm-íkkə ~ ʃírɛm-íçə] ~ чув. *śirəm* ‘двадцать’, *śirəm pər* ‘двадцать один’, *śirəm íkkə* (SUBST), *śirəm igə* (ATTR) ‘двадцать два’. В словнике Страленберга находим <Ssylem> ← {*Ssyrem} с ошибочным значением ‘acht’, т. е. ‘8’ вместо ‘20’ [Савельев 2022: 1365–1366].

187. <Sitmel>₄₀₆ ‘70’: [ʃitməl] ~ чув. *śitməl* ‘тж.’.

188. <Sfin>₃₈₆ ‘Mensch = человек’, также <-fin> в составе <Arfin>₃₈₆ ‘тж.’, <fir-finä>₄₁₂ ‘den Menschen = людям’: [ʃin], [-ʃin], [ʃin-ʃəñä] ~ чув. *śin* ‘человек’, *śin-zeń-e*, (диал.) *śin-zəń-e* (PL-DAT/ACC).

189. <Siràs>₄₀₀ ‘schreiben = писать’: [ʃírás] ~ чув. *śir-* ‘тж.’, *śir-as* (PTCP.FUT).

190. <-Sirla>, <-Sirlä> в составе <Chérli-Sirla>₃₉₈ ‘Erdbeere = земляника’, ‘Strickbeere = брусница’, <Choräh-Sirlä>₃₉₈ ‘Heidelbeere = черница’: [-ʃirla], [-ʃirlä] ~ чув. *śirla* ‘ягода’.

191. <firlag>₃₅₉ ‘verleyhe = подай’: [ʃírlax] ~ чув. *śirlax-* ‘миловать’, *śirlax* (IMP.2SG).

192. <Sirmà>₃₈₄ ‘kleiner Fluß = малая река’: [ʃírmá] ~ чув. *śirma* ‘овраг; речка’.

193. <Sifràs>₄₀₀ ‘schlafen = спать’, <Sifradub>₄₀₂ ‘ich schlafe = сплю’, <Sifmasdub>₄₀₂ ‘ich schlafe nicht = не сплю’: [šif^hrás], [šif^hradʘ^hb^h], [šif^hrmas^hdʘ^hb^h] ~ чув. *šivər-* ‘спать’, *šivər-as* (PTCP.FUT), *šivər-ad-ɣp* (PRS-1SG), *šivər-mas-t-ɣp* (спать-NEG-PRS-1SG). Использование <f> является, по-видимому, попыткой передать «шепотную» артикуляцию *v* в позиции перед выпадающим редуцированным и *r*.

194. <Söl-> в составе <Söldálok>₃₈₄ ‘Jahr = год’: [šoldáʎ^hok] ~ чув. *šol* ‘год’, *šol-dalʎk* ‘(целый) год’.

195. <Sfol>₃₈₄ ‘Weg = дорога’: [šol] ~ чув. *šol* ‘тж.’.

196. <Ssültfch>₃₉₈ ‘Blatt = листок’: [šülč^h] ~ чув. *šolʎb*, (диал.) *šülʎə* ‘тж.’.

197. <Sfömmog>₃₈₂ ‘Regen = дождь’: [šómʎ^hg] ~ чув. *šomʎr* ‘тж.’.

198. <Sfonäh>₃₉₄ ‘Schlitten = сани’: [šoná] ~ чув. *šona* ‘тж.’.

199. <Sönät>₃₉₆ ‘Flügel = крыло’, <Sonätli-Kaik>₃₉₆ ‘Vogel = птица’, <Sonatli Schüfchi>₃₉₈ ‘Fleder-Maus = летучая мышь’: [šonát], [šonátʎ^h-kajʎk], [šonátʎ^h šʎʎi] ~ чув. *šonat* ‘крыло’, *šonat-ʎ* (PRPR) ‘крылатый’, *šonatʎ kajʎk* (уст.) ‘птица’, букв. ‘крылатая дичь’, **šonatʎ šʎi* букв. ‘крылатая мышь’. Последнее сочетание в значении ‘летучая мышь’ поздним источникам неизвестно; вероятно, оно было сконструировано по модели рус. термина.

200. <Ssörtäh>₃₉₂ ‘Licht = свеча’, также <-fförtäh> в составе <Su-fförtäh>₃₉₂ ‘тж.’, <-Ssörtäh> в составе <Us-Ssörtäh>₃₉₂ ‘Wachlicht = восковая свеча’: [šortá] ~ чув. *šorda* ‘тж.’.

201. <Sfort>₃₉₂ ‘Haus = дом’: [šort] ~ чув. *šort* ‘тж.’. Ср. <Ziurd> ‘Hausf’ в чувашском словнике Страленберга [Савельев 2022: 1359].

202. <Sföri-> в составе <Sföriifür>₃₈₂ ‘Mitternacht = полночь’: [šórgʎš^hg^hr] ~ чув. *šorʎ*, *šor* ‘половина’, *šor=šə^hr* ‘полночь’.

203. <Sförem>₃₉₀ ‘Rücken = спина’: [šogʎm] ~ чув. *šorʎm* ‘тж.’.

204. <Sfuw>₃₉₈ ‘Butter = масло коровье’, ‘Oehl = масло’, также <Su-> в составе <Su-fförtäh>₃₉₂ ‘Licht = свеча’: [šʉ^w], [šʉ-šortá] ~ чув. *šʉ* ‘жир, масло’, *šʉ šorda* ‘сальная свеча’.

205. <Sfuti>₄₀₄ ‘hell = светлый’: [šʉʎʎ] ~ чув. *šudʎ* ‘тж.’.

206. <-fsüri> в составе <Sisnäh-fsüri>₃₉₄ ‘Ferkel = поросенок’: [šʉri] ~ чув. *šurʎ* ‘детеныш’, *šur-i* (POSS.3).

207. <Sül>₄₀₄ ‘hoch = высокий’: [šül] ~ чув. *šül(l)ə*, *šül* ‘тж.’.

208. <Süräs>₄₀₀ ‘fahren = ехать’: [šüräs] ~ чув. *šüre-* ‘ходить, ездить’, *šür-es* (PTCP.FUT).

209. <Süfl>₃₈₈ ‘Haupthaar = волосы на голове’: [šüs] ~ чув. *šüs* ‘тж.’. В чувашском словнике Страленберга находим <Ssys> ‘Haar’ ← ?{*Syfs} [Савельев 2022: 1359].

210. <Schebaläh>₃₉₂ ‘Löffel = ложка’: [šʎbalá] ~ чув. *šʎbala* ‘тж.’.

211. <Sukru>₃₉₈, <fukru>₄₁₁ ‘Brod = хлеб’: [šʎ^hkrʎ^h], [šʎ^hkrʎ^h] ~ чув. *šʎ^hgʎ^hr*, (диал.) *šʎ^hkrʎ^h* ‘тж.’. Идентичную запись <Sukru> ‘Brod’ находим в чувашском словнике Страленберга [Савельев 2022: 1359].

212. <Sfjül>₃₈₆ ‘Quelle = источник’: [šʎ^hʎ] ~ чув. *šʎ^hʎ* ‘тж.’.

213. <Söldir>₃₈₂ ‘Stern = звезда’: [šʎ^hʎdʎʎ^hr] ~ чув. *šʎ^hʎdʎ^hr* ‘тж.’.

214. <Schmardäh>₃₉₈ ‘Ei = яйцо’: [šʎ^hmardá] ~ чув. *šʎ^hʎmarda* ‘тж.’.

215. <Sfjunüh>₃₉₈ ‘Mehl = мука’: [šʎ^hʎnʎ^hx] ~ чув. *šʎ^hʎnʎ^hx* ‘тж.’.

216. <Sfür>₃₉₂ ‘Schlüssel = ключ’: [šʎ^hʎr] ~ чув. *šʎ^hʎra* ‘замок’, *šʎ^hʎra ošši*, *šʎ^hʎra-šši* ‘ключ’. Сегмент *šʎ^hʎr*, по-видимому, вычленен из сложения с неверно определенной границей между основами (как бы ***šʎ^hʎr-ašši*).

217. <Suwàr, Suàr>³⁸⁸ ‘Mund = рот’: [šʷ^ovár], [š^bvár ~ šúár] ~ чув. šʷ^ovar ‘тж.’. Запись <Suàr> может быть интерпретирована двояко. С одной стороны, ср. орфографию Страленберга, где <u> используется в значении *v*, а данная чув. основа отражена как <Suas> – явно из {*Suar(r)} [Савельев 2022: 1362]. Если в словнике Миллера окказионально употреблена та же орфограмма, то здесь, как и у Страленберга, может быть передана форма типа [š^bvár]. С другой стороны, не исключена документация форм с северо-западной периферии чувашского ареала, где отмечается вокализация сочетаний с -*v*- (ср. №№ 238, 255), и тогда у Миллера отражается [šúár].

218. <ſchachèr>^{411, 412} ‘Reich = царствие’: [šäxér] ~ чув. šeyer ‘город (большой)’. Значение миллеровской формы не ошибочное, а устаревшее, ср. <шеггèрь> ‘губернский город, (!) губерния’ в «Начертании...» В.П. Вишневого (1836 г.). Подобное же устаревшее значение (‘область’) отмечается и для татарского эквивалента чув. слова – šähär ‘город’ [Әхмәтьянов 2015, II: 487].

219. <Schīwa, Schüw>³⁸⁴ ‘Wasser = вода’, <Schorah-Schu>³³⁸ ‘Belowodskaja retschka = Беловодская речка (у Казани)’: [šīva], [šiv], [šü] ~ чув. šiv, (диал.) šü ‘вода’, šiv-a (DAT/ACC).

220. <Ŧſchobafchkar>³³⁶ ‘Tſcheбахар = Чебоксары’: [čobaškar] ~ чув. šobaškar ‘тж.’. Интерпретация миллеровской формы требует обращения к проблеме происхождения названий Чебоксар у чувашей и их соседей. Не вдаваясь здесь в детали этого трудного вопроса, отмечу лишь, что облик чув. šobaškar принципиально невыводим из рус. названия *Чебоксары*. Таким образом, выписывание <Ŧſch-> у Миллера едва ли отражает чув. фонетику XVIII в. Скорее это влияние рус. названия на *Ч*- или даже попытка народной этимологии со стороны собирателя материала: <Ŧſchobafch-> ~ *чуваши*, т. е. ‘чувашский (город)’?

221. <Schaitàn, Schúidan>³⁸² ‘Teufel = дьявол’, <ſchaitan>⁴¹² ‘тж.’, <Schaitàn-ran>⁴¹² ‘vom Teufel = от лукавого’: [šajtán], [šújdan ~ šújdan], [šajtan], [šaitàn-ran] ~ чув. šojdan ‘тж.’, šojdan-ran (ABL). Записи с отражением *a* в первом слоге передают, видимо, неадаптированное заимствование из тат. šajtan. Запись <Schúidan> отражает либо низовую форму типа [šujdan], либо форму из верхового ареала, где встречается развитие *o* > *u* в позиции перед *j*. Запись <Schaitàn-ran> с ударением на основе свидетельствует о клитическом статусе аблативного показателя в XVIII в. Ср. аналогичную ситуацию с показателем инструменталиса (см. № 87) и см. [Савельев 2021: 82].

222. <Schóri>⁴⁰² ‘weiß = белый’, <Schori> в составе <Schori Pole>³⁹⁶ ‘Biela-Ribiza = белорыбица’, <Schorah-> в составе <Schorah-Adal>³³⁷ ‘Кама = Кама’, <Schorah-Schu>³³⁸ ‘Belowodskaja retschka = Беловодская речка (у Казани)’: [šórg], [šorǵ], [šogal-adal], [šogal-šü] ~ чув. šorь ‘белый’, šorь polь ‘белорыбица’, букв. ‘белая рыба’, šorь adьl ‘Кама’, букв. ‘Белая Волга’, диал. šor(ь) šü ‘речка Белая Волшка (протекает близ села Беловолжского, Козловск. р.)’ [СЧЯ XVII: 240], букв. ‘белая река’.

223. <Schosma>³³⁶ ‘Schesminsk = Шезминск’: [šošma ~ šošml ~ šośma ~ šośml] ~ чув. (низ.) šužьm, šužьm ‘р. Шешма (приток Камы)’. Шезминск (Старый и Новый) – старое название сс. Старошешминск и Новошешминск на р. Шешма в Татарстане.

224. <Schippüs>³⁹⁰ ‘Blase = пузырь (мочевой)’ ← {*Schippür}, <Schipür>³⁸¹ ‘Dudelsack = волынка’: [šьpьrǵ ~ šьppьrǵ] ~ чув. šьbьr, šьppьr ‘пузырь (напр., моче-

вой); волынка'. Конъектура {*Schippür} поддерживается аналогичным случаем смешения букв <s> и <r>, обусловленного сходством их рукописных начертаний, у Страленберга: <Suas> ← {*Suar(r)} [Савельев 2022: 1367].

225. <Schilnè>³⁸⁸ 'der jüngere Bruder = младший брат', ³⁸⁸ <Schilnam> 'тж.': [šʲɫnə], [šʲɫnɫm] ~ чув. šʲll-, (диал.) šʲln- 'тж.', šʲln-ə (POSS.3), šʲln-əm (POSS.1SG).

226. <Schmát-kon>³⁸⁴ 'Sonnabend = суббота': [šʲmát-kon] ~ чув. šʲ^omat, šʲ^omat=kon 'тж.'.

227. <Schüfchi>³⁹⁶ 'Maus = мышь', <Sonatli Schüfchi>³⁹⁸ 'Fleder-Maus = летучая мышь', также <-schüfchi> в составе <As{*l}i-schüfchi>³⁹⁶ 'Ratze = крыса': [šʲšʲi], [-šʲšʲi] ~ чув. šʲži 'мышь'.

228. <Tagàh>³⁹⁴ 'Widder = баран': [tagá] ~ чув. taga 'тж.'.

229. <-dálók> в составе <Söldálok>³⁸⁴ 'Jahr = год': [-dál^ok] ~ чув. tal^ək 'сутки', šol-dal^ək '(целый) год'.

230. <Tárfi>³⁸⁸ 'Knecht = слуга', 'Magd = служанка': [táršʲ] ~ чув. tar^z 'батрак, слуга'.

231. <Tastar>^{322, 372 (3 раза)} 'die Stirbinde mit dem Anhang über den Rücken = повязки с лопастями, висящими по спине': [tastar] ~ чув. tastar 'женская головная повязка'.

232. <Tábir-> в составе <Tábirkon>⁴⁰⁴ 'morgen = завтра': [tábərkon] ~ чув. tebər 'другой', tebər kon 'на другой день; послезавтра'. Миллеровскую запись, отражающую нарушение гармонии гласных, можно интерпретировать как указание на происхождение чув. tebər из сложения: ta 'и' (соединительный союз) + pər 'один', т. е. 'и один, еще один'.

233. <Dewet>³²² '*праздничная наплечная повязка': [dewet] ~ чув. tevet 'тж.'. В принципе нельзя исключать использование <d-> для передачи непридыхательного t-, однако в данном случае скорее отражается неосвоенное заимствование из тат. dāwāt 'косо надеваемое нагрудное украшение' [Әхмәтьянов 2015, I: 241].

234. <Tütüm>³⁸⁴ 'Rauch = дым': [tə^otə^om] ~ чув. tə^odə^om 'тж.'.

235. <Tjúk>³⁸⁸ 'gemein Haar = волосы вообще': [tə^ok] ~ чув. tə^ok 'пух, перья; волосы (на теле)'.

236. <Türli>⁴⁰⁴ 'blau = синий': [tə^orlə] ~ чув. tə^orlə^o 'разный, разнообразный; пестрый, с узорами, с рисунками'. Приведенное у Миллера значение ошибочно.

237. <Tütüm>⁴⁰⁴ 'dunkel = темный': [tə^ottə^om] ~ чув. tə^ottə^om 'тж.'.

238. <Tüä>³⁹⁴ 'Cameel = верблюд': [tüä] ~ чув. tə^ove 'тж.'. Миллеровская запись отражает вариант типа *tüe, предполагающий вокализацию сочетания с глайдом, что характерно для северо-западных говоров чув. языка. Ср. №№ 217, 255.

239. <Timer, Kimer>³⁸⁶ 'Eisen = железо': [timər], [kimer] ~ чув. timər, (диал.) *kimər 'тж.'. Вторая форма отражает специфический диалектный переход t- > k- в позиции перед i, ср. № 240.

240. <Tinnis, Kines>³⁸⁴ 'Meer = море', также <Tinis-> в составе <Tinis-Awdàn>³⁹⁶ 'Welscher Hahn = индейский петух', <Tinis-> в составе <Tinis-Tschichäh>³⁹⁶ 'Welsches Huhn = индейская курица': [tínəs], [kínəs], [tínəs-avdán], [tínəs-čʲxhá] ~ чув. tinəs, (диал.) *kinəs 'тж.' (ср. № 239), *tinəs avdan букв. 'морской (т. е. заморский) петух', *tinəs čʲxh-a (DAT/ACC) букв. 'морская (заморская) курица'. Вторым элементом сложения в обоих случаях не имеет при себе показателя POSS.3, что неграмматично.

241. <Tibä>₄₀₄ ‘trocken = сухой’, <-típne> в составе <Pür-típne>₄₀₀ ‘durstig = жаждущий’: [tíbʒ], [-típne] ~ чув. *tip-* ‘сохнуть’ > *tibə* ‘сухой’, *pír tip-nə* (РТСР.PST) ‘захотелось пить’, букв. ‘горло засохло’.

242. <Timär>₃₉₈ ‘Wurzel = корень’: [tímár] ~ чув. *timar* ‘тж.’.

243. <Totà>₃₈₈ ‘Lippen = губы’: [toʦá] ~ чув. *toda* ‘тж.’.

244. <Totar>₃₃₅ ‘*татарин’: [toʦar] ~ чув. *todar* ‘тж.’.

245. <Tóta>₄₀₀ ‘satt = сытый’: [tóʦa] ~ чув. *todь* ‘тж.’.

246. <Toi>₃₈₆ ‘Meßing = зеленая медь’: [toj] ~ чув. *toj* ‘латунь’. См. у Даля, s.v. *латунь*: «желтая, зеленая медь, смесь меди с цинком; б.ч. употр. о листах, о листовой зеленой меди».

247. <Tóllö>₃₉₈ ‘Weizen = пшеница’: [tóľʲo] ~ чув. *tolь* ‘тж.’.

248. <Thora>₃₄₄ ‘die höchste Gottheit = высшее божество’, <Tora>₃₅₉ (4 раза), <Tóra>₃₈₂ ‘Gott = Бог’: [toɾa], [tóɾa] ~ чув. *torь* ‘тж.’. Важно, что единственный раз имя чувашского бога выписано с сочетанием <Th-> в контексте прямого его отождествления с «Тором древних готв» (“*der Thor der alten Gothen*”). Таким образом, в данном случае можно говорить о своеобразном применении этимологического принципа в ранней чув. орфографии. Аналогичный прием использован и в словнике Страленберга, где находим <Thor> [Савельев 2022: 1368].

249. <Tûw>₃₈₄ ‘Berg = гора’, также в составе <Kfin-Tûw>₃₈₄ ‘Hügel = холм’: [tʲuʷ] ~ чув. *tʲu* ‘гора’, *kəžən tʲu* букв. ‘небольшая гора’.

250. <tuw>₄₁₂ ‘*сделай’, <Túndi-kon>₃₈₄ ‘Montag = понедельник’: [tʲuʷ], [tʲúndi-kon] ~ чув. *tʲu-* ‘делать; рождать’, *tʲu* (ИМП.2SG), *tʲu-nd-i* (РТСР-NMLZ)=*kon* ‘понедельник’.

251. <Tjufchàk>₃₉₂ ‘Bette = постель’: [tʲúʃák] ~ чув. *tüžek* ‘перина, тюфяк’.

252. <Tüm>₃₈₆ ‘Leimen = клей’: [tʲm] ~ чув. *tʲom* ‘глина’.

253. <Tumanàh>₃₉₆ ‘Nacht-Eule = сова’: [tʲʰmaná] ~ чув. *tʲʰmana* ‘тж.’.

254. <Turádub>₄₀₂ ‘ich stehe = стою’, <Abi turadub>₄₀₂ ‘ich stehe = я стою’, <As turátna>₄₀₂ ‘du stehest = ты стоишь’, <Wul turät>₄₀₂ ‘er stehet = он стоит’, <Abir turáteber>₄₀₂ ‘wir stehen = мы стоим’, <Sir turatra>₄₀₂ ‘ihr stehet = вы стоите’, <Wul turatra>₄₀₂ ‘sie stehen = они стоят’: [tʲʰrádʲʰbʲ], [tʲʰradʲʰbʲ], [tʲʰrátna], [tʲʰrát], [tʲʰrátʲbʲ], [tʲʰratra] ~ чув. *tʲʰr-* ‘стоять’, *tʲʰr-ad-ьp* (PRS-1SG), *tʲʰr-ad-ьn* (PRS-2SG), *tʲʰr-at* (PRS.3SG), *tʲʰr-at-p-ьr* (PRS-1-PL), *tʲʰr-att-ьr* (PRS-2PL). Формы 2SG и 2PL отражают неизвестную позднейшим источникам метатезу: *tʲʰradʲʰn* > *tʲʰratnь*, *tʲʰrattʲr* > *tʲʰratrь*. Ср. формы с аналогичной метатезой под №№ 98, 280. Перевод конструкции <Wul turatra> (‘они стоят’) явно ошибочен – ср. комментарий к № 98 под аналогичным случаем <Wul laratra> (‘они сидят’).

255. <-don> в составе <Borodon>₃₄₄ ‘Schutzgott = *бог-покровитель чебоксарских чувашей’ ← {*Choradon}: [xoradân] ~ чув. *tʲʰvan* ‘родной, родственник’, *xora tʲʰvan* ‘название киремети’, букв. ‘черный родственник’. В.К. Магницкий упоминает, ссылаясь на данные Н.И. Золотницкого о чувашских киреметях, «Хорадон – киреметь близ старой часовни в овраге» [Магницкий 1881: 75]. Вот что пишет Н.И. Егоров об этом слове у Миллера: «У верховых чувашей в прошлом широкой популярностью пользовался киреметь *Хура-Тăван* (варианты: *Хора Тăван*, *Хоратан*, *Хоратоан* и т. п.) около села Ильинки Моргаушского района. Из материалов экспедиции известно, что Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин вместе с переводчиком, слугами и солдатами, из которых двое были чувашами, в районе Ильинской Пустыни (ныне село Ильинка) на правом берегу Волги посетили киреметище

273. <Wonna>₄₀₆ ‘10’, также <Wonna-> в составе <Wonna-pyn>₄₀₈ ‘10000’, <Wonn-> в составе <Wonn-bär>₄₀₆ ‘11’, <Wonn{*}-ike>₄₀₆ ‘12’, <-wonna> в составе <Saggar-wonna>₄₀₆ ‘80’, <Túchor-wonna>₄₀₆ ‘90’: [vonnл ~ vonл], [vonл-pin], [von-bzг], [von-ikkə ~ von-ikə], [-von(n)л] ~ чув. *vonnъ* (SUBST), *vonъ* (ATTR) ‘десять’, *vonъ pin* ‘десять тысяч’, *von=bər* ‘одиннадцать’, *von ikkə* (SUBST), *von igə* (ATTR) ‘двенадцать’. В чувашском словнике Страленберга находим запись <Wonn> ‘zehen’, отражающую краткую форму *von* [Савельев 2022: 1363].

274. <wod>₃₃₅, <Wod>₃₈₄ ‘Feuer = огонь’: [vot] ~ чув. *vot* ‘тж.’.

275. <Wútor>₄₀₆ ‘30’: [vʷ°tʷ°r] ~ чув. *vʷ°dʷ°r* ‘тридцать’.

276. <Wükor>₃₉₄ ‘Ochse = бык’: [vʷkʷ°r] ~ чув. *vʷ°gʷ°r* ‘бык’.

277. <Wul>₄₀₂ (4 раза) ‘er = он’ (2 раза), ‘sie = они’ (2 раза): [vʷ°l] ~ чув. *vʷ°l* ‘он’.

278. <Wultschà>₃₉₆ ‘Caviar = икра’: [vʷ°lçá] ~ чув. *vʷ°lçá* ‘тж.’.

279. <Wurman>₃₃₅, <Wurmàn>₃₈₄ ‘Wald = лес’: [vʷ°rman], [vʷ°rmán] ~ чув. *vʷ°rman* ‘тж.’.

280. <chàmerna>₄₁₁ ‘unser = наш’: [xámʷnл] ~ чув. *ха-м-ьр-ьн* (сам-1-PL-GEN) ‘наш собственный’. В связи с метатезой *хатьрьн* > *хатьрнь* ср. №№ 98, 254.

281. <chasjät>_{411, 412} ‘Schuld(en) = долг(и)’ [xášat] ~ чув. **xážat* ‘тж.’. Чув. слово является заимствованием из тат. *xäžät*, диал. *xäžät* ‘потребность, необходимость’, диал. *äžät* ‘долг’ ← перс. *hâjat* ‘нужда, необходимость’ (← араб.). Позднейшим чувашским источникам оно неизвестно, являясь, таким образом, *hapaх legomenon* миллеровского перевода «Отче наш».

282. <Chaitfch>₃₉₂ ‘Scheere = ножницы’: [xajčʰ] ~ чув. *xajžь*, диал. *xajžь* ‘тж.’.

283. <Chinàs>₄₀₀ ‘schlagen = бить’: [xənás] ~ чув. *xəne-* ‘бить’, *xən-es* (PTCP.FUT).

284. <Cher>₃₈₆ ‘Tochter = дочь’, ₃₈₈ ‘Mägdgen = девочка’, <gir-> в составе <giriwol>₃₅₉ ‘Kinder = дети’: [xər], [xərnʷ°l] ~ чув. *xər* ‘дочь; девушка’, *xər=ivʷl* ‘дети’.

285. <Gjérech>₄₀₆ ‘40’: [xəgəx ~ xəgəx] ~ чув. *xəgəx* ‘сорок’. Сочетание <Gj> – по-видимому, способ отражения сильно палатализованного *x̣*.

286. <Chérle>₄₀₂ ‘Roth = красный’, <Chérli-> в составе <Chérli-Sirla>₃₉₈ ‘Erdbeere = земляника’, ‘Strickbeere = брусница’: [xərlə], [xərlə-širla] ~ чув. *xərlə* ‘красный’, *xərlə širla* букв. ‘красная ягода’.

287. <Chwel, Schwel>₃₈₂ ‘Sonne = солнце’: [xʰvel], [xʰvel] ~ чув. *xə°vel* ‘тж.’. Сочетание <Sch> использовано, вероятно, для отражения сильно палатализованного *x̣* ~ [ç] по типу нем. *ich-laut*. В чувашском словнике Страленберга находим запись <Kuell> ‘Sonne’ [Савельев 2022: 1359], в отличной от миллеровской орфографии отражающую прототип типа [xʰvel].

288. <Gir>₃₈₄ ‘Wüste = степь’: [xir] ~ чув. *xir* ‘тж.’. Значение в рус. издании неточно соответствует нем. *Wüste* ‘пустыня’.

289. <Chürä>₃₉₈ ‘Tanne = ель’ ← {*Chürü}: [xirg] ~ чув. *xirg* ‘сосна’. И в нем., и в рус. издании даны неточные значения: ‘ель’ по-чувашски – *сьрбь*, а эквивалентом нем. *Tanne* ‘пихта’ является чув. *šogь сьрбь*, букв. ‘белая ель’. Конъектура в связи с финальной <-ä> вводится ввиду того, что ей не может быть приписано какое-либо правдоподобное – в случае отражения чув. *xirg* – фонетическое значение. Запись же {*Chürü}, предполагающая тривиальное смешение двух букв с умляутом, ожидаемым образом отражала бы форму типа [xirg̊].

290. <Chürem>₃₉₀ ‘Brust = грудь’, также <Chürem-> в составе <Chürem-wüffne>₄₀₀ ‘hungrig = голодный’: [xirg̊m], [xirg̊m-višnʷ] ~ чув. *xirg̊m* ‘живот’, *xirg̊m viš-nъ* (PTCP.PST) ‘кто-л. проголодался’, букв. ‘(у кого-л.) живот проголодался’.

291. <Chol>₃₉₀ ‘Arm = плечо’, ‘Hand = рука’: [xol] ~ чув. *xol* ‘рука (от кисти до плеча); плечо’. См. комментарий к № 6. В чувашском словнике Страленберга находим <Koll> ‘Arm’ [Савельев 2022: 1359], в отличной от миллеровской орфографии отражающее ту же форму вида [xol].

292. <Golàh>₃₉₂ ‘Stadt = город’: [xolá] ~ чув. *xola* ‘тж.’.

293. <Golop> в составе <Golop okfi>₃₆₉ ‘*калым’: [xolʷn oksi] ~ чув. *xolʷm*, диал. *xolʷn*, *xolʷm* (*xolʷn*) *oksi* ‘тж.’.

294. <Chor>₃₉₆ ‘Gans = гусь’: [xor] ~ чув. *xor* ‘тж.’.

295. <Choràh>₄₀₂ ‘Schwarz = черный’, также <Choràh-> в составе <Choràh-tuchlàn>₃₈₆ ‘Bley = свинец’, <Choràh-Sirlà>₃₉₈ ‘Heidelbeere = черника’, <Boro-> ← {*Chora-} в составе <Borodon>₃₄₄ ‘Schutzgott = *бог-покровитель чебоксарских чувашей’ ← {*Choradon}: [xorá], [xorá-tʷxlán], [xorá-širlá], [xora-dân] ~ чув. *xora* ‘черный’, *xora tʷxlan* ‘свинец’, букв. ‘черное олово’, *xora širla* ‘черника’, букв. ‘черная ягода’, *xora tʷvan* ‘название киремети’, букв. ‘черный родственник’. См. комментарий к № 255.

296. <Choràn>₃₉₂ ‘Kessel = котел’: [xorán] ~ чув. *xoran* ‘тж.’.

297. <Chors>₃₈₆ ‘Stahl = сталь’: [xorś^(b)] ~ чув. *xorśʷ*, (диал.) *xorś* ‘тж.’.

298. <Chorn>₃₉₈ ‘Birke = береза’: [xorʷn] ~ чув. *xorʷn* ‘тж.’.

299. <Kofchpa>₃₂₂ ‘die Stirnbinde mit dem Anhang über den Rücken = повязки с лопастями, висящими по спине’ ← ?{*Kofchpu}: [košpu] ~ чув. *xošpu* ‘женское головное украшение’. Миллеровская форма с начальным *k-* отражает как бы менее адаптированное (по сравнению с современной чувашской формой) заимствование из тат. *qašbaw* ‘тж.’, букв. ‘(над)бровная повязка’. Предполагаемое для миллеровской записи смешение <a> и <u> встречается и в чувашских материалах Страленберга [Савельев 2022: 1367].

300. <Chod>₃₉₂ ‘Papier = бумага’: [xot] ~ чув. *xot* ‘тж.’.

301. <Cofan>₃₃₆ ‘Casan = Казань’: [xoʃan] ~ чув. *xozan* ‘тж.’.

302. <Chofã>₃₈₈ ‘Herr = господин’: [xoʃa] ~ чув. *xoʃa* ‘хозяин’.

303. <Chüri>₄₀₀ ‘Schwanz = хвост’: [xüri] ~ чув. *xür-i* (POSS.3) ‘тж.’.

304. <Chüier>₃₈₆ ‘Sand = песок’ ← ?{*Chüier}: [xʷjʷr] ~ чув. *xʷjʷr* ‘тж.’.

305. <Chulchàh, Gulgà>₃₈₈ ‘Ohr = ухо’: [xʷlʷxá] ~ чув. *xʷlʷya* ‘тж.’.

306. <chwar>₄₁₁ ‘vergeb = остави’, <chwaràteber>₄₁₁₋₄₁₂ ‘vergeben = оставляем’: [xʷvar], [xʷvarátʷbʷr] ~ чув. *xʷvar-* ‘оставлять’, *xʷvar-at-p-ʷr* (PRS-I-PL).

307. <chofch>₄₁₁ ‘der = который’: [xʷʃ] ~ *xʷʃə*, *xʷʃ* ‘тж.’.

308. <Otur>₃₉₆ ‘Wasser-Ratze = водяная крыса’: [ʷtʷʷr] ~ чув. *ʷdʷʷr* ‘выдра, водяная крыса, выхухоль и т. п.’.

309. <Irjä>₃₉₄ ‘Hengst = жеребец’: [iʃl] ~ чув. *ʷjʷr*, диал. (верх., сев.-зап.) *iʃʷ* ‘тж.’.

310. <Us-> в составе <Us-Ssörtàh>₃₉₂ ‘Wachlicht = восковая свеча’: [ʷs-šörtá] ~ чув. *ʷvʷʷs*, диал. (верх., сев.-зап.) *ʷs* ‘воск’, *ʷvʷʷs* (*ʷs*) *šorda* ‘восковая свеча’.

311. <Ufchù>₄₀₄ ‘warm = теплый’: [ʷʃʷʷ] ~ чув. *ʷʃʷʷ* ‘тж.’.

Некоторые обобщения

В целом можно заключить, что чувашский языковой материал задокументирован в «Nachricht...» на очень высоком уровне. Большинство «неточностей» в записи не являются ошибками в прямом смысле, а отражают использование па-

параллельных орфограмм для передачи нетривиальных звуков чувашского языка. При исключении таких случаев оказывается, что число ошибок в чувашской части «Nachricht...» крайне невелико. Лишь в качестве исключения (всего около 10 случаев на 311 учтенных основ, а конкретных словоупотреблений в памятнике еще больше) анализ материала потребовал введения конъектур, предполагающих ошибки при копировании записей. Кроме того, отмечено несколько случаев искажения семантики чувашских слов и появления в тексте памятника неграмматичных конструкций. Таким образом, в общем ««Nachricht...» является заслуживающим доверия источником по чувашской исторической диалектологии, этимологии, а также сравнительно-исторической тюркологии. С учетом хронологического аспекта – того обстоятельства, что именно в труде Миллера представлено первое крупное собрание чувашских слов и фраз – он и вовсе должен быть признан одним из важнейших памятников старочувашской эпохи.

Большинство ошибок при копировании носит единичный характер, но некоторые являются рекуррентными. Ср. в особенности случаи смешения <a> ~ <o> (№№ 113, 115, 295). Кроме того, с точки зрения графики могут быть сопоставлены случаи смешения <a> ~ <u> (№ 299) и <ä> ~ <ü> (№ 289).

В части отражения чувашских гласных памятник характеризуется следующими нетривиальными чертами.

Гласный *i* передается в исключительных случаях через <y> (№№ 149, 270), а чаще – через <ü> либо <i>. Последние два варианта находятся в почти безупречном дополнительном распределении. Буква <ü> выписывается после губных *v*, *p*; таким образом, миллеровская орфография может указывать на некоторую лабиализацию *i* в этой позиции и отражение гласного типа [i̠], о котором см. [Савельев 2014b]. Кроме того, <ü> встречается после велярного *x*, для которого в чувашской диалектологии также уже отмечалась способность наводить лабиализацию на соседний гласный [Савельев 2014а: 237]. Наконец, выписывание <ü> в <ültän, ültən> ~ чув. *iltt̄n, ild̄n* ‘золото’ с некоторой осторожностью можно связывать с позицией перед *l* – еще одним чувашским согласным, который в заднерядных контекстах может приводить к огублению соседних гласных [там же: 150]. Что касается <i>, то эта буква используется после палатальных *j*, *ś*, а также в «консонантно-нейтральных» контекстах (ср. №№ 48, 163, 242 и др.). Лишь единожды <ü>, <i> употреблены параллельно – при отражении основы *šiv* ‘вода’ (№ 219). Ср. ситуацию с удмуртскими материалами Миллера, где удм. *ĭ* (= *i*) также может передаваться при помощи <ü> либо <i> [Тепляшина 1965: 33; Ившин 2010: 36], но правила их распределения с чувашскими, насколько можно судить, не совпадают.

Гласный *i*, как правило, тривиально передается при помощи <i>, изредка <y>, но также интересно двукратное употребление <ü> при отражении основы *viššä* ‘три’ (№ 267). Возможно, здесь – в позиции после губного – опять же имела место окказиональная лабиализация.

Чув. *e*, а также *a* в позиции после палатального передаются, как правило, через <ä>, <jä>, <ja>, изредка даже <a> (№ 283).

При отражении напряженного *u* отмечается выписывание <uw> в аудиторной, но единично, возможно, и в преконсонантной позиции (№ 172). По-видимому, как и другие старочувашские памятники (ср. [Савельев 2021: 79]), материалы

Миллера отражают архаизм, а именно дифтонгоид типа [u^w], что хорошо согласуется с происхождением *и* из старых сочетаний с глайдами.

Гласный *и* может передаваться при помощи целого ряда орфографических «синонимов»: <ü>, <y>, <u> либо сочетания <ju>.

Как и в других старочувашских памятниках, в материалах Миллера различаются этимологически огубленные и неогубленные редуцированные гласные, оппозиция между которыми была утеряна в современном литературном чувашском языке, основанном на низовой норме, но не в верховых и средненизовых говорах. При эта каждая из четырех редуцированных фонем представлена в закрытых и открытых реализациях. В общих чертах правила их отражения представлены в следующей таблице.

Подъем	Передний ряд		Задний ряд	
	Неогубленный /э/	Огубленный /э°/	Неогубленный /ь/	Огубленный /ь°/
Верхне-средний	<i> = [э]	<ü>, <u> ⁶ , <ju> = [э°]	<i>, <ü> = [ь]	<u> = [ь°]
Средний	<e> = [э]	<ö> = [э°]	<e> = [ь]	<o> = [ь°]
Средне-нижний	<ä> = [з]		<a> = [л]	

Открытые реализации чаще – но не исключительно – встречаются в непервых слогах и чаще – но опять же не исключительно – в безударной позиции. При этом в орфографически маркированной позиции после палатальных *j*, *ś* бывает смешение репрезентаций передних и задних редуцированных. Кроме того, нередко отражается выпадение редуцированных в безударной позиции. Распределение вариантов <i>, <ü> при передаче закрытого [ь] в общем похоже на ситуацию с отражениями *i*. Тенденция к выписыванию <ü> наблюдается в контекстах рядом с губным или велярным *x*, а также перед ретрофлексным *ś* (№ 227), что может указывать на некоторую лабиализацию редуцированного в этой позиции. Вариант <i> выступает в палатализирующих и нейтральных контекстах.

Нетривиальной орфограммой является использование сочетания <ah> для обозначения *a* и безударного [л] (т. е. открытой реализации ь) в конечных открытых слогах (№№ 19, 222, 295 и др.). Употребление этого сочетания в такой же функции находим и в удмуртских материалах Миллера [Тепляшина 1965: 35; Ившин 2010: 39].

Ударение проставляется в целом по правилам русской дореформенной орфографии (гравис – над последним слогом, иначе – акут). Над гласными иногда выписываются циркумфлексы (№№ 64, 235, 249 и др.), значение которых неясно. Не исключено, что по крайней мере в части случаев изначально это были знаки акцентуации, ошибочно интерпретированные как циркумфлексы при копировании.

При отражении чувашских согласных в памятнике нередко употребляются параллельные орфограммы. Так, для обозначения велярного фрикативного *x* используются <ch> и <g> (причем, вопреки ожиданиям, <g> появляется не толь-

⁶ В непервых закрытых слогах <ü>, но в ауслауте – чаще <u>.

ко в интервокальной позиции, предполагающей озвончение). Глайд *j* в поствокальной позиции может обозначаться при помощи <i> либо <j>. Сибиллянты *s*, *ś* в общем случае орфографически неразличимы: оба могут передаваться через <s>, <ss>. Кроме того, для отражения *ś* используются сочетания <sj> <ssj>, <sch>. Регтрофлексный *š* последовательно отражается как <sch>, однако для передачи сочетания *š**k* наряду с тривиальным <schk> используется нетривиальное <sk> (№№ 72, 107).

Обозначение полувзвонкости интервокальных шумных согласных непоследовательно: встречаются как звонкие, так и глухие отражения. Отражение геминат также несистемно (поэтому, например, в большинстве случаев неясно, субстантивные или же атрибутивные формы числительных представлены в памятнике).

Ожидаемый *p*- в анлауте часто записывается как <b->. Представляется, что такие случаи нужно делить на две группы. С одной стороны, эта орфограмма употребляется в сверхчастотных основах, где за начальным губным следует сонант (№№ 121, 124). Подобные основы практически во всех старочувашских памятниках – как латинографических, так и кириллических – записываются с <b-> / <б->. Скорее всего, здесь отражается реальный полувзвонкий [b-], ср. [Савельев 2018: 67]. С другой стороны, в «Nachricht...» задокументирован ряд менее частотных основ (№№ 127, 140 и др.), в которых выписывание <b-> характерно только для латинографических памятников. По-видимому, в этих случаях следует говорить об исключительно орфографическом приеме в немецкой традиции записи чувашского материала, а <b-> здесь подчеркивает непридыхательный характер губного, но вряд ли его полувзвонкую артикуляцию. Ср. аналогичное отражение основ данной группы у Страленберга [Савельев 2022: 1360].

Как и во многих других старочувашских памятниках, звонкий анлаут отражается в основе *tʰvattʰ* ~ *tʰvadʰ* ‘четыре’: <Dwatt(a)>. Озвончение *t*- может быть обусловлено позицией перед выпадающим редуцированным и сонантом, но не исключено и отражение архаичной звонкости, ср. ПТю **dōrtə* и см. [Савельев 2018: 68].

Не совсем ясно выписывание <-d> на месте ожидаемого *-t* в ауслaute (№№ 159, 274, 300). Скорее всего, оно не отражает никакой особой фонетической сущности и имеет чисто орфографическую природу (как и в случаях с анлаутным <b->, указание на непридыхательность?). Ср. аналогичное отражение в <Ziurd> ‘Haufs’ ~ чув. *śort* ‘дом’ у Страленберга [Савельев 2022: 1368].

На уровне морфологии следует отметить последовательное отражение как бы звонкого губного в исходе глагольных форм PRS.1SG. Аналогичная картина наблюдается в большинстве старочувашских памятников – не только латинографических, но и кириллических [Савельев 2021: 85], так что в этом случае говорить о влиянии немецкой орфографии при попытке отражения непридыхательности не приходится. В кириллических памятниках в соответствующих случаях выписывается <-бь>, а у Миллера – <-b> (№№ 17, 57, 66 и др.), что можно интерпретировать только как способ отражения сочетаний типа [-b^h], [-b^ʰ] с остаточным редуцированным гласным в исходе формы. Это архаизм, поскольку данный показатель восходит к прямой основе личного местоимения 1SG вида ^h*bə* (ср. *e-bə* ‘я’).

Примечательны формы PRS.1PL (№№ 98, 254, 306), где выписывается последовательность <-eber> ~ чув. *-p-ər* [1-PL]. Памятник отражает старую ситуацию, в которой формы 1PL еще имели исход на *-əb-ər* (ср. *-ər* в единственном числе),

а современный язык – закономерное для чувашской фонотактики выпадение инлаутного редуцированного.

Среди наиболее важных архаизмов памятника следует отметить неоднократно встречающиеся варианты основы $pə^\circ lə^\circ t$ ‘небо; облака’ без конечного зубного, т. е. $pə^\circ lə^\circ$, $pə^\circ l$ (№ 123). Документация этих форм имеет прямые последствия для тюркской этимологии, поскольку с учетом данных Миллера сравнение с ОТю **bulit* ‘облако’ позволяет реконструировать ПТю чистую основу вида **buli*, считая **-t* старым показателем множественности.

В заключение необходимо остановиться на вопросе о диалектной принадлежности чувашских материалов Миллера. Напомним: в тексте «Nachricht...» утверждается, что чувашские слова собирались в Чебоксарах и в окрестностях Казани. Анализ собственно лингвистического материала показывает, что в целом он носит верховой характер. Ср., прежде всего, многочисленные «окающие» формы памятника – по-видимому, они были записаны именно в Чебоксарах, где, согласно материалам экспедиции, ее участники встречались с чувашами из соседних деревень. Однако наряду с этим некоторые формы из «Nachricht...» явно носят черты не «стандартно-верховых», а северо-западных (малокарачкинского и сундырских) говоров чувашского языка. Напрямую с каким-то говором малокарачкинского типа следует отождествлять форму <pern> ~ чув. *pir-ən*, сев.-зап. *pər-n* (1PL-GEN) ‘наш(и)’ (№ 32). Сохранение старого **e* на фоне общечувашского перехода **e > i*, а также сохранение чистой основы в личных местоимениях 1-го и 2-го лица (без эмфатической дейктической проклитики *a- ~ e-*) являются ярчайшими чертами малокарачкинского наречия. В форме <Sir> ~ чув. *ezir*, (сев.-зап.) *ser* ‘вы’ (№ 36) гласный как бы «общечувашский», но отсутствие проклитики – опять же малокарачкинское. Наконец, северо-западными эксклюзивно или неэксклюзивно (т. е. встречающимися также в смежных верховых говорах) являются формы, отражающие стяжения сочетаний с глайдами: <Tüä> ~ чув. *tə^\circ ve*, сев.-зап. **tüe* ‘верблюд’ (№ 238), <-don> ~ чув. *tə^\circ van*, сев.-зап. **tân* ‘родной’ (№ 255), <İrjä> ~ чув. *ırjır*, сев.-зап. *ir’* ‘жеребец’ (№ 309), <Us-> ~ чув. *u^\circ v’^\circ s*, сев.-зап. *us* ‘воск’ (№ 310). С экстралингвистической точки зрения особое значение имеет основа <-don>, поскольку она задокументирована в составе названия киреметища *Хура тăван* в районе Ильинской Пустыни, моление на котором посетила экспедиция. Это село (ныне – Ильинка Моргаушского района Чувашии) располагается в зоне северо-западных, а конкретно сундырских говоров чувашского языка. Как известно, на отрезке пути от Ильинской Пустыни до Чебоксар отряд Миллера сопровождали «переводчик, двое слуг и четыре солдата, из которых двое оказались крещеные чуваша» [Хрестоматия: 89–90]. Очевидно, слова северо-западного облика могли быть записаны Миллером от провожатых и/или от участников моления.

С низовыми, приказанскими говорами чувашского языка должны быть отождествлены «укающие» формы. В памятнике некоторые из них приводятся наряду с верховыми, «окающими» формами (№№ 62, 110, 164), а некоторые не имеют верховых параллелей (№№ 61, 108).

Среди диалектных особенностей чувашского материала Миллера есть такие, которые в более поздних источниках, насколько известно, не отмечаются. Это, прежде всего, развитие *t- > k-* в позиции перед *i* (№№ 239, 240), а также метатеза вида *CVCVCən > CVCVCnə*, *CVCVCəR > CVCVCrə* (№№ 98, 254, 280).

Сокращения

Глоссы

ATTR – атрибутивная форма	PRON – запретительная форма (прохибитив)
CVB – деепричастие	PRPR – проприетивная форма ('имеющий что-л.')
DAT/ACC – дательно-винительный падеж	PRS – настоящее время
EMPH – эмфатическая частица	PST – прошедшее время
FUT – будущее время	PTCP – причастие
IMP – повелительное наклонение	REL – аффикс реляционных имен
INSTR – творительный падеж	SG – единственное число
NEG – отрицание	SUBST – субстантивная форма
NMLZ – номинализация	1 – первое лицо
PL – множественное число	2 – второе лицо
POSS – форма принадлежности	3 – третье лицо

Языки и диалекты

азер. – азербайджанский язык	перс. – персидский язык
араб. – арабский язык	ПТю – праторкский язык
верх. – верховой диалект чувашского языка	рус. – русский язык
диал. – диалектная форма	сев.-зап. – северо-западный диалект чувашского языка
монг. – монгольские языки	тат. – татарский язык
нем. – немецкий язык	удм. – удмуртский язык
низ. – низовой диалект чувашского языка	уст. – устаревшая форма
ойр. – ойротский (южноалтайский) язык	чув. – чувашский язык
ОТю – общетюркская ветвь тюркской семьи	

Литература

- Димитриев 2009 – *Димитриев В.Д.* МИЛЛЕР Герард Фридрих // Чувашская энциклопедия. Том 3: М–Се. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. {*V.D. Dimitriev. MÜLLER Gerhard Friedrich // Chuvash encyclopaedia. Vol. 3: M–Se. – Cheboksary: ChGIGN, 2009.*}
- Егоров 1949 – *Егоров В.Г.* Чувашские словари XVIII века // Записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1949. – Вып. 2. – С. 111–142. {*V.G. Yegorov. Eighteenth-century Chuvash dictionaries // Notes by the [Republican] Institute for the Study of Language, Literature and History (Council of Ministers of the Chuvash ASSR). – Cheboksary, 1949. – Issue 2. – PP. 111–142.*}
- Ившин 2010 – *Ившин Л.М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. {*L.M. Ivshin. The formation and development of Udmurt writing system and orthography in the 18th–early 19th centuries. – Yekaterinburg–Izhevsk: UrO RAN, 2010.*}
- Комиссаров 2003 – *Комиссаров Г.И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Комиссаров Г.И. О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / Сост. В.Г. Родионов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – С. 312–337. {*G.I. Komissarov. Chuvash records from the 18th century // Komissarov G.I. On the Chuvash: Studies, Memoirs, Diaries, Correspondence / V.G. Rodionov (comp.). – Cheboksary: Chuvash State University, 2003. – PP. 312–337.*}
- Магницкий 1881 – *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. {*V.K. Magnitsky. Materials for the interpretation of old Chuvash beliefs. – Kazan: Imperial Kazan University, 1881.*}
- Магницкий 1905 – *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1905. {*V.K. Magnitsky. Chuvash pagan names. – Kazan: Imperial Kazan University, 1905.*}
- Савельев 2014а – *Савельев А.В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа): дисс. ... канд. филол. наук.

- М., 2014. {*A.V. Savelyev*. Dialect features in old written Chuvash texts from the 18th century (based on Pallas's Dictionary): Ph.D. thesis. – Moscow, 2014.}
- Савельев 2014b – *Савельев А.В.* Огубленные «ы» и «и» в низовых говорах чувашского языка // Вестник КИГИ РАН. – 2014. – № 1. – С. 36–41. {*A.V. Savelyev*. Rounded /i/ and /i/ in Anatri Chuvash // Bulletin of KIGI RAN. – 2014. – No. 1. – PP. 36–41.}
- Савельев 2016 – *Савельев А.В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. – 2016. – № 1 (20). – С. 68–104. {*A.V. Savelyev*. The Chuvash translation of a sermon from the mid-19th century // Ural-Altai Studies. – 2016. – No. 1 (20). – PP. 68–104.}
- Савельев 2018 – *Савельев А.В.* «Начертание...» В.П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 3 (30). – С. 62–81. {*A.V. Savelyev*. Viktor Vishnevsky's "Načertanije..." and the language of Chuvash written culture in the early 19th century // Ural-Altai Studies. – 2018. – No. 3 (30). – PP. 62–81.}
- Савельев 2021 — *Савельев А.В.* Старочувашский памятник с различением датива и аккумулятива // Урало-алтайские исследования. – 2021. – № 1 (40). – С. 77–100. {*A.V. Savelyev*. A pre-standard Chuvash text with a dative-accusative distinction // Ural-Altai Studies. – 2021. – No. 1 (40). – PP. 77–100.}
- Савельев 2022 – *Савельев А.В.* К вопросу о чувашских материалах Ф.И. Страленберга // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 1352–1372. {*A.V. Savelyev*. Ph.J. Strahlenberg's Chuvash language materials revisited // Oriental Studies. – 2022. – Vol. 15. – No. 6. – PP. 1352–1372.}
- СРНГ 3 – Словарь русских народных говоров. – Ленинград: «Наука», 1968. – Вып. 3. {Dictionary of Russian dialects. – Leningrad: Nauka, 1968. – Issue 3.}
- СЧЯ – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. I–XVII. – Казань–Чебоксары, 1928–1950. {*N.I. Ashmarin*. Dictionary of the Chuvash language. Vol. I–XVII. – Kazan–Cheboksary, 1928–1950.}
- Тепляшина 1965 – *Тепляшина Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. – М., 1965. {*T.I. Teplyashina*. Udmurt records from the 18th century. – Moscow, 1965.}
- Хрестоматия – *Егоров Н.И., Данилова М.Г. (сост.), Скворцов М.И. (ред.)*. Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. {*N.I. Yegorov, M.G. Danilova (comp.), M.I. Skvortsov (ed.)*. A reader on the culture of Chuvashia: the pre-revolutionary period. – Cheboksary: Chuvash publishing house, 2001.}
- ЭСТЯ 6 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей *Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин*. – М., 2000. {Turkic etymological dictionary: Proto-Turkic and post-Proto-Turkic Q-initial stems / Authors of dictionary entries: *L.S. Levitskaja, A.V. Dybo, V.I. Rassadin*. – Moscow, 2000.}
- Яковлев 2019 – *Яковлев П.Я.* Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменного чувашского языка // Родной язык. – 2019. – № 1 (10). – С. 9–40. {*P.Ya. Yakovlev*. Translations of the Lord's Prayer and the development of literary Chuvash // Mother Tongue. – 2019. – No. 1 (10). – PP. 9–40.}
- Әхмәтъянов 2015 – *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленң этимологик сүзлеге. Ике томда: I том (А–Л); II том (М–Я). – Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. {*R.G. Әхмәтъянов/Äxmätjanov*. Tatar etymological dictionary. 2 volumes: vol. 1 (A–L); vol. 2 (M–Ja). – Kazan: Mägarif–Vaqyt/Mägarif–Vaqıt, 2015.} (In Tatar.)
- Durmuş 2014 – *Durmuş O.* 18. Yüzyıl Çuvaşçasının Söz Varlığı. – Edirne: Paradigma Akademi Yayınları, 2014. – VIII+553 s. {*O. Durmuş*. The vocabulary of 18th-century Chuvash. – Edirne: Paradigma Akademi, 2014. – VIII+553 p.} (In Chuvash and Turkish.)
- Müller 1759 – *Müller G.F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken // Sammlung Russischer Geschichte. – Band III, Stück IV. – St. Petersburg, 1759. – 412 s. – URL: gdz.sub.uni-goettingen.de/id/PPN331674602; <https://play.google.com/books/reader?id=egRkAAAACAAJ&pg=GBS.PA386&hl=ru>. Дата обращения: 16.04.2024.
- Strahlenberg 1730 – *Strahlenberg Ph.J. von*. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Auctoris, 1730. – 438 S. – URL: [google.ru/books/edition/Das_Nord_und_Ostliche_Theil_von_Europa_u/a3G-Müller_uH0m_A4C?hl=ru&gbpv=0](https://books.google.ru/books/edition/Das_Nord_und_Ostliche_Theil_von_Europa_u/a3G-Müller_uH0m_A4C?hl=ru&gbpv=0). Дата обращения: 16.04.2024.
- VEWT – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1969.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 52–63. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-52-63

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПУНКТУАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА «ИБЛИСНИНЬ ЗИЯФЕТИНЕ ДАЪВЕТ»)

*Лемара Сергеевна Селендили*¹

¹ Институт филологии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.В. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры крымскотатарской филологии
ORCID: 0000-0002-9253-3386
e-mail: lemara2002@gmail.com

© ИЯз РАН, 2023

© Селендили Л.С., 2023

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы кодификации крымскотатарского языка, специфические особенности использования запятых в крымскотатарском тексте. Цель исследования заключается в изучении функционирования запятых, использованных при оформлении крымскотатарскоязычного текста произведения Шамиля Алядина «Иблиснинь зияфетине даъвет» 'Приглашение на пир дьявола', их актуализация и интерпретация. Для достижения поставленной цели впервые решается ряд практических задач: определен лингвистический статус и признаки некоторых грамматических единиц, необходимые для установления ориентиров, лежащих в основе использования запятых в соответствии с существующими правилами пунктуации в крымскотатарском языке и правилами, которые до сих пор не нашли отражения в кодификации крымскотатарского литературного языка. В процессе работы используются следующие методы: описательный, лингвистического моделирования, трансформационный и др. Работа построена на основе коммуникативного, функционально-речевого, формально-грамматического и структурно-семантического подходов: нами учитывается значение, функции каждой части предложения в отдельности, характер отношений между ними и содержание предложения в целом, членение предложения на интонационно-смысловые части, порядок слов, способ выражения членов предложения, средства связи, структура синтаксической конструкции и синтаксическая позиция членов предложения, что непосредственно отражается на употреблении соответствующих знаков препинания. Настоящее научное исследование проводится на материале текстовых последовательностей, собранных методом сплошной выборки из произведения Шамиля Алядина «Иблиснинь зияфетине даъвет», описываются случаи употребления запятой, позиция союзных, союзных относительных слов, деепричастий, наречий и др., которые используются для связи однородных членов, частей сложного предложения, а также для соединения отдельных предложений в тексте.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, синтаксис, пунктуация, союзы, деепричастия, позиция, Шамиль Алядин.

Для цитирования: *Селендили Л.С.* Актуальные проблемы крымскотатарской пунктуации (на материале произведения Шамиля Алядина «Иблисниñ зияфетине да'вет») // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40-41). С. 52–63. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-52-63.

**Topical problems of Crimean Tatar punctuation
(based on Şamil Alâdin's work "İblisniñ ziyafetine da'vet"
'Invitation to the Devil's feast')**

*Lemara Sergeevna Selendili*¹

¹ Institute of Philology of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «KFU named after V.V. Vernadsky», Simferopol, Russia
Dr. Habil. in Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Crimean Tatar Philology
ORCID: 0000-0002-9253-3386
e-mail: lemara2002@gmail.com

© IL RAS, 2023

© Selendili L.S., 2023

Abstract: The article discusses some issues of codification of the Crimean Tatar language, specific features of the use of commas in the Crimean Tatar text. The purpose of the study is to study the functioning of commas used in the design of the Crimean Tatar-language text of Shamil Alyadin's work "İblisniñ ziyafetine da'vet" 'Invitation to the Devil's Feast', their actualization and interpretation. To achieve this goal, a number of practical tasks are solved for the first time: the linguistic status and characteristics of some grammatical units are determined, necessary to establish guidelines underlying the use of commas in accordance with the existing rules of punctuation in the Crimean Tatar language and rules that have not yet been reflected in the codification of the Crimean Tatar literary language. In the process of work, the following methods were used: descriptive, linguistic modeling and transformational, etc. The work is based on communicative, functional-speech, formal-grammatical and structural-semantic approaches: we take into account the meaning, functions of each sentence construct separately, the nature of the relationship between them and the content of the sentence as a whole, the division of the sentence into intonation-semantic parts, word order, the way the members of the sentence are expressed, the means of communication, the structure of the syntactic construction and the syntactic position of the members of the sentence, which directly affects the use of the corresponding punctuation marks in writing. This scientific research is carried out on the material of text sequences collected by the method of continuous sampling from the work of Shamil Alyadin "İblisniñ ziyafetine da'vet", the cases of the use of commas, the position of conjunctions, allied relative words, gerunds, adverbs, etc., which are used to connect homogeneous members, parts, are described. complex sentences, as well as to connect individual sentences in the text.

Key words: Crimean Tatar language, syntax, punctuation, conjunctions, adverbial participles, position, Shamil Alyadin.

For citation: *Selendili L.S.* Topical problems of Crimean Tatar punctuation (based on Şamil Alâdin's work "İblisniñ ziyafetine da'vet" 'Invitation to the Devil's feast' // Russian Turkology. 2023. № 3–4 (40-41). P. 52–63. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-52-63.

I. Введение

О проблеме кодификации норм крымскотатарской письменной речи часто говорят и пишут [Эмирова 2021: 83–96]. Изредка некоторые правила крымскотатарской пунктуации упоминаются в общих исследованиях по морфологии и синтаксису. В процессе создания упражнений и правил для учебников и методических пособий по крымскотатарскому языку традиционно собираются рафинированные предложения, соответствующие правилам русской пунктуации начала XX в., которые изначально были приняты за основу правил пунктуации крымскотатарского языка и отражены в довоенных учебниках по крымскотатарскому синтаксису [Къуртмоллаев, Ислямов 2017].

Вместе с тем фрагментарно возникали тогда и используются сейчас пунктуационные правила, которые не имеют под собой коммуникативной основы: не участвуют в смысловой и синтаксической организации крымскотатарской речи, не отражают актуальное членение предложения, соотношение вербальных и невербальных средств письменной речи, не реализуют взаимоотношения устной и письменной речи. Например, использование запятой после подлежащего, выраженного местоимением 3-го лица единственного числа *о* ‘он’, только потому, что его план выражения совпадает с планом выражения указательного местоимения *о* ‘тот’, выступающего в функции определения, например, *Шимди о, ничюн керек олды, аджеба?* ‘Сейчас он, зачем понадобился, интересно?’¹ (Ш.А.).

А. Ислямов в «§8. *Муптеда ве хаберде токътав ишаретлери*» (‘Знаки препинания между подлежащим и сказуемым’) приводит следующее правило: «*Муптеданы джумленинь баишкъа азаларынен къарыштырмакъ ихтималы олса, муптедадан сонъ тире яхут виргюль къоюльр. Меселя: О, колхозда чалыша. Узакъта бир аэроплан корюнди. О, койге якъынлашмакъта эди. Аишчы – къызларгъа чай кетирди*» [Къуртмоллаев, Ислямов 2017: 326]. ‘Если есть вероятность перепутать подлежащее с другими членами предложения, то после подлежащего ставится запятая или тире. Например: Она, работает в колхозе. Издалека казался аэроплан. Он, приближался к деревне. Повар – принес девушкам чай’.

Это правило есть в учебнике Э. Акмоллаева: «*Эгер муптеданы токътав ишаретлеринен айырмасакъ, муптеда озь вазифесинде къулланылмай*» [Акмоллаев 1989: 33–34]. ‘Если мы не выделим подлежащее знаком препинания, подлежащее в своей функции не используется’. Далее автор приводит примеры, аналогичные тем, что указаны в довоенном учебнике А. Ислямова (см. выше). Этого правила придерживаются корректоры, его изучают в школе и вузах. Вполне очевидно, что некоторые устаревшие правила нуждаются в пересмотре и конкретизации. Кроме того, в текстах крымскотатарских классиков это правило практически не работает. Ниже приведем несколько примеров.

- Местоимение 3-го лица единственного числа *о* ‘он’ в функции подлежащего: *О меним достум эди.* ‘Он был моим другом.’

О субетке сербест джериян бермек истеди, чюнки озю ресмий лакъырдыгъа алышыкъ адам дегиль. ‘Он хотел придать разговору свободное направление, потому что сам был непривыкшим к официальному стилю (человеком)’.

¹ Для демонстрации проблемы в переводе на русский язык крымскотатарская пунктуация сохранена. – Прим. авт.

– *Насыл? Келишикли маълюмат бармы? – деп сорады о менден.* ‘– Как? Есть ли нужная информация? – он спросил у меня.’

– *Хатират...— мен тааджиплендим, – о сизинь къолунъызгъа насыл тюшти?* ‘– Воспоминания... – я удивился, – как это попало в Ваши руки?’

- Указательное местоимение *о* ‘тот’, выступающее в функции определения:

О себентен «хатиратны» сизге алып чыкътым. ‘По этой причине я вынес Вам «воспоминания».’

Эрбаиннинъ, о иблисининъ, кисеси къалын эди. ‘Кошелёк у Эрбаи, этого дьявола, был толстым.’

Принимая во внимание строгий порядок слов в крымскотатарском предложении, всегда понятно, что перед предметом или объектом (включая обстоятельство, выраженное именной частью речи) указательное местоимение *о* ‘тот’ переходит в разряд определительных местоимений и выполняет функцию определения, а перед сказуемым, выраженным именной частью речи, или в предикативной связке с ним – функцию подлежащего. Другое дело, если «§ 164. Тире ставится между подлежащим и сказуемым, выраженным существительным в именительном падеже (без связки). Это правило чаще всего применяется, когда сказуемым определяется понятие, выраженное подлежащим, например: *Дуб – дерево*» [Правила 1956]. Например: Хотя в крымскотатарском языке в такой ситуации употребляется как тире «–», так и тире «–» + аффикс сказуемости *-дыр/-дир/ -тыр/-тир* (букв.: ‘есть, является’) в ауслауте именного сказуемого, который «функционально служит для предикативной связи именных частей речи в предложении <...> Употребление данной категории имеет некоторые семантические ограничения, она в основном используется при таких именах существительных, а также представителях других частей речи, которые связаны с обозначением и характеристикой человека, его занятия, профессии, состояния» [Меметов 2013: 326–327], или аффикс сказуемости *-дыр/-дир/-тыр/-тир* вместо тире, например: «*Бу мектепте окъугъаным – дёрт йыл.* (Ихтар: *Бу мектепте окъугъаным дёрт йыл-дыр*)» [Меметов, Алиева 2018: 41]. ‘Я проучился в этой школе – четыре года. (Примечание: Я проучился в этой школе четыре года.’

Тексты выдающихся крымскотатарских классиков периодически переиздаются. В связи с тем, что крымскотатарский народ практически не знает своего родного языка и учится мыслить на родном языке (должен учиться!), читая эти тексты, их пунктуационное оформление, на наш взгляд, надо привести в соответствие с логикой, разработать новые пунктуационные правила, учитывающие специфику крымскотатарского языка. Безосновательное следование малопонятым пунктуационным традициям или пренебрежение контекстом и конситуацией часто приводит к непониманию или неадекватному восприятию письменного текста читателем.

Обозначенные выше примеры, доводы и комментарии свидетельствуют о неизученности ряда проблем и вопросов крымскотатарского синтаксиса и пунктуации и тем самым обосновывают актуальность предпринятого научного исследования.

II. Материалы и методы

Объектом научного исследования является пунктуация. *Предметом* исследования – пунктуационное оформление текста произведения Шамиля Алядина «Иблисининъ зияфетине даъвет».

Цель исследования заключается в изучении функционирования пунктуационных знаков, использованных при оформлении крымскотатарскоязычного текста произведения Шамиля Алядина «Иблисиниъ зияфетине даъвет», их актуализация и интерпретация. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд *практических задач*: определить лингвистический статус и признаки грамматических единиц, необходимые для установления ориентиров, лежащих в основе использования пунктуационных знаков в соответствии с имеющимися правилами пунктуации в крымскотатарском языке и правилами, которые до сих пор не нашли отражения в кодификации крымскотатарского литературного языка.

В процессе работы использованы следующие *методы*: описательный, лингвистического моделирования и трансформационный и др. Переводы выполнены автором работы самостоятельно. Работа построена на основе коммуникативного, функционально-речевого, формально-грамматического и структурно-семантического подходов: нами учитываются значение и функции каждого конструкта предложения в отдельности, характер отношений между ними и содержание предложения в целом, членение предложения на интонационно-смысловые части, порядок слов в предложении, способ выражения членов предложения, средства связи, структура синтаксической конструкции и синтаксическая позиция членов предложения, что непосредственно отражается на употреблении соответствующих знаков препинания.

Настоящее научное исследование построено на *материале* текстовых последовательностей, собранных методом сплошной выборки из произведения Шамиля Алядина «Иблисиниъ зияфетине даъвет» «Приглашение на пир дьявола» [Шамиль Алядин]. Для того периода времени, в которое было написано произведения Шамиля Алядина, рассматриваемая пунктуация оправдана оригинальностью, отсутствием иных норм, неразработанностью синтаксиса и неисследованностью пунктуационного оформления крымскотатарского текста. Кроме того, мы обращаемся к текстам Шамиля Алядина за содержательными синтаксическими конструкциями, на примере которых можно не только показать значимость пунктуации, но и, опираясь на знания правил универсальной русской пунктуации и выявляя собственную специфику крымскотатарского текста, разработать и объяснить специфические пунктуационные особенности крымскотатарского предложения.

III. Результаты и обсуждение

Знаки препинания не влияют на функции членов предложения, они наглядно оформляют текст, чтобы читатель мог адекватно понимать его содержание. Например, *Саде зиялылар – оджалар, эдилер, рессамлар, миъмарлар – Гаспринскийге «Исмаиль муаллим, Исмаиль эфенди... Гаспралы» деп мураджаат эткенлери алда, зенгин табакъа кишилери онъа «Исмаиль бей, Исмаиль мырза... Гаспринский» демектелер.* «В то время, когда простые интеллигенты – учителя, литераторы, художники, архитекторы – обращались к Гаспринскому «учитель Исмаил, господин Исмаил... «Гаспралы», представители богатого сословия говорили «Исмаил бей, Исмаил мурза... Гаспринский»». Автор текста использует тире для выделения слов, «вставляемых в середину предложения с целью пояснения

или дополнения его, в тех случаях, когда выделение скобками (см. § 188) может ослабить связь между вставкой и основным предложением»². Тире можно заменить запятыми, но тогда будет ослаблено внимание, эмоциональное отношение автора к вышеупомянутой «интеллигенции». В рассматриваемом предложении после обобщающего слова можно поставить двоеточие, свидетельствующее о том, что далее приводится перечисление лиц, относящихся к группе *зиялылар* 'интеллигенты'. Правила пунктуации должны быть не только унифицированными, но и понятными для обычного человека, включенного в крымскотатарскоязычный коммуникативный процесс.

«Проблема понятия сложного предложения и определения его границ в целом возникла в крымскотатарском языке уже давно – еще в период перехода этого языка с арабской письменности на латинскую графику. Ни тогда, ни после не были четко определены критерии подхода к этому понятию и его пунктуационному оформлению в тексте» [Оказ 2002: 11].

Наличие/отсутствие запятой в тексте позволяет адекватно интерпретировать картину сложного языкового синкретизма [Береснева 2011] и взаимоотношения предикативных частей предложения.

«I. Запятая между независимыми предложениями, объединенными в одно сложное, и между придаточными, относящимися к одному главному»* имеет место и в крымскотатарском тексте. Однако расположение этой запятой в сложных союзных предложениях имеет свою специфику и связано с ролью союза или относительного союзного слова, возникшего при переходе из полнзначной части речи в служебную, и его позицией. «Все эти союзы характеризуются внутренней семантической целостностью, постоянством своего морфологического состава и имеют определенное место между компонентами предложения» [Оказ 2002: 17–19]. Употребление запятой обусловлено прагматическими особенностями функционирования каждого союза в отдельности [Оказ 2002: 43–89].

Например, **запятая не ставится** перед одиночными сочинительными союзами *ве* 'и', *эм* 'тоже', *ве эм де* 'и еще', *я* 'или', *я да* 'или (же)', которые связывают не более двух однородных членов предложения, например: *Къадын ве ходжа отурып, шеэрде зевкъ ве ичтаа иле койлю сабалыгъы едилер*. 'Муж и жена, сидя, с удовольствием и аппетитом поели деревенский завтрак'; *Севинч ве кедер – адамдаки табий ал*. 'Любовь и печаль – обычное состояние человека', а также – не более двух предикативных частей сложного предложения: *Муаллим хош кулумсиреди ве къолуны быджагъынынъ джебине сокъты*. 'Учитель приятно улыбнулся и сунул руку в карман пиджака' [Оказ 2002: 36–42].

² В связи с отсутствием единых, четко сформулированных и обоснованных правил крымскотатарской пунктуации, в своей работе мы опираемся и рекомендуем учитывать «Правила русской орфографии и пунктуации» – это общеобязательный свод основных правил русского правописания. Он был утвержден в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. В составлении свода принимали участие С.Г. Бархударов, К.И. Былинский, В.В. Виноградов, В.А. Добромислов, И.С. Истрина, И.А. Каиров, Е.И. Кореневский, С.Е. Крючков, С.П. Обнорский, С.И. Ожегов, Д.Э. Розенталь, Д.Н. Ушаков, А.Б. Шапиро, Л.В. Щерба [Правила 1956]. В тексте статьи правила приводятся в кавычках и помечены знаком «*».

Запятая ставится:

- перед вторым и последующим повторяющимися сочинительными союзами *ве* ‘и’, *эм* ‘тоже’: *Эм юре, эм араба устюндеки афишанынь мундериджесини агъыздан текрарлай: «Бугунь акъшам управа заласында...» деп башлай Лёман, лякин сокъакъта кимдир онъа илише, яхуд бир шей сорай.* ‘И ходит, и вслух повторяет содержание афиши, что на машине: «Сегодня вечером в зале управы...», – начинает Лёман, но на улице к нему кто-то пристал или даже что-то спросил’;

- перед повторяющейся частью относительного союзного средства *бир...*, *бир...* ‘то..., то...’ при разделительном перечислении для связи простых предикативных частей в составе сложного предложения, например: *Шорбаджы бир Усеин оджагъа, бир де Аджире ханымгъа козь этип алды.* ‘Хозяин посмотрел то на Усеина оджа, то на Аджире ханум’;

- перед сопоставительно-противительными союзами *лякин* ‘а; но (со значением мягкого противопоставления)’, *амма* ‘а; но’ (в текстах Шамиля Алядина «ама»), *факъат* ‘а; но (со значением жесткого противопоставления «невероятно, но факт»): *Озю ихтияр, лякин зеккий адам.* ‘Сам старый, но смышленный человек’; *Павел Тарасович, чехремдеки эеджанны эслеп, кулюмсиреди, ама мерамымны бильген сонъ, не демеге бильмей, елькесини къашыды.* ‘Павел Тарасович подметил волнение на моем лице, улыбнулся, но узнав намерения, не зная, что сказать, почесал затылок’; *Эркес ойле дей, факъат насыл денъишкенимни кимсе айтмай.* ‘Все так говорят, но никто не говорит о том, как я изменился’;

- перед разделительными союзами *ёкъса* ‘или’, *яхут/яхуд* ‘или даже’: *Афыз дарылмакъ узречи, ёкъса достунынъ фикирини такъдирлемек истейми?* ‘Хафиз на грани взрыва или хочет одобрить мысль друга?’; *Къушыкъ маалинде, базарларда адамлар уймелешкенде, яхут акъшам устю сокъакълар къайнашкъанда, Чаршыда бир атлы, кучюк араба пейда ола.* ‘Во время утреннего перекуса, когда люди толпятся на базаре, или даже вечером в час пик, на Базаре появляется запряженная лошастью маленькая повозка’;

- перед причинным подчинительным союзом *чюнки* ‘потому что’: *Керчек, мен тааджипленмедим, чюнки бу мейль сизде чокътан сезильгени хатиримде.* ‘Действительно, я не удивился, потому что на моей памяти эта склонность у вас проявилась давно’;

- после причинного послелого *ичюн* ‘потому что; за то, что’: *Муаллим, Фемиге, къуранны ифадели окъугъаны ичюн, Афыз деди.* ‘Учитель, назвал Феми Хафизом, потому что тот выразительно читал Коран’;

- после сравнительного послелого *киби* ‘как; словно’ при обособлении оборотов, близких к вводным: *Онынъ туюми, пакъыл киби, кольмегининъ якъасы астына кирип кеткенини сезе къалып, тез-тез тюзетти.* ‘Он, ощущая, что узел, как назло, попал под воротник рубашки, быстро-быстро поправил его’; *Феми эфендининъ, недендир абдырагъан киби, кевдеси силькинди, башы акъырындан кокюси узерине тюшти.* ‘Тело Феми эфенди закачалось, словно от чего-то вздрогнуло, голова тихо опустилась на грудь’;

- после союза *ки* ‘что; чтобы’ для ввода придаточного изъяснительного предложения: *Биз билемиз ки, Усеинни бу аиледе эр кес севе-сая эди.* ‘Мы знаем, что в этой семье Усеина все уважали и любили’;

- после глагола *олмакъ* ‘быть’ в форме условного наклонения *олса/олмаса* в сочетании с усилительной частицей *да* в сложноподчиненных уступительных

предложениях (таким образом уступка, приводимая в первой предикативной части, отграничивается от главной мысли, выраженной в последующей предикативной части сложноподчиненного предложения): *Онынъ бу эвге келюви биринджи сефер олмаса да, эвельки зияретлеринде басмаханенинъ ишини абайламагъан ве шимди басамакълардан ашагъы энмекте олгъан без эльбесели кишини де корьмеген эди. ‘Хотя его приход в этот дом был не первым, в прошлые визиты он работу типографии не замечал и не видел мужчину в белой одежде, который сейчас спускался по ступенькам вниз’.*

«Иногда для усиления значения противопоставления союз *амма* ‘а; но’ может переходить из начала второй части в конец первой, например: *Омюр аркъадашынъ олгъаныны да ой истейсинъ амма, козь батырып оламайсынъ, – деди Мусемма зеэрли давушнен* (О.А.). ‘[Все же, хотя] хочешь думать [о ней], как о спутнице жизни, **но** бросить взгляд не смеешь, – сказала Мусемма ядовитым голосом’] [Оказ 2002: 17]. Шамиль Алядин решает вопрос разграничения постпозитивного и препозитивного употребления союза *амма* орфографически: в конце предикативной части пишет «*амма, ...*», в начале – «*..., ама*». Однако в крымскотатарском языке эта форма, разграничивающая позиции и значение, по общему решению ученых и писателей не была принята. В сложносочиненных сопоставительно-противительных предложениях с оттенком уступки запятая ставится после союза *амма*, при сопоставительном противопоставлении двух частей сложносочинительной конструкции – до союза. Это подтверждается смысловозначительным ударением.

Традиционно запятая ставится непосредственно перед противопоставляемым словом с противительным союзом *исе* ‘но; однако’ [Меметов 2013: 533]. Это мы можем показать в трансформе следующего предложения: *Сусты, бекледи. Директор исе кягъытлардан назарыны узмеди, атьта бирде-бир мучесини кыбырдатмады. – Сусты, бекледи, директор исе кягъытлардан назарыны узмеди, атьта бирде-бир мучесини кыбырдатмады.* ‘Замолчал, ждал, **но директор** не отрывал взгляда от бумаг, даже сидел неподвижно (букв.: даже не двигал ни одним органом своего тела)’.

В придаточном условном, где союз *исе* располагается после сказуемого и выполняет функцию союза *эгер* ‘если’, который может опускаться, или дополняет его, усиливая условную модальность глагола, после него ставится запятая или, если высказывание не закончено, многоточие, далее следует главное предложение сложноподчиненной конструкции: *Олур исе... не вакъытта олур? ‘Если будет..., то когда будет?’;*

*Гель, гель, гель, аман,
Алайым сени.*

*Эгер кыысмет олур да исе,
Сарайым сени.*

‘Приходи, приходи, приходи, аман,
Я возьму тебя.

Если будет суждено,
Обниму тебя’.

(из песни «Шу Ялтадан» ‘Из Ялты’) [Selendili 2021: 305–314].

В нашем тексте тоже встречается такое употребление союза *исе*: *Директор онынъ сёзлерини ишиттимми? Ишитти исе, англадымы?* ‘Услышал ли директор его слова? **Если** услышал, то понял ли?’ Пример свидетельствует о том, что это не частный случай, замеченный в крымскотатарских песнях, а пример языкового

синкретизма, распространенного в крымскотатарских текстах. Сокращенная форма союза *исе* употребляется в крымскотатарских текстах и описана в крымскотатарской грамматике как аффикс *-ca/-ce*, образующий форму условного наклонения глагола [Меметов 2013: 488–490].

В крымскотатарском языке нередко можно наблюдать переход частей речи из знаменательных в служебные. Знаки препинания показывают позицию таких слов и оформляют их употребление. Принимая во внимание пунктуационные знаки, можно без труда определить придаточное времени, разграничить сложносочиненные предложения с последовательностью действий и простые предложения с приглагольным наречием, отвечающим на обстоятельственный вопрос.

Так, наречие *сонъ* ‘потом’, может выполнять следующие функции:

- наречного релятива [Татарская грамматика 1997: 308] в придаточном предложении времени, где запятая ставится после *сонъ*: *Мусафирханеге кельген сонъ, Георгиоскъа кийимлернинъ чыбарлыгы ве адден-ашыкъ сербестлиги акъкъында фикиримни айттым*. ‘После того как [мы] зашли в гостиную, я сказал Георгиосу все, что думаю по поводу вычурности его нарядов и сверхвлюбленности в свободу’; *Къафамда уймелешкен аджизане тюшонджелерим бираз ятышкъан сонъ Шабшалнынъ акъчыль юзюне, кульренк сачларына бакътым*. ‘После того как скопившиеся в моей голове беспомощные мысли немного улеглись, я посмотрел на белесое лицо и седые волосы Шапшала’;

- наречия, связывающего последовательные действия между собой, где запятая ставится перед *сонъ/сонъра*: *Тюшонджели алда башыны къашып ала, сонъ иляве эте*: – «Озюнде олмаса, бир чаре...» ‘В раздумье он почесывает голову, потом продолжает: «Если у него нет... хоть какую-то возможность...»’; *Мусафир къалпагыны чыкъарды, элини ятымлап, енгильден онынъ терисини сыйпап алды, оны пармаклары устюнде, чарх киби, эки-учь дефа айландырды, сонъ, къайтарып башына киеджекте, ерге узун пичен сапы тюшип кетти*. ‘Гость снял шапку, прикладывая руку, с легкостью протер ее кожу, два-три раза прокрутил ее на пальцах, словно колесо, потом, когда он снова ее надевал на голову, на землю упала длинная соломенная ручка’.

Особый интерес вызывает слово *деп* ‘говоря, сказав’. Запятая до или после *деп*, а также ее отсутствие позволяет распознать значение и функции этого деепричастия:

- если слова автора при прямой речи выражены формулой «*деп*+ментальный глагол», которая презентует слова автора, то *деп* запятыми не выделяется: «*Бир газетанынъ нешири бу къадар эндише иле багълымы, аджеба?*» – *деп тюшонди оджа*. ‘«Интересно, издание какой-то газеты может быть связано с такой тревогой?» – подумал учитель’;

- формула «глагол+*деп*» вводит придаточное цели с *деп* в значении ‘чтобы’, выделяя придаточное запятыми с двух сторон: *Эвге къайтып кельген сонъ, афызамдакилерни унутмайым деп, алель-аджеле дефтерге язып къойдым*. ‘После того, как вернулся домой, чтобы не забыть то, что было в памяти, я второпях записал [это] в тетрадь’;

- если слово *деп* выступает в роли сравнительно-усилительной частицы, которая вводит информацию о занятии субъекта, его профессии, увлечении чем-либо, оно отграничивается от последующего глагола запятой: *Къомишум манъа*

озюни малие хадими **деп**, такъдим этти. ‘Сосед мне представил себя финансистом (букв.: как финансиста)’;

• если *деп* завершает придаточное сказуемое, изъяснительное, после него ставится запятая: *Бир шейлер айтырмы экен деп, бекледим*. ‘Я ждал, **что** он, может быть, что-нибудь скажет’.

Привлекают внимание также обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами: *Онъа джевап бермеге тедарик-ленген вакъытымда, озю шархылдап, чакъыл узерине тюшти, узанып, сусып къалды*. ‘В то время, когда я приготовился дать ему сдачу, он, **шаркая**, упал на гальку, **вытянувшись**, замолчал’; *Э, о акъыкъатен, насылдыр сёзлерни тюшюнип-тапып, ичинден оларны текрарлады, хатирине кельген сатырларны ашыкъмай ачыкъ-айдын, ифадели окъуды*. ‘Да, он, действительно, **подумав и найдя подходящие слова**, внутри повторил их, пришедшие на память строки прочел не торопясь, открыто и выразительно’.

При определении обособленных обстоятельств, выраженных деепричастиями и деепричастными оборотами, постановка знаков препинания также зависит: 1) от правильной дифференциации сложных слов-глаголов, в состав которых могут входить деепричастия [Селендили 2015: 96–100], 2) от разграничения функций слова *деп* (см. выше).

Кроме того, «часто обнаруживается взаимодействие усиливающих друг друга деепричастий, деепричастий с наречиями, деепричастий, образованных от глагола с предельным аффиксом и/или послелогом, деепричастий с отглагольными именами существительными, которые из деепричастий, компонентов с нефинитными формами, формируют конвербиальный компакт» [Селендили 2022: 152–153]. После конвербиального компакта, одного из показателей придаточного времени, также ставится запятая: *Чыкъып, Аджире ханымны къыдырмакъ ичюн къапугъа догърулгъанда, къапу ачылды, элинде зембили, Аджире кирди*. ‘Когда я вышел, **направляясь** в сторону двери, чтобы найти Аджире ханум, дверь открылась и с лукошком в руках вошла Аджире’.

IV. Заключение

Решая синтаксические и связанные с ними пунктуационные задачи при изучении предложения, важным остается понимание границ и целостности содержания предложения как синтаксической единицы, передающей относительно законченную мысль. Рассмотренные пунктуационные ситуации не охватывают все имеющиеся проблемы крымскотатарской пунктуации, дальнейшему изучению подлежат особенности использования тире, двоеточия, кавычек, скобок и т. д. в текстах не только Ш. Алядина, но и других крымскотатарских писателей.

Литература

Береснева 2011 – Береснева В.А. Интерпретация термина «синкретизм» в лингвистике // Преподаватель XXI век. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-termina-sinkretizm-v-lingvistike> (дата обращения: 01.02.2023). {V.A. Beresneva. Interpretation of the term “syncretism” in linguistics // Lecturer of XXI century. – 2011. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-termina-sinkretizm-v-lingvistike> (access date: 01.02.2023).}

- Меметов 2013 – *Меметов А.* Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология: монография. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. – 576 с. {*A. Memetov.* The Crimean Tatar language. History of study. Lexicology. Phonetics. Morphology: a monograph. – Simferopol: KRP “Publishing house ‘Krymuchpedgiz’”, 2013. – 576 p.}
- Оказ 2002 – *Оказ Л.С.* Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка «Сложное предложение»: Учебное пособие / Науч. ред. А.М. Меметов. – Симферополь: ТНУ, 2002. – 116 с. {*L.S. Okaz.* Materials of the special course on the syntax of the Crimean Tatar language “Complex sentence”: Textbook / Scientific editing by: A.M. Memetov. – Simferopol: TNU, 2002. – 116 p.}
- Правила 1956 – Правила русской орфографии и пунктуации: Утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. – М.: Учпедгиз, 1956. – 176 с. – Режим доступа: <http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/rules> (дата обращения: 01.02.2023). {Rules of Russian spelling and punctuation: Approved by the Academy of Sciences of the USSR, and by the Ministry of Higher Education of the USSR, and the Ministry of Education of the RSFSR. – Moscow: Uchpedgiz, 1956. – 176 p. – URL: <http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/rules> (access date: 01.02.2023).}
- Селендили 2015 – *Селендили Л.С.* Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструкторов крымскотатарского предложения (формальный и прикладной аспекты): дис. ... докт. филол. наук. – Симферополь, 2015. – 455 с. – Режим доступа: https://iling-ran.ru/theses/selendili_full.pdf (дата обращения: 10.05.2023). {*L.S. Selendili.* Lexico-semantic and syntmorphological features of Crimean Tatar sentence constructs (formal and applied aspects): Dr. Habil. thesis. – Simferopol, 2015. – 455 p. – URL: https://iling-ran.ru/theses/selendili_full.pdf (access date: 10.05.2023).}
- Селендили 2022 – *Селендили Л.С.* К вопросу определения признаков крымскотатарских сложноподчиненных предложений (на материале произведений Шамиля Алядина) // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация. Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции. Под общей редакцией А.Д. Петренко. – Симферополь, 2022. – С. 152–153. {*L.S. Selendili.* On the issue of determining the features of Crimean Tatar complex sentences (based on the works of Shamil Alyadin/Şamil Alâdin) // Convergent Technologies XXI: Variability, Combinatorics, Communication. Proceedings of the VIIth International Interdisciplinary Scientific Conference. Under the general editorship of A.D. Petrenko. – Simferopol, 2022. – PP. 152–153.}
- Татарская грамматика 1997 – Татарская грамматика. – Т. II. – Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. – 397 с. {Tatar grammar. – Vol. 2. – Morphology. – Kazan: Tatar book publishing house, 1993. – 397 p.}
- Шамиль Алядин – Шамиль Алядин (1912–1996). Крымскотатарский писатель: официальный сайт писателя. – Режим доступа: <https://shamil-alyadin.com/ru/page.php?id=3&book=2&title=110> (дата обращения: 07.09.2022). {Shamil Alyadin/Şamil Alâdin (1912–1996). A Crimean Tatar writer: official website of the writer. – URL: <https://shamil-alyadin.com/ru/page.php?id=3&book=2&title=110> (access date: 07.09.2022).}
- Эмирова 2021 – *Эмирова А.М.* Формирование системы ортологии крымскотатарского литературного языка // Крымское историческое обозрение, 2021. – № 2. – С. 83–96. {*A.M. Emirova.* Formation of the orthology system of Crimean Tatar literary language // Crimean Historical Review, 2021. – No. 2. – PP. 83–96.}
- Акьомллаев 1989 – *Акьомллаев Э.* Кърымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис. – Ташкент: Ўқитувчи, 1989. – 160 с. [*Акьомллаев Э.* Практикум по крымскотатарскому языку. Синтаксис. – Ташкент: Ўқитувчи, 1989. – 160 с.] {*E. Akmollaev/Aqmollaev.* Tutorial on the Crimean Tatar language. Syntax. – Tashkent: Òqituvçï/O‘qituvchi, 1989. – 160 p.} (In Crimean Tatar.)
- Къуртмоллаев, Ислямов 2017 – *Къуртмоллаев Э.А., Ислямов А.* Татар тилининъ грамматикасы: 1 кыбсым. Фонетика ве морфология; 2 кыбсым. Синтаксис: факсимиль нешир. – Симферополь: КъДжДММ «И. Гаспринский адына медиамеркез», 2017. – 332 с. [*Куртмолаев Э.А., Ислямов А.* Грамматика татарского языка: 1 часть. Фонетика и морфология; 2 часть. Синтаксис: факсимильное издание. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 332 с.] {*E.A. Qurtmollaev, A. Islâmov.* Grammar of the Tatar language: Part 1. Phonetics and morphology; Part 2. Syntax: a facsimile edition. – Simferopol: GAU RK “Media Center named after. I. Gasprinsky”, 2017. – 332 p.} (In Crimean Tatar.)

- Меметов, Алиева 2018 – *Меметов А., [Алиева Л.А.]* Къырымтатар тили (тувгъан). 11 сыныф: къырымтатар ве рус тиллеринде окъуткъан умумтасиль муэссиселери ичюн окъув къуланмасы. – Симферополь, 2018. {*A. Memetov, [L.A. Alieva]*. Crimean Tatar language (as a native language). 11th grade: a textbook for educational institutions with Crimean Tatar and Russian languages. Simferopol, 2018.} (In Crimean Tatar.)
- Selendili 2021 – *Selendili L.* Къырымтатар микро- ве макросинтаксис хусусиетлери (Ягъя Шерфединов «Янърай къайтарма» джыйынтыкътаки йырлар метинлери эсасында) // 21. Yüzyılda Türk Dünyasında Dil Edebiyat Kültür Sempozyumu. – İstanbul: Görev Kitap ve Yayıncılık Ticaret Limited Şirketi. – S. 305–314. – URL: <https://sayisalkitap.qulto.eu/#/record/9786257697651> (дата обращения: 17.03.2023). [*Селендили Л.* Особенности крымскотатарского микро- и макросинтаксиса (на материале текстов песен из сборника Ягъя Шерфединова «Звучит хайтарма») // Симпозиум «Язык, литература и культура в тюркском мире в XXI веке». – Стамбул: Издательство «Görev Kitap ve Yayıncılık Ticaret Limited Şirketi». – С. 305–314. – Режим доступа: <https://sayisalkitap.qulto.eu/#/record/9786257697651> (дата обращения: 17.03.2023)]. {*L. Selendili*. Peculiarities of Crimean Tatar micro- and macro-syntax (based on the texts of songs from Yagya Sherfedinov's collection "The Qaytarma Sounds") // Symposium "Language, Literature and Culture in the Turkic World in the 21st Century. – Istanbul: "Görev Kitap ve Yayıncılık Ticaret Limited Şirketi" Publishing House. – PP. 305–314. – URL: <https://sayisalkitap.qulto.eu/#/record/9786257697651> (access date: 17.03.2023).} (In Crimean Tatar.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 64–80. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-64-80

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

ЧУВАШСКАЯ НАРОДНАЯ ЛИРИКА: ЖАНРЫ И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

*Алексей Петрович Леонтьев*¹

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Леонтьев А.П., 2023

Аннотация: В статье рассматриваются жанры чувашского устного лирического творчества и проводится их систематизация. Материалами исследования послужили изданные книги, статьи в различных сборниках, рукописи трудов фольклористов и музыковедов, опубликованные сборники песен, а также вербальные тексты, хранящиеся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН), главным образом в рукописных фондах Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского. Основные методы исследования – фактологический, структурно-типологический, описательный, сравнительный, историко-генетический, аналитический. Фактологический метод применен при изучении первоисточников для выявления признаков того или жанра, структурно-типологический метод – для обнаружения и изучения внутреннего строения (или конструкции) тех или иных текстов для конкретизации жанровых особенностей. Описательный метод употреблен для сбора и первичного анализа песенных образцов, сравнительный метод способствовал идентификации родственных жанров необрядовой поэзии тюркоязычных народов. Историко-генетический метод позволил подвергнуть анализу материалы в разные периоды формирования чувашской научной фольклористики и историческое развитие проблем классификации видов устной лирики. Аналитический метод использован как универсальная форма обработки материалов. Критически анализируя многочисленные работы предыдущих исследователей в течение XX в. и в первой четверти нынешнего столетия, автор предлагает собственную классификацию жанров необрядовой лирики – богатейшего раздела чувашской устной поэзии. Вместе с тем исключает бесспорность своих выводов по отнесению того или иного жанра к роду народной лирики, так как часть чувашских ученых продолжают включать в состав обрядового фольклора некоторые потерявшие обрядность виды народной поэзии.

В настоящей работе термин «народная лирика» имеет эквиваленты «устное лирическое творчество», «устная лирика», «традиционная необрядовая лирика», «неприуроченные песни», «необрядовая поэзия».

Ключевые слова: народная лирика, Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, рукописные фонды, изданные сборники, рукописи исследований, фольклорная и фольклористическая классификация.

Для цитирования: Леонтьев А.П. Чувашская народная лирика: жанры и их систематизация // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40-41). С. 64–80. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-64-80.

Chuvash folk lyrics: genres and their systematization

*Alexey Petrovich Leontyev*¹

¹ Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia
Ph.D. in History, Researcher
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Leontyev A.P., 2023

Abstract: The article examines the genres of Chuvash oral lyrical creativity and systematizes them. Published books, articles in various collections, manuscripts of the works of folklorists and musicologists, published collections of songs, as well as verbal texts stored in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities (hereinafter CHGIGN), – mainly in the manuscript collections of N.I. Ashmarin and N.V. Nikolskiy – were used as the research materials.

The main research methods are factual, structural-typological, descriptive, comparative, historical-genetic, analytical. The factual method is used in the study of primary sources to identify signs of a particular genre, the structural and typological method – to detect and study the internal composition (or structure). The descriptive method was used for collecting and primary analysis of the song samples. The comparative method helped to identify related genres of non-ritual poetry of the Turkic-speaking peoples. The historical and genetic methods allowed to analyze materials in different periods of the formation of Chuvash folklore studies and the historical development of classification of oral lyrics. The analytical method is used as a universal form of processing the identified materials.

Critically analyzing the numerous works of previous researchers during the 20th century and in the first quarter of this (the 21st) century, the author offers his own classification of the genres of non-ritual lyrics – the richest section of Chuvash oral poetry. At the same time, he does not exclude the indisputability of his conclusions on the attribution of a particular genre to the genus of folk lyrics, since some Chuvash scientists continue to include some types of folk poetry that have lost their ritualism in the composition of ritual folklore. In this work, the term “folk lyrics” has the following equivalents: “oral lyrical creativity”, “oral lyrics”, “traditional non-ritual lyrics”, “non-timed /to special occasions/ songs”, “non-ritual poetry”.

Key words: folk lyrics, N.I. Ashmarin, N.V. Nikolskiy, manuscript collections, published anthologies, research manuscripts, folklore and folkloristic classification.

For citation: *Leontyev A.P.* Chuvash folk lyrics: genres and their systematization // Russian Turkology. 2023. № 3–4 (40-41). PP. 64–80. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-64-80.

Введение

Наряду с обрядовой и эпической поэзией чувашская народная лирика – богатейший пласт устного поэтического творчества, один из самых развитых родов словесности, весь объем которого (в строках или строфах) до сих пор не подсчитан. В фонде Н.И. Ашмарина в НА ЧГИГН насчитывается около 13 тысяч купле-

тов *юрӑ* ‘песен’ (среди них и *такмаксем* ‘частушки’), ученый использовал сотни образцов при составлении «*Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки*» ‘Словаря чувашского языка’ [Сидорова 1969: 217]; в Рукописном фонде Н.В. Никольского в НА ЧГИГН тексты бытовых песен количественно можно определить в порядке 15000 четверостиший, 200 песен записано с цифровыми нотами, которые являются для изучающих историю чувашской народной музыки ценнейшим первоисточником [Сидорова 2002: 47].

Н.И. Ашмарин назвал чувашскую песню «безыскусственной поэзией народа»: «ясно отпечатлевающей все феномены его духовной жизни». Далее конкретизировать мысль о «безыскусственности» (то есть о естественности) текстов: «Чувашская песня представляет чрезвычайное разнообразие в сюжетах. Материал берется отовсюду; самая незначительная, на наш взгляд, даже ничтожная вещь притягивает его внимание и является в его напевах; к самым обыденным явлениям он относится внимательно и повествует о них, как о чем-то таком, что он видит впервые и что имеет для него весь интерес новизны» [Ашмарин 1892: 42–43].

Действительно, нет абсолютно ничего замысловатого в этих строках *вӑйӑ юрри* ‘хороводной песни’: *Акӑ пахча илемӗ, / Шурӑ купӑста пур чухне. / Акӑ хӗрсем илемӗ, / Пусра тухья пур чухне. / Акӑ ачасем илемӗ, / Пусра карттус пур чухне* ‘Вот огород красивый, / Когда белая капуста есть. / Вот девчата красивые, / Когда на голове тухья¹. / Вот парни красивые, / Когда на головах картуз’ [НА ЧГИГН: 148: 93]. Казалось бы, все просто. Перед глазами возникает картина: благоухающий сад-огород, девчата в национальной одежде, парни в картузах набекрень, идущие с песней на лужайку и водящие там хоровод. Простые слова создают идиллию или деревенскую пастораль. Хотя была ли она – идиллия – в крестьянской жизни? Несмотря на тяжелые жизненные условия, чуваш пел, сочинял новые и новые песни – «материал брал отовсюду». Н.В. Никольский отмечает: «Чувашские песни являются отражением мирозерцания народа, его заветных дум и желаний; темы чувашских песен: местная природа, гармонирующая с чувашским унылым характером, своеобразные формы общественных отношений, незначительный круг привязанностей и т. п.» [Никольский 2008: 289].

В народном обиходе нет термина «необрядовая лирика», но понятие о такой песне существует. Общественная функция внеобрядовой лирической песни – выражение душевных эмоций, как индивидуальных (песни ямщика, детей-сирот и др.), так и целого коллектива (почти все трудовые песни), целой социальной группы (песни переселенцев, бурлаков и др.). Необрядовая лирическая песня – это выражение отношения к тем или иным жизненным явлениям: *Сиччӗпелен кайрӑм ямшӑка* ‘В семь [часов] отправился на ямщину’; раскрытие в определенной художественной форме человеческих чувств: *Ӗмӗтлентӗм малалла, / Ӗмӗт юлчӗ каялла* ‘Размечтался я о будущем, / Мечты остались в прошлом’ и настроений: *Эп савӑнап, эп савӑнап / Атте-анне килӗнче* ‘Я радуюсь, я радуюсь / В родительском доме’, переживаний, любви, горя, тоски, гнева, радости, веселья, критического осуждения, передача определенных мыслей: *Серемех те уҫас-и, / Хӑярах та акас-и?* ‘Новину поднимать ли, / Огурец сажать ли?’

¹ Тухья – традиционный девичий головной убор чувашей, в виде полусферической шапочки, иногда с наушниками или ремешками из кожи.

Итак, необрядовая лирика – главная составляющая народных песен. «Изучать его суммарно невозможно да и нерационально, – полагает русский фольклорист Т.М. Акимова, – слишком многое в своеобразии разных циклов осталось бы за пределами внимания. Сам народ очень детально разделил только обрядовые песни, поскольку этого требовала сама жизнь, прикрепленность каждого цикла к определенному обряду. Здесь путаница была недопустима. Другое дело песни необрядовые: они не имели обязательной приуроченности к тем или другим моментам быта. Народ их не разделял» [Акимова 1965: 11–12]. На наш взгляд, существенный пласт чувашских лирических песен имеет конкретную приуроченность. Например, хороводные песни и частушки возбранялось исполнять после завершения весенне-летних *вайй* ‘хороводов’. *Улах юррисем* ‘посиделочные песни’ также приурочивались к определенному периоду. Например, начиная с весны до начала зимних дней молодежь о посиделках даже и не помышляла.

Результаты и обсуждение

1. Об истории возникновения чувашских лирических песен

Есть основание полагать, что лирические песни тюрков, не связанные с обрядами, появились уже до нашей эры. В «Словаре тюркских наречий» (XI в.) Махмуда Кашгари есть и четверостишия, относящиеся к народной лирике. Одно из них – строфа, посвященная Волге, являющаяся песенным образцом пейзажной лирики: «Воды реки Атил текут, / Ударяются о подножия скал, / Плещут рыбы и лягушки, / Водой наполнены пруды» [Бакиров 2012: 241–242]. По мнению Л.П. Атановой, формирование башкирских народных песен восходит к глубокой древности, и «складывание башкирской народной музыки в единую образно-смысловую систему происходило одновременно с формированием башкирской народности» [Атанова 1992: 19]. Большинство исследователей придерживается мнения, что лирические песни обособились из обрядовой поэзии. Чувашский музыковед М.Г. Кондратьев, анализируя формирование устной чувашской музыкальной культуры в Поволжье в разные периоды, приходит к выводу, что уже в Волжской Булгарии могли существовать в быту гостевые лирические песни о родных, о жизни. Они выделялись из обрядового комплекса. Сходны с ними песни, связанные с различными видами коллективного труда. Главным образом это *ниме юррисем* ‘помочанские песни’. Лирика индивидуального характера – молодежные *юрату юррисем* ‘любовные песни’, *пейёт* ‘баллады’, записывавшиеся в XIX–XX вв., – не дает оснований для подобного предположения. По стилистическим признакам известные сегодня образцы индивидуальной лирики имеют у чувашей более позднее происхождение [Кондратьев 2007: 75].

За болгарским следуют золотоордынский (с 1242 г.) и казанско-ханский (с 1443 г.) периоды, которые занимают более трехсот лет, вплоть до середины XVI в. Исследователь культуры народов Среднего и Нижнего Поволжья И.Н. Сырнев находит, что «непосредственно татарское культурное влияние на подчиненное им население края во времена Казанского ханства было незначительным» [Сырнев 1901: 120]. Возможно, к этому времени восходит сюжет са-

кравальной песни *кёреке юрри* ‘застольной песни’ (праздника нового урожая), в этот же период, видимо, установились современные сроки молодежного праздника *уяв* (букв. ‘почитание’; синоним *вайй* букв. ‘игра’, в народном обиходе в значении ‘хоровод’. – А.Л.) – одного из самых больших многодневных праздников календарного цикла [Кондратьев 2007: 78]. В российскую эпоху возникают такие жанры, как *никрут юррисем* ‘рекрутские песни’ и *сён сёре каякансен юррисем* ‘песни переселенцев’. После крестьянских восстаний в начале XVII в. чувашам, марийцам и удмуртам рядом царских указов было запрещено заниматься кузнечным и серебряным делом, чтобы они не могли изготавливать оружие. Запрет на обработку металлов был снят в конце XVIII в. К тому времени во многих чувашских деревнях работали русские кузнецы. Со временем и чувашаи открывали свои кузницы. Появились и *тимёрсё юррисем* ‘песни кузнецов’. Чувашиволжане нанимались и в бурлаки, тому свидетельство – их профессиональная лирика – *бурлак юррисем* ‘песни бурлаков (плотогонов)’.

Народная лирика постоянно расширялась. С началом целенаправленного сбора (записывания профессионалами и энтузиастами) текстов устного творчества возник вопрос их систематизирования. Однако этот процесс шел неравномерно.

2. О «фольклорной» и «фольклористической» систематизации необрядовой поэзии

Мы исходим из того, что жанровый состав фольклора, установленный для одного народа, не может быть механически перенесен на состав фольклора другого народа, даже родственного. И.Н. Надиров разделяет татарские песни на четыре крупные разновидности: *озын жырлар* ‘протяжные’, *кыска жырлар* ‘короткие’, *уен, бию жырлары* ‘игровые и плясовые’, *йола жырлары* ‘обрядовые’ [Надиров 1969: 14]. Данный принцип жанровой классификации не может быть применим для чувашской лирики по ряду причин: сложно установить границу между протяжными и скорыми песнями; у чувашей лирическая поэзия к обрядовой поэзии стоит ближе, чем, например, у татар и русских; многие лирические песни исполнялись во время обрядов; в ряде случаев невозможно различить обрядовую песню от лирической: по тематике она является обрядовой, а по характеру – лирической [Родионов 2006: 50–51]. Современные башкирские фольклористы придерживаются следующей тематической классификации «лирических песен»: бытовые песни; песни философского характера; любовные песни; песни о мужской доле; песни о женской доле [Хакимьянова 2019: 18]. У якутов классификация вообще стоит как бы особняком среди родственных тюркских этносов (мы здесь упускаем обрядовую поэзию (алгыстар)), лирические *ырыа* ‘песни’ рассредоточены в четыре рода: 1) песни о природе и родном крае (песни о мироздании, о растительном и животном мире, о родном крае; о временах года; 2) песни о любви, браке и семье; 3) песни о труде и быте; 4) песни и поэмы социальной тематики (сатирические, песни, новеллистические поэмы, песни протеста и борьбы) [Эргис 1974: 285–324]. Ближайшие соседи чувашей – марийцы – весь песенный фольклор подразделяют, как и чувашские фольклористы, на две большие группы – обрядовый и необрядовый [Песни 2011: 20], в составе необрядовой группы: песни о любви и дружбе, родине и природе, песни-раздумья о жизни и

судьбе, о семье, сиротские, бедняцкие и др. [Песни 2011: 29–30]. Если у чувашей *симёк юррисем* ‘семицкие песни’ эквивалентны хороводным песням, то у луговых мари *семьк пайрем муро-влак* ‘семицкие песни’ никакого отношения к хороводам не имеют, относятся наряду с масленичными, пасхальными и др. к календарным песням [Песни 2011: 54–58].

Большинство исследователей устного народного творчества, как отмечает И.И. Земцовский, «считает понятие жанра условной категорией науки, то есть – в приложении к народному творчеству – категорией не фольклорной, а фольклористической» [Земцовский 1971: 61] и предлагает перейти от условного «жанра фольклористики» к «категории безусловной – жанру самого народного искусства», также напоминает, что «еще в 1931 году замечательный румынский этномузыковед К. Брэйлоу призывал строить классификацию народных песен по тем конкретным жанрам, которые сам народ сознает» [Земцовский 1971: 64]. Чувашская фольклористика с первых своих шагов следовала за народной классификацией песен. В отличие от условной классификации, народная имеет свои преимущества. Народ как исполнитель песен не мог не различать их тексты и напевы [Родионов 1992: 81]. Чувашский этномузыкальный материал снимает перед исследователями проблему условности жанра, ибо даже сегодня сохраняет естественную народную, безусловную классификацию видов песен, воспринятую и фольклористикой. Этот своеобразный феномен по сравнению с народной лирикой соседних народов объясняется «относительно хорошей сохранностью народной религии (дохристианской), мировоззрения, обрядовой системы, еще в начале XX столетия имевшей целостный системный характер. <...> В этой народной классификации центральное место занимают обрядовые виды песен» [Кондратьев 1991: 28]. Добавим, что в естественной народной классификации вполне зримо и системно обозначались и жанры необрядовой лирики: например, образцы текстов, записанных многочисленными энтузиастами по программам Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, почти все имеют названия определенного жанра (вида): *вайй (уяв...) юррисем, улах юррисем, хёр сйри юррисем, юрату юррисем, тйльх ача юррисем* ‘хороводные песни, посиделочные песни, песни девичьего пива, любовные песни, песни детей-сирот’ и пр.

Попытку некой систематизации (разумеется, неполной, хаотической, так как автор не ставил целью выявление жанров) по темам, то есть по фольклористическому принципу, еще в середине XIX в. предпринял В.А. Сбоев. Он приводит тексты пяти *эротических* (*Пыть, пыть подене* ‘Пыть, пыть, перепелка’), по одной *элегической* (*Кош, кош, вурман, кош, вурман!* ‘Шумит, шумит дубравушка!’), *обрядовой* (*Ай-ай, инке, Куль-инке* ‘Молодая Акулинушка’) и *бранной*, или *сатирической* (*Хёр чипер-и? – тылла пос* ‘Хороша ль невеста? – кочка!’) песен [Сбоев 1865: 149–162].

В конце XIX – начале XX вв. Н.И. Ашмарин [Ашмарин 1892; 1900], В.А. Мошков [Мошков 1893], И.Д. Никитин-Юрки [Никитин (Юрки) 1908], Г.И. Комиссаров [Комиссаров 1911], составители двух сборников под названием «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» [Образцы 1908; 1912] приводят в основном одни и те же виды песен или же призывают, например, Н.В. Никольский [Никольский 2008: 253–306], собирать их образцы, основываясь на принципе безусловности.

Н.И. Ашмарин анализирует тексты масленичных, святочных, рекрутских, свадебных, хороводных песен, а в «Сборник чувашских песен» собиратель включил солдатские, свадебные, гостевые, хороводные песни. Исследователь отмечает: «Самая распространенная стихотворная форма – четверостишия, которых чрезвычайно много и которые очень легко составляются по-чувашски <...> Характерную особенность чувашской поэзии составляет богатство сравнений. Значительная часть песен состоит из двух частей, дающих как бы сравнение двух явлений, причем основная мысль, обыкновенно касающаяся различных сторон людских отношений, некоторым образом поясняется аналогией, взятой из природы» [Ашмарин 1892: 45].

По мнению В.А. Мошкова, «из числа прочих песен чуваша выделяют по содержанию свадебные и рекрутские». Между прочим, музыковед не без удивления констатирует, что «из числа всех упомянутых инородцев чуваша <...> самый музыкальный и любящий музыку народ. <...> Каждый из них знал 5–6 песен, а от некоторых, записав около 20 мелодий, я далеко еще не исчерпывал их материала. По их словам, полный репертуар их был по крайней мере в 5 раз больше того, что записано. Между тем как все остальные из названных мною инородцев Волжско-Камского края <...> не могли сообщить их больше десятка» [Мошков 1893: 31–32].

И.Д. Никитин-Юрки полагает: «По времени исполнения песни у чуваш бывают свадебные, солдатские, гостевые, детские, игровые и масленичные» [Никитин (Юрки) 1908: 265]. Г.И. Комиссаров пишет, что «чувашские песни различаются по тому, в какое время года, по какому случаю они поются. Поэтому и названия они носят разные: *ёскё юрри* ‘пирушечная песня’, *туй юрри* ‘свадебная песня’, *хёр йёрри* ‘плач невесты’, *кёрү юрри* ‘песня жениха’, *сйварни юрри* ‘масленичная песня’, *уяв юрри* (или *вай юрри*) ‘хороводная песня’, *улах юрри* ‘посиделочная песня’, *салтак юрри* ‘солдатская песня’. Мелодия чувашских песен состоит обычно из двух, трех или четырех колен; отличается значительной подвижностью и музыкальностью» [Комиссаров 1911: 396]. (Г.И. Комиссаров в дальнейшем существенно развил свою классификацию, об этом – позже.)

Изданный по инициативе инспектора Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлева сборник «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» состоит из *сйвайсем* ‘хороводных песен’ (25 мотивов), *хёр сйри юррисем* ‘песен в осенние и зимние девичьи праздники’ (3), *ёскё-сикё юррисем* ‘праздничных песен’ (не будем строго судить составителей за такой перевод гостевых, или пирушечных, песен) (42), *туй юррисем* ‘свадебных песен’ (5), *хёр йёрри* ‘плача невесты’ (1), *салтак юррисем* ‘солдатских песен’ (17), *такмаксем* (в «Оглавлении» переведены как «шутки, остроты, которые поются на свадьбах и в других торжественных случаях», русское название ‘частушки’ в обиходе появляется позже) (2) [Образцы 1908]. «Мотив» здесь, понятно, эквивалент термина «песня». Во 2-ю часть «Образцов...» включены, кроме вышеуказанных, *сйварни юррисем* ‘песни на масленице’ (16); *ваййсем* ‘игры’, являющиеся частью *вайй* ‘хороводов’, составитель выделил как самостоятельный жанр (1 мотив). Имеются *тйльхсен юрри* ‘песня сирот’, *хурляхля старик юрри* ‘песня печального старика’ и *Пйртта юрри* ‘песня Пртты’ («Пртта был, сказывают, человеком из Чекурова») и *сёр виссе сурекен уллут юрри – мишавай юрри* ‘песня межевого (землемера)’ [Образцы 1912].

Среди главных задач Казанской центральной восточной музыкальной школы (1918–1922 гг.) его директор профессор Н.В. Никольский выделяет: «а) практическую – собирание и записывание материалов, б) теоретическую – систематизация материалов, выяснение принципов построения народной песни» [Никольский 2008: 297]. В подготовленной им «Программе для собирания народных песен и других музыкальных материалов» исследователь призывает обращать внимание на исторические песни, духовные стихи и обрядовые песни, бытовые, рабочие, тюремные, фабричные, семейные, детские, игровые, колыбельные песни и частушки и др. «Собиратель песен должен объяснять, – наставляет Н.В. Никольский, – когда она поется (время года), при каких случаях, как поется (хором мужским, женским или детским, или одиночно), к какому разряду песен относится и как в данной местности этот разряд называется, если данная песня в народном исполнении является как составная часть какого-нибудь обряда или сопровождает какую-нибудь игру, то соответствующий обряд или игра должны быть подробно описаны» [Никольский 2008: 305–306]. Разумеется, здесь понятие «разряд» означает *жанр*. Автор программы умышленно не использует это мудреное для простых людей слово. Он призывает собирателей самим обозначать тексты (безусловная классификация). А теоретики потом, анализируя тематику, определяют их жанровое предназначение.

В дореволюционный период мы не находим исследований, посвященных систематизации жанров устной поэзии, объяснение этому – отсутствие исследователей, а этот фактор, в свою очередь, исходит от отсутствия изданных сборников образцов устного народного творчества (не считая вышеуказанные «Образцы...»). Первые публикации (а также неопубликованные работы) появляются лишь в середине 1920-х гг.

В.Ф. Смолин справедливо отмечает, что «песенное и музыкальное творчество чуваш до сих пор не только мало изучено, но и зарегистрировано далеко не полностью. <...> Во многих чувашских деревнях старинная песня замолкла, забыта» [Смолин 1926: V–VI]. Из предисловия Ф.П. Павлова к своей книге узнаем, что рукопись им была подготовлена еще в 1923 г. Из десяти очерков книги нас больше интересует пятый (самый обширный) из них, где рассматриваются чувашские народные песни по их видам, содержанию и дается их характеристика с художественно-эстетической точки зрения. Анализируя тексты, включенные в его рукописный сборник «*Чăваш юррисем*» «Чувашские песни», автор поясняет: «Приведенное деление песен выписано из сборника в том же порядке, в каком эти песни расположены. На этом основании его нельзя рассматривать как попытку дать примерную классификацию (деление) чувашских народных песен по виду и содержанию» [Павлов 1926: 47]. Тем не менее данная структуризация вполне научно обоснована. Заметим, что в то время никто не делил чувашскую устную поэзию на обрядовую и необрядовую (или на приуроченную и неприуроченную), поэтому в «делении» Ф.П. Павлова песенные жанры выглядят так: *ёскё-сикё юррисем* ‘пирушечные песни’, *хăнасене чысласа юрлани* ‘песни при встрече и проводах гостей’, *улах юррисем* ‘посиделочные песни’, *туй юррисем* ‘свадебные песни’, *вайй юррисем* ‘хороводные песни’, *çăварни юррисем* ‘масленичные песни’, *вёскён юрри* ‘песня щеголя’, *такмаксем* ‘драматические и шуточные песни’, *хёр йёрри* ‘плач невесты’, *авалхи юрăсем* ‘легенды (старинные песни)’, *сал-*

так юррисем ‘рекрутские песни’, *вйй юррисем (сйвйсем)* ‘игровые песни’, *уяв вййи юррисем* ‘игровые хороводные песни’, *турлак юрри[сем]* ‘бурлацкие песни’, *мулкач юрри* ‘песня зайца (аллегорическая)’, *ташй юррисем* ‘танцевальные песни’, *хёр сумми юрри* ‘плач подружек [невесты]’, *тйлйх арйм юрри* ‘песня вдовы’, *кёреке юрри* ‘застольная песня’, *кёру юрри* ‘песня жениха’, *сурхури юррисем* ‘святочные песни’, *туй халйхён юрри* ‘свадебная песня’, *сйпка юрри* ‘колыбельная песня’, *йру юрри* ‘родовая песня’, *ёс юррисем* ‘трудовые песни’, *революци юррисем* ‘революционные песни’, *тёрлй юрйсем* ‘разные песни’ [Павлов 1926: 46–47].

В 1920–1930 гг. выходили сборники чувашских песен. Три из них принадлежат С.М. Максимову [Максимов 1924; 1926; 1932]. Тексты в первом и втором сборниках составитель классифицирует как детские, хороводные, пировые, масленичные, свадебные, рекрутские и «разные». Автор предисловия к третьей книге композитор и музыковед И.В. Люблин отмечает, что «классификация песен, не всегда, правда, достаточно последовательно проведенная, по игровому, хороводному, гостевому, свадебному, масленичному и т. п. “признакам” отражает вполне определенный этнографический подход, идущий целиком от традиции формального дореволюционного собирательства “народных песен”» [Люблин 1932: IV–V]. Кроме указанных, «т. п.» – это детские, посиделочные, рекрутские песни и песни «разных циклов»: *чйк юрри* ‘песня языческого жертвоприношения’, *яш сын юрри* ‘песня юноши’, *тйпат юрри* ‘песня при молотье’, *вйрй юрри* ‘песня вора’, *ака-суха юрри* ‘букв. песня плуга и бороны’, *сён сёр юррисем* ‘песни переселенцев’, *тйлйх юрри* ‘песня сироты’, *хёр юрри* ‘предсмертная песня девушки’. По существу, С.М. Максимов использовал безусловную классификацию.

Нужно признать, что вплоть до 1960-х гг. в изданных книгах по чувашскому фольклору не предпринималось серьезной попытки классификации не только вообще всего собранного материала, но и, в частности, образцов устно-поэтического творчества, в том числе необрядовой поэзии. Во втором издании сборника «*Чйваш фольклорё*» ‘Чувашский фольклор’ его составитель И. Тукташ также в основном ограничился описанием изданных к тому времени исследований о чувашском фольклоре, размышлениями о месте и роли устного творчества в жизни народа. Серьезный анализ, собственно, народной лирики отсутствует [Чйваш фольклорё 1949: 15–16]. Тем не менее, этот сборник считается наиболее объемным по включению в него песен разных жанров: из необрядовой поэзии он содержит трудовые, посиделочные, семиковые, шуточные, колыбельные песни и детские стихи, песни удельных крестьян, переселенцев, «песни 1905 года». Вернувшись к словам И.И. Земцовского о категориях «фольклорная» и «фольклористическая», видим, что И. Тукташ в какой-то мере являлся сторонником фольклористического, то есть искусственного разделения жанров: например, во многих местах, главным образом среди низовых чувашей и чувашей этнотерриториальных групп, хороводные песни называются песнями *вйй* или *уяв*; также понятие «песни 1905 года» никак не относится к научному термину «жанр».

Являясь приверженцем фольклористической систематизации, Н.Р. Романов, «учитывая многообразие чувашских песен», разделяет «их по содержанию на четыре группы: 1) песни, воспевающие окружающую природу и родной край; 2) песни, в которых отражается производственный быт народа, 3) песни о семейном быте и 4) песни, отражающие общественные отношения и классовую борьбу

в деревне» [Романов 1960: 63–64]. Во-первых, зыбкость такого разделения очевидна, так как не понятно, какие песни, принадлежащие к той или иной группе, являются обрядовыми (приуроченными), а какие необрядовыми (неприуроченными), во-вторых, признаки всех означенных групп присутствуют в большинстве текстов и обрядовой, и необрядовой поэзии.

В аннотации к своей работе «Чувашский фольклор» М.Я. Сироткин заявляет, что «книга не претендует на охват и анализ в полном объеме всего устно-поэтического богатства чувашского народа, в ней рассказывается лишь об устоявшихся, т. е. традиционных, жанровых формах и видах фольклора», и сетует, что «до сих пор нет общего более или менее последовательно изложенного описания жанров чувашского народно-поэтического творчества в их совокупности» [Сироткин 1965: 2]. Автор устную поэзию не делит на обрядовую и необрядовую, хороводные песни включает в род календарно-обрядовой поэзии, тем не менее заметив: «От старой обрядности в них сохранились лишь календарный по времени характер их проведения, традиционность текстов и мелодий хоровых песен, круговое движение хоровода. Тематика игр и песен хороводных гуляний была бытовая (читай: необрядовая. – А.Л.). В большинстве своем это были молодежные лирические песни» [Сироткин 1965: 16].

Из жанров народной лирики автор выделил трудовые песни, которые «распадаются на три группы: 1) песни призыва к труду, 2) собственно трудовые песни и 3) песни, описывающие трудовой процесс» [Сироткин 1965: 18], бытовые лирические песни, которые «включают множество видов: любовные, застольные, гостевые, посиделочные, хороводные, игровые, плясовые, шуточные» [Сироткин 1965: 99], лирику социальных чувств и переживаний, и в этот особый цикл входят песни удельных крестьян, сиротские, рекрутские и солдатские песни, песни переселенцев, бурлаков, рабочих, тюремные и каторжные песни» [Сироткин 1965: 110]. Вслед за И. Тукташом исследователь отдельно рассматривает песни революционного протеста [Сироткин 1965: 116]. Очевидно, что в книге пока еще отсутствует научная классификация жанров народной лирики, ведь, например, исполнитель песен «*Йӓлтӓр-йӓлтӓр кӗленче ту...*» ‘Стекло́нная сверкающая го́ра...’ и «*Кӗӓрнаттӓр сурчӗ – хӗрлӗ сурт*» ‘Губернаторский дворец – пышный дворец’ (так у автора, хотя *хӗрлӗ* на рус. ‘красный’. – А.Л.) вряд ли догадывался, что он поет революционную песню.

Е.С. Сидорова народную поэзию делит на две группы: *магилле сӓмахсем* ‘магические слова’ и лирику. Лирикой она считает и обрядовую поэзию [Ильина 2016: 107]. Однако русская, да и чувашская фольклористика давно определилась с понятиями «обрядовая» и «необрядовая». Российский исследователь Ю.Г. Круглов напоминает: «еще в XIX в. ученые утверждали, что лирическая поэзия родилась в обряде», и продолжает: «Действительно, в обрядовом фольклоре существует целая группа произведений, в которых четко выражено стремление изобразить внутренний мир человека, его эмоциональное отношение к происходящему. Но нельзя с этими произведениями отождествлять другие, далекие от лирики. Именно поэтому при общей классификации фольклора собственно обрядовая поэзия не должна относиться к лирическому роду <...> Обрядовая поэзия должна иметь другую классификацию, учитывающую ее утилитарно-магическую направленность и иной способ изображения действительности» [Круглов 1989: 10].

В советский период наши исследователи фольклора неохотно обращались к изысканиям гуманитариев дореволюционной школы, которые оставили свои теоретические обоснования в рукописях, без движения лежавших, в частности, в Научном архиве Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики (ЧНИИЯЛИЭ, ныне НА ЧГИГН). В исследование чувашской народной поэзии, в том числе бытовой лирики, существенный вклад внес Г.И. Комиссаров. «Классифицировать (делить) произведения чувашского фольклора можно по нескольким основаниям или признакам, – полагает исследователь, – по жанрам их, по назначению и употреблению их, по месту распространения их. Чаще всего произведения фольклора классифицируются по жанрам. Мы считаем более целесообразным принять следующую классификацию произведений чувашского фольклора (обрядовую поэзию упускаем. – А.Л.): <...> Необрядовая поэзия: 1. Поэзия стихотворная (ритмическая): а) поэзия труда; б) поэзия зимних развлечений молодежи (посиделки), песни девичьей пирушки; в) песни хороводные; г) песни игровые; д) песни и частушки плясовые; е) песни и стишки детские; ж) песни любовные и семейные; з) песни рекрутские и солдатские; и) песни переселенческие; й) песни, известные по именам составителей их; к) песни-баллады; л) песни исторические» [Комиссаров 2023: 310–311].

3. Классификация жанров устной лирики в современных фольклорных сборниках

Тексты устной лирики, вошедшие в том III шеститомника «*Чăваш халăх сăмахлăхĕ*» «Чувашское устное народное творчество» сформированы на основе вышеприведенной, но расширенной классификации: *истори юррисем* ‘исторические песни’, *социаллă танмарлăх юррисем* ‘песни социального протеста’, *удел хресченĕсен юррисем* ‘песни удельных крестьян’, *сĕнĕ сĕр юррисем* ‘переселенческие песни’, *тăлăх юррисем* ‘песни сирот’, *хусах-таркăн юррисем* ‘песни казаков (дезертиров) и беглых’, *ямшăк юррисем* ‘ямщицкие песни’, *бурлаксен юррисем* ‘бурлацкие песни’, *рабочисен юррисем* ‘песни рабочих’, *тĕрме, каторга, ссылка тата революци юррисем* ‘песни тюремные, каторжные, ссыльных и революционные’, *ĕс юррисемпе такмакĕсем* ‘трудовые песни и частушки’ (15 поджанров), *вăйĕ юррисемпе тапш такмакĕсем* ‘хороводные песни и частушки’, *хĕр сăри юррисемпе такмакĕсем* ‘песни и частушки девичьего пива’, *улах юррисемпе такмакĕсем* ‘посиделочные песни и частушки’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ 1978]. И.И. Одюков в дальнейшем предлагает более развернутую классификацию жанров необрядной поэзии, вернее сказать, дополняет ее следующими видами: *шухăш-ĕмĕт юррисем* ‘песни о мыслях, чувствах, переживаниях человека’, *салтак юррисем* ‘солдатские песни’ [Одюков 2008: 232–312].

В своих работах В.Г. Родионов вопрос классификации чувашского песенного наследия изучает, основываясь на теоретических изысканиях фольклористов разных народов (чего не хватало в работах вышеуказанных исследователей советского периода). Его тезис о том, что «в народе песни классифицируются главным образом по функциям, по связи их с тем или иным обрядом» [Родионов 1982: 71], является краеугольным в систематизации жанров народной лирики. В 1991 г. Ученый совет ЧНИИЯЛИЭ (ныне ЧГИГН) утвердил подготовленный В.Г. Родионовым проспект «*Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи*» ‘Собрание (свод)

чувашской народной словесности'. Выделяя весь объем фольклорных текстов на несколько серий, классификатор в серию «Песенная поэзия» включает следующие жанры анализируемой нами народной лирики (необрядовой или неприуроченной поэзии): в группу *ача-пӑча, яш-кӑрӑм юррисем* 'детских и молодежных песен' – *вайӑна уяв юррисем* 'игровые и хороводные песни', *улах юррисем* 'посиделочные песни', *хӑр сӑри юррисем* 'песни девичьей пирушки'; в группу *тӑрлӑ социаллӑ ушкӑнсен юррисем* 'песен различных социальных слоев' – *хусах-таркӑн, вӑрӑ-хурах юррисем* 'песни беглецов и воров-разбойников', *тӑрмехӑсмет юррисем* 'тюремные песни', *ӗс юррисем* 'трудовые песни', *тӑлӑх-турат юррисем* 'сиротские песни', *ямшӑк юррисем* 'ямщицкие песни', *бурлак-рабочи юррисем* 'песни бурлаков и рабочих', *сӗнӗ сӗр юррисем* 'песни переселенцев', *пейӗтсем* 'пеиты' – *аваллӑх пейӗчӑсем* 'исторические пеиты', *вӑрсӑ пейӗчӑсем* 'пеиты о войнах', *кил-йӑшпа юрату пейӗчӑсем* 'пеиты о семье и любви' [Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗн пуххи 1994: 82].

На основании указанного проспекта чувашские фольклористы приступили к выпуску нового свода: «*Чӑваш халӑх пултарулӑхӗ*» 'Чувашское народное творчество'. В сборнике «*Ӓсӗне йӑла юррисем*» 'Трудовые и обрядовые песни' размещены собственно *ӗс юррисем* 'трудовые песни', *халӑхри сийсен юррисем* 'песни социальных слоев' и *султалакри йӑла юррисем* 'календарно-обрядовые песни'. (Судя по названию сборника, песни социальных слоев здесь не должны были быть.) В нарушение классификации В.Г. Родионова в группу календарно-обрядовых песен были включены наряду с масленичными песнями посиделочные песни и частушки, а также песни девичьей пирушки. Хороводные песни отсутствуют. Очевидно, их предполагалось издать отдельным томом. Однако при таком выборочном подходе к жанрам возникает вопрос: по какой причине не будут изданы отдельные сборники масленичных и посиделочных песен, ведь количество их ненамного меньше, чем хороводные?

В предисловии к сборнику Г.Ф. Юмарт заявляет о целесообразности включения солдатских и переселенческих песен в группу песен социальных слоев, так как «они по значению похожи на песни этой группы», а хороводные песни относит к обрядовой поэзии [Юмарт 2013: 11]. Такоевольное разделение и описание жанров нельзя назвать иначе как отголосками фольклористической (или условной) классификации и, в добавление к «терминологической неопределенности», неопределенностью в различении жанрового содержания. Мы не можем согласиться с Г.Ф. Юмартом, когда он пишет, что «трудовые песни и песни социальных слоев связаны с отдельными периодами года» [Юмарт 2013: 11]: разве лесорубы не работали круглый год так же, как кузнецы, пивовары, удельные крестьяне и ямщики?

Заключение

Возможно, и мы станем объектом критики. Говоря «неприуроченная устная поэзия», мы уже вызываем упрек, так как, к примеру, хороводные песни поют в определенный период – между «весенним праздником Пасха и праздником лета Семик – в веселое для молодежи время, называемое *Уяв*» [Комиссаров 1911: 388]. Однако *вайӑ (уяв)* хороводный репертуар давно потерял обрядную составляющую,

посему мы хороводные песни причисляем к народной лирике. Аналогично поступаем с посиделочными песнями и песнями девичьей пирушки. Фольклористы и музыковеды *кёреке юррисем* ‘застольные песни’ отделяют от гостевых (пирушечных), они «особый жанр народной песни, общее название сакральных песен-гимнов» [Кондратьев 2006]. Поэтому мы их не включаем в нашу классификацию.

Таким образом, чувашская народная лирика объединяет две большие группы: 1) песни молодежи и взрослого населения: *вйй / уяв / сымёк юррисем* ‘хороводные песни’; *вйй выляв юррисем* ‘игровые песни’; *улах юррисем* ‘посиделочные песни’; *хёр сари юррисем* ‘песни девичьего пива (девичьей пирушки)’; *такмаксем* ‘частушки’; *кулленхи юррәсем* ‘повседневные песни’ (*юрату юррисем* ‘любовные песни’, *каччәсен юррисем* ‘песни парней’, *хёрсен юррисем* ‘песни девушек’, *урам юррисем* ‘уличные песни’, *хуйхәллә сәмрәксем юррисем* ‘песни печальных парней’, *уйрәм хёр юррисем* ‘песни отдельной девушки’, *уйрәм каччә юррисем* ‘песни отдельного парня’, *савни сәввисем* ‘песни возлюбленного’, *савни сивёнсен юрланисем* ‘песни после отчуждения возлюбленного(ой)’ и пр.); *ёскёсикё (хәна) юррисем* ‘пирушечные (гостевые) песни’; 2) песни разных социально-профессиональных групп: трудовые песни – *тырә акакансен юррисем* ‘песни сеятелей’; *тырә выракансен юррисем* ‘песни жнецов’; *авән сапакансен юррисем* ‘песни молотильщиков’; *ниме юррисем* ‘помочанские песни’; *катка-пичкесёсен юррисем* ‘песни бондарей’; *сәвай сапакансен юррисем* ‘песни свайщиков’; *сүс тыллакансен, пир сапакансен юррисем* ‘песни мяльщиц поскони и полотна’; *утә сулакансен юррисем* ‘песни косарей’; *чйнта сапакансен юррисем* ‘песни кулеткачей’; *тимёрсё юррисем* ‘песни кузнецов’; *канат юррисем* ‘песни канатчиков’; *вәрман касакансен юррисем* ‘песни лесорубов’; *кётүс юррисем* ‘песни пастухов’; *сәра пёсерекенсен юррисем* ‘песни пивоваров’; *каска юррисем* ‘песни пильщиков’; *ал ёс тәвакансен юррисем* ‘песни рукодельниц’; *хуралсә юррисем* ‘песни сторожей’ и др.; песни социальных групп – *удел хресченёсен юррисем* ‘песни удельных крестьян’; *бурлак юррисем* ‘бурлацкие песни’; *рабочисен юррисем* ‘песни рабочих’; *ямийк юррисем* ‘песни ямщиков’; *сёнё сёре каякансен юррисем* ‘песни переселенцев’; *хусах-таркән юррисем* ‘песни казаков и беглых’; *тәләх арәмсен юррисем* ‘песни вдов’; *тәләх ачасен юррисем* ‘песни сирот’; *ятлә юррәсем* ‘именные песни’ (известные по именам их создателей); *вәрә-хурах, тёрме-каттәркә юррисем* ‘разбойничьи и тюремно-каторжные песни’; *ыйтка-лакансен юррисем* ‘песни нищих’ и др.

Литература

- Акимова 1965 – Акимова Т.М. О поэтической природе народной лирической песни. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965. – 172 с. {Т.М. Akimova. On the poetic nature of a folk lyrical song. – Saratov: Saratov University Press, 1965. – 172 p.}
- Атанова 1992 – Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. – Уфа: Издание республиканской газеты «Йәшлек», 1992. – 190 с. {L.P. Atanova. Collectors and researchers of Bashkir musical folklore. – Ufa: Edition of the Republican Newspaper “Yäşlek”, 1992. – 190 p.}
- Ашмарин 1892 – Ашмарин Н.И. Очерк народной поэзии у чуваш // Этнографическое обозрение. – Москва, 1892. – № 2–3. – С. 42–64. {N.I. Ashmarin. An essay on folk poetry among the Chuvashes // Ethnographic Review. – Moscow, 1892. – No. 2–3. – PP. 42–64.}

- Ашмарин 1900 – *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. – Казань: Типо-лит. Казан. Импер. ун-та, 1900. – 91 с. {*N.I. Ashmarin. A collection of Chuvash songs recorded in the provinces of Kazan, Simbirsk and Ufa. – Kazan: Typolithography of Kazan Imperial University, 1900. – 91 p.*}
- Бакиров 2012 – *Бакиров Марсель.* Татарский фольклор. – Казань: Ихлас, 2012. – 400 с. {*Marsel Bakirov. Tatar folklore. – Kazan: Ikhlas, 2012. – 400 p.*}
- Земцовский 1971 – *Земцовский И.И.* К теории жанра в фольклоре // Советская музыка. – 1971. – № 1. – С. 61–65. {*I.I. Zemtsovskiy. On the theory of genre in folklore // Soviet Music. – 1971. – No. 1. – PP. 61–65.*}
- Комиссаров 1911 – *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. – Т. XXVII. – Вып. 5. – Казань, 1911. – С. 311–432. {*G.I. Komissarov. Chuvash of the Kazan Volga region // IOAIE (the Bulletin of Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University). – Vol. XXVII. – Issue 5. – Kazan, 1911. – PP. 311–432.*}
- Комиссаров 2023 – *Комиссаров Г.И.* Устное творчество (фольклор) // Г.И. Комиссаров. Собрание сочинений. – Т. I. – Чебоксары: Типография 7, 2023. – С. 308–331. {*G.I. Komissarov. Oral creativity (folklore) // G.I. Komissarov. Collected works. – Vol. I. – Cheboksary: Printing House 7, 2023. – PP. 308–331.*}
- Кондратьев 1991 – *Кондратьев М.Г.* О чувашско-татарских этномузикальных параллелях (введение в проблематику) // Из наследия художественной культуры Чувашии. Сб. статей. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1991. – 158 с. {*M.G. Kondratiev. On Chuvash-Tatar ethnomusicological parallels (introduction to the problems) // From the heritage of artistic culture of Chuvashia. A collection of articles. – Cheboksary: ChSRILLHE (Chuvash Scientific Research Institute of Language, Literature, History and Economy), 1991. – 158 p.*}
- Кондратьев 2006 – *Кондратьев М.Г.* Ёскё-сикё юрри [Застольная песня] // Чувашская энциклопедия: в 4-х т. – Т. 4. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С. 581. {*M.G. Kondratiev. Drinking song // Chuvash encyclopedia: in 4 vols. – Vol. 4. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2006. – P. 581.*}
- Кондратьев 2007 – *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЕРСЭ, 2007. – 288 с. {*M.G. Kondratiev. Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism. – Moscow: PERSE, 2007. – 288 p.*}
- Круглов 1989 – *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. – М.: «Высшая школа», 1989. – 320 с. {*Yu.G. Kruglov. Russian ritual songs. – Moscow: “Vysshaya shkola”, 1989. – 320 p.*}
- Мошков 1893 – *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. – I. Мелодии чувашских песен // ИОАИЭ. – Т. XI. – Вып. 1. – Казань, 1893. – С. 31–64. {*V.A. Moshkov. Materials for characterizing the musical creativity of indigenous peoples of the Volga-Kama region. – I. Melodies of Chuvash songs // IOAIE. – Vol. XI. – Issue 1. – Kazan, 1893. – PP. 31–64.*}
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. – Отд. I. – Ед. хр. 148. {*Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. – Archive I. – Storage unit 148.*}
- Надиров 1969 – *Надиров И.Н.* Современные игровые и плясовые песни татарского народа // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – Т. VI. – М.: Наука, 1969. – 472 с. {*I.N. Nadirov. Modern game and dance songs of the Tatar people // Proceedings of the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. – Vol. VI. – Moscow: Nauka, 1969. – 472 p.*}
- Никитин (Юрки) 1908 – *Никитин (Юрки) И.Д.* Песни чуваш Ядринского и соседних уездов // ИОАИЭ. – Т. XXIV. – Вып. 3. – Казань, 1908. – С. 265–292. {*I.D. Nikitin (Yurki). Songs of the Chuvashes of Yadrin and neighboring counties // IOAIE. – Vol. XXIV. – Issue 3. – Kazan, 1908. – PP. 265–292.*}
- Никольский 2008 – *Никольский Н.В.* Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья // Н.В. Никольский. Собрание сочинений: в 4-х т. – Т. III. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – 735 с. {*N.V. Nikol'skiy. Synopsis on the history of folk music among the peoples of the Volga region // N.V. Nikol'skiy. Collected works: in 4 vols. – Vol. III. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2008. – 735 p.*}

- Образцы 1908 – Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. – Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1908. – 116 с. {Samples of motifs of Chuvash folk songs and texts to them. – Simbirsk: A. and M. Dmitrievs' Publishing House, 1908. – 116 p.}
- Образцы 1912 – Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. – II ч. – Сост. П.В. Пазухин. – Симбирск: Тип. Сидневой и Ко, 1912. – 110 с. {Samples of motifs of Chuvash folk songs and texts to them. – Part 2. – Comp. by: P.V. Pazukhin. – Simbirsk: Sidneva and Co. Publishing House, 1912. – 110 p.}
- Одюков 2008 – *Одюков И.И.* Чувашские народные песни-баллады // И.И. Одюков. Избранные труды 'Суйласа илнĕ ёссем' / Сост. В.А. Ендеров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 648 с. {I.I. Odyukov. Chuvash folk songs-ballads // I.I. Odyukov. Selected works / Compiled by V.A. Yenderov. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2008. – 648 p.}
- Павлов 1926 – *Павлов Ф.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. – Чебоксары: Общество изучения местного края, 1926. – 69 с. {F. Pavlov. The Chuvashes and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays. – Cheboksary: Society for the Study of the Local Region, 1926. – 69 p.}
- Песни 2011 – Песни луговых мари. – Ч. 1. – Обрядовые песни / Свод марийского фольклора / Сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 592 с. {Songs of the meadow Mari. – Part 1. – Ritual songs / Collection of Mari folklore / Compiled by N.V. Mushkina. – Yoshkar-Ola: MarSRILLH, 2011. – 592 p.}
- Родионов 2006 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Этнос. Культура. Слово. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С. 3–53. {V.G. Rodionov. Issues of genre classification of Chuvash folklore // Ethnos. Culture. Word. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2006. – PP. 3–53.}
- Родионов 1982 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. – С. 54–105. {V.G. Rodionov. Issues of genre classification of Chuvash folklore // Chuvash folklore. Features of genres. – Cheboksary: ChSRILLHE, 1982. – PP. 54–105.}
- Родионов 1992 – *Родионов В.Г.* Чувашский стих. Проблемы становления и развития. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 224 с. {V.G. Rodionov. Chuvash verse. Problems of formation and development. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1992. – 224 p.}
- Романов 1960 – *Романов Н.Р.* Идеино-тематическое содержание дореволюционных чувашских песен // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1960. – С. 62–93. {N.R. Romanov. Ideological and thematic content of pre-revolutionary Chuvash songs // Issues of the Chuvash Language, Literature and Art. – Cheboksary: ChSRILLHE, 1960. – PP. 62–93.}
- Сбоев 1865 – *Сбоев В.А.* Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. – М.: Тип. С. Орлова, 1865. – 188 с. {V.A. Sboev. Chuvash people in everyday, historical and religious relations. Their origin, language, rituals, beliefs, traditions, etc. – Moscow: S. Orlov's Printing House, 1865. – 188 p.}
- Сидорова 1969 – *Сидорова Е.С.* Научный архив научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 47. – Чебоксары, 1969. – С. 216–225. {Ye.S. Sidorova. Scientific Archive of the Scientific Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR // Bulletin of the ChSRI. – Issue 47. – Cheboksary, 1969. – PP. 216–225.}
- Сидорова 2002 – *Сидорова Е.С.* О научном значении фонда Н.В. Никольского // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. Материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Н.В. Никольского. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 47–49. {Ye.S. Sidorova. On the scientific significance of the N.V. Nikolsky Foundation // Problems of studying the scientific heritage of N.V. Nikolskiy. Proceedings of the conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of N.V. Nikolskiy. – Cheboksary: ChSIHS (Chuvash State Institute for Humanity Studies), 2002. – PP. 47–49.}
- Сироткин 1965 – *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор. Очерки устно-поэтического народного творчества. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с. {M.Ya. Sirotkin. Chuvash folklore. Essays on oral and poetic folk art. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1965. – 132 p.}
- Смолин 1926 – *Смолин В.* Предисловие // Павлов Ф. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. – Чебоксары: Общество изучения местного края,

1926. – С. V–VI. {*V. Smolin*. Preface // F. Pavlov. Chuvashs and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays. – Cheboksary: Society for the Study of the Local Region, 1926. – PP. V–VI.}
- Сырнев 1901 – *Сырнев И.Н.* Население [Среднего и Нижнего Поволжья]. Замечательные населенные места и местности // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под редакцией В.П. Семенова [Тянь-Шанского]. – Т. 6. – СПб., 1901. – С. 111–549. {*I.N. Syrnev*. The population of the [Middle and Lower Volga region]. Wonderful populated places and localities // Russia. A complete geographical description of our Homeland. Edited by V.P. Semenov [Tyan-Shanskiy]. – Vol. 6. – St. Petersburg, 1901. – PP. 111–549.}
- Хамимьянова 2019 – *Хакимьянова А.М.* Лирические песни башкир. Поэтика. Концептосфера. – Уфа: Китап, 2019. – 160 с. {*A.M. Hakimyanova*. Lyrical songs of Bashkirs. Poetics. Conceptual sphere. – Ufa: Kitap, 2019. – 160 p.}
- Эргис 1974 – *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с. {*G.U. Ergis*. Essays on Yakut folklore. – Moscow: Nauka, 1974. – 402 p.}
- Ильина 2016 – *Ильина Г.Г.* Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Халăх прози. Вĕренÿпе методика пособийĕ. – Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2016. – 107 с. [*Г.Г. Ильина*. Чувашское устное народное творчество. Народная проза. Учебно-методическое пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. унта, 2016. – 107 с.] {*G.G. Ilyina*. Chuvash oral folk art. Folk prose. Educational and methodical manual. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2016. – 107 p.} (In Chuvash.)
- Люблин 1932 – *Люблин И.* Предисловие // Максимов С.М. Тури чăвашсен юррисем. – Шупашкар: Чăвашсен патшалăх изд-ви, 1932. – С. III–XIII. [*И. Люблин*. Предисловие // Максимов С.М. Песни верховых чувашей. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. – С. III–XIII.] {*I. Lublin*. Preface // S.M. Maksimov. Songs of the Upper Chuvashs. – Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1932. – PP. III–XIII.} (In Chuvash.)
- Максимов 1924 – *Максимов С.М.* Чăваш кĕввисем. – 1-мĕш пайĕ. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1924. – 88 с. [*С.М. Максимов*. Чувашские мотивы. – Ч. 1. – М.: Централ. изд-во народов СССР, 1924. – 88 с.] {*S.M. Maksimov*. Chuvash motifs. – Part 1. – Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1924. – 88 p.} (In Chuvash.)
- Максимов 1926 – *Максимов С.М.* Чăваш кĕввисем. – 2-мĕш пайĕ. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926. – 54 с. [*С.М. Максимов*. Чувашские мотивы. – Ч. 2. – М.: Централ. изд-во народов СССР, 1926. – 54 с.] {*S.M. Maksimov*. Chuvash motifs. – Part 1. – Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1926. – 54 p.} (In Chuvash.)
- Максимов 1932 – *Максимов С.М.* Тури чăвашсен юррисем. – Шупашкар: Чăвашсен патшалăх изд-ви, 1932. – 134 с. [*С.М. Максимов*. Песни верховых чувашей. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. – 134 с.] {*S.M. Maksimov*. Songs of the Upper Chuvashs. – Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1932. – 134 p.} (In Chuvash.)
- Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи 1994 – Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи. Проспект. Сост. *В.Г. Родионов* // Сăмах = Слово. Тĕпчевсемпе текстсем = Исследования и тексты. – Чебоксары: ЧГИГН, 1994. – 122 с. [Сборник чувашской народной словесности. Проспект. Сост. *В.Г. Родионов* // Сăмах = Слово. Исследования и тексты. – Чебоксары: ЧГИГН, 1994. – 122 с.] {Collection of Chuvash folk literature. A Catalogue. Compiled by *V.G. Rodionov* // *Sămach* = Word. Researches and texts. – Cheboksary: ChSIHS, 1994. – 122 p.} (In Chuvash.)
- Чăваш фольклорĕ 1949 – Чăваш фольклорĕ. – *И. Тукташ* хатĕрленĕ. – Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1949. – 328 с. [Чувашский фольклор. – Сост. *И. Тукташ*. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1949. – 328 с.] {Chuvash folklore. – Compiled by *I. Tuktash*. – Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1949. – 328 p.} (In Chuvash.)
- Чăваш халăх сăмахлăхĕ 1978 – Чăваш халăх сăмахлăхĕ. – 6 томлăх. – III т. – Юрăсем. – *И.И. Одюковна*, *Г.Ф. Юмарт* пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1978. – 506 с. [Чувашское устное народное творчество. – В 6 т. – Том III. – Сост. *И.И. Одюков* и *Г.Ф. Юмарт*. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. – 506 с.] {Chuvash oral folk art. – In 6 vols. – Vol. 3. – Compiled by *I.I. Odyukov* and *G.F. Yumart*. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1978. – 506 p.} (In Chuvash.)
- Юмарт 2013 – *Юмарт Г.Ф.* Чăваш юррисен пуянлăхĕ. Ёспе йăла юррисен ушкăнĕсем // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ёспе йăла юррисем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2013. – 541 с.

[Г.Ф. Юмарт. Богатство чувашских песен. Жанры трудовых и бытовых песен // Чувашское народное творчество. Трудовые и бытовые песни. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 541 с.] {G.F. Yumart. The wealth of Chuvash songs. Genres of labor and household songs // Chuvash folk art. Labor and household songs. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2013. – 541 p.} (In Chuvash.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 81–92. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-81-92

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРВОГО НАРОДНОГО ПОЭТА БАШКОРТОСТАНА МАЖИТА ГАФУРИ

*Флюр Шарифуллинович Сибгатов*¹

¹ Национальная библиотека им. А.З. Валиди Республики Башкортостан,
г. Уфа, Россия

кандидат филологических наук, заведующий отделом рукописей и редких изданий
e-mail: jamachta@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Сибгатов Ф.Ш., 2023

Аннотация: Статья посвящена творческому наследию первого народного поэта Башкортостана Мажита Гафури. Впервые в литературоведении проводится всесторонний анализ его произведений разных жанров и направлений, прослеживается творческое развитие писателя, начиная с самого раннего периода и заканчивая его становлением как мастера художественного слова. Новизна его ранних произведений заключается в том, что автор впервые вводит в национальную литературу новых героев – деревенских бедняков, «маленьких людей». Представляя в своих произведениях результаты больших достижений отечественной науки и техники, поэт противопоставляет этому отсталость своего народа и призывает его овладеть новыми знаниями. В творчестве красной нитью проходит идея о том, что если дать народу знания, вывести его из состояния отсталости, то сами собой исчезнут многие противоречия жизни. В произведениях, соответствующих духу времени, можно наблюдать эволюцию труженика от батрака до рабочего-созидателя. Автор показывает судьбу человека, который полвека сеял хлеб, но затем стал представителем рабочего класса. Как и многие другие деятели литературы и культуры, поэт активно занимался сбором и изучением башкирского фольклора, стал одним из основоположников башкирской детской литературы. Следуя традиции своих предшественников, М. Гафури часто обращается и к религиозной тематике. В центре его произведений находятся проблемы утверждения мусульманских идеалов, духовного и нравственного воспитания. Таким образом, творческое наследие М. Гафури весьма многогранно и требует дальнейшего более углубленного исследования.

Ключевые слова: Мажит Гафури, башкирская литература, жанр, проза, поэма, идейно-тематические особенности.

Для цитирования: *Сибгатов Ф.Ш.* Особенности творческого наследия первого народного поэта Мажита Гафури // *Российская тюркология*. 2023. № 3–4 (40–41). С. 81–92. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-81-92.

Features of the creative heritage of Mazhit Gafuri, the first national Bashkir poet

*Flur Sharifullinovich Sibagatov*¹

¹ National Library named after A.Z. Validi of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
Ph.D. in Philology, Head of the Department of Manuscripts and Rare Editions
e-mail: jamachta@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Sibagatov F.Sh., 2023

Abstract: The article is devoted to the creative heritage of the first national poet of Bashkortostan, Mazhit Gafuri. For the first time in literary studies, a comprehensive analysis of his works of various genres and directions is carried out, the creative development of the writer is traced, starting from the earliest period and ending with his formation as a master of the artistic word. The novelty of his early works lies in the fact that for the first time the author introduces new characters into national literature – the rural poor, “little people”. Presenting in his works the results of great achievements of Russian science and technology, the poet contrasts this with the backwardness of his people and encourages them to master some new knowledge. Most of his works are imbued with the idea that if you give people knowledge, bring them out of a state of backwardness, then many contradictions of life will disappear by themselves. In the works corresponding to the spirit of the time, we see the evolution of the worker from a farmhand to a worker-creator. The author shows the fate of a man who had been sowing bread for half a century, but then became a representative of the working class. Like many other men of letters, the poet was actively engaged in collecting and studying Bashkir folklore, and became one of the initiators of Bashkir children’s literature. Following the tradition of his predecessors, M. Gafuri often turns to religious topics. At the centre of his works are the problems of affirming Muslim ideals, spiritual and moral education. Thus, M. Gafuri’s creative heritage is multifaceted and requires more in-depth research.

Key words: Mazhit Gafuri, Bashkir literature, genre, prose, poem, ideological and thematic features.

For citation: *Sibagatov F.Sh.* Features of the creative heritage of Mazhit Gafuri, the first national Bashkir poet // Russian Turkology. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. 81–92. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-81-92.

Введение

Имя Мажита Гафури занимает особое место в истории национальной литературы. Многочисленные произведения поэта составляют золотой фонд не только башкирской, но и всей многонациональной литературы Российской Федерации. Как писал Мустай Карим: «Первый классик и основоположник башкирской литературы М. Гафури сыграл столь же великую роль в развитии и обогащении татарской литературы» [Карим 1980: 3].

Как известно, в башкирском литературоведении об обширном творческом наследии М. Гафури, идейно-тематических особенностях и образной системе его произведений написано большое количество научных трудов. В то же время проблема влияния на творчество поэта арабо-тюрко-мусульманских поэтических традиций почти всегда оставалась вне поля зрения ученых и требует дальнейших исследований [Сибгаатов 2020: 8–9].

Как известно, тюрки с древнейших времен контактировали с народами Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. Особо тесные связи были налажены с ирано- и арабоязычными культурами, и, соответственно, больше всех ощу-

шалось их влияние на тюркоязычную литературу. В.В. Бартольд отмечает, что начиная с VI в. н. э. наблюдается оживление связей тюркских племен с персами [Бартольд 1925: 23]. Основой этих связей послужила религия (вначале, возможно, зороастризм, а затем – ислам) и торговые отношения.

О проникновении фарсизмов в ранние периоды развития тюркских языков свидетельствует то, что почти все заимствованные слова сильно ассимилировались, часто употребляются в современном башкирском языке и составляют неотъемлемую часть активного лексического состава [Гайсина 2008: 9]. Самые ранние фарсизмы остались, возможно, со времен формирования башкир как отдельного этноса и связаны с ираноязычными сарматами.

Влияние арабской культуры наблюдается и в более поздние времена и связано с распространением ислама, который упорядочивал почти все стороны жизни мусульманского общества, в том числе башкир, вплоть до середины 20-х гг. XX в. В этом плане религия представляла собой не столько отдельную догматику, а во многом целостную и гармоничную религиозно-философскую, духовно-бытовую систему практического применения. Поэтому обращение писателей и поэтов к кораническим и другим религиозным текстам было частью их мировоззрения и мировосприятия. Творчество М. Акмуллы (1831–1895), Р. Фахретдинова (1859–1936), М. Гафури (1880–1934), З. Хади (1863–1932) и др. невозможно полноценно анализировать без знания тюрко-мусульманской культуры.

Габдельмажит Нурганиевич Гафуров (2 августа (20 июля) 1880 – 28 октября 1934) родился в д. Зилим-Караново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне Гафурийский район Республики Башкортостан) в семье сельского учителя, скончался в г. Уфе и был похоронен в Центральном парке культуры и отдыха им. А.М. Матросова.

Начальное образование получил у отца в родной деревне. В 1893–1895 гг. учился в Утяшевском медресе (д. Большой Утяш; ныне – Гафурийский район РБ), затем продолжил обучение в Киишкинском медресе (д. Старые Киишки; ныне – Кармаскалинский район РБ). В 1898 г. поступил в одно из самых знаменитых мусульманских учебных заведений Российской империи – медресе «Расулия» (Троицк). Его основателем и ректором был выдающийся башкирский просветитель и религиозный деятель, продолжатель суфийского тарриката Накшбандия – Зайнулла Расулев (1833–1917). По словам французского исламоведа А.А. Беннигсена (1913–1988), «среди всех академических учебных заведений мусульманского мира того времени медресе “Расулия” являлось лучшим по уровню и качеству получаемого в нем образования» [Islam 1967: 93]. Медресе являлось полусветским учебным заведением с 11-летним курсом обучения. Кроме этого, М. Гафури много занимался самообразованием: изучал арабский, турецкий, персидский и русский языки, историю и географию, восточную поэзию и классическую русскую литературу.

Обсуждение и результаты

1. Идеино-тематические особенности творчества М. Гафури

1.1. Начало творческого пути

Творческий путь М. Гафури начался в 1902 г. с сатирического стихотворения «*Ишан шәкерттәренә*» («Шакирдам ишана»). В советский период данное произ-

ведение комментировалось в духе времени, с акцентом на то, что в нем «высмеивались внутренние порядки медресе, деспотичное отношение ишана к шакирдам». Однако это не соответствует реальности, так как учащиеся и современники знали З. Расулева – главного героя произведения – как авторитетного и уважаемого наставника, готового оказать помощь и поддержку всем соотечественникам.

В стихотворении «Гилем» (1903; «Наука») поэт поднимает вопрос о необходимости обществу образованных и прогрессивных людей. В дальнейшем эта идея красной нитью пройдет по многим произведениям М. Гафури. Возможно, это напрямую связано с просветительскими идеями автора или влиянием традиций арабо-мусульманской культуры.

В свободное от учебы время М. Гафури подрабатывал: трудился на приисках золотопромышленников Рамеевых, учительствовал в казахских степях. Материалы, собранные в этот период, стали основой его первого рассказа – «*Фәкирлектә үткән тереклек*» (1903; «Жизнь, прошедшая в нищете»). Новизна произведения заключается в том, что автор вводит в национальную литературу новых героев – деревенских бедняков, «маленьких людей», ужасающей нищетой низведенных до самого дна жизни. Жизнь нищего деревенского батрака Нигматуллы и его жены Сарви в произведении изображается в трагикомических ситуациях, которая завершается трагической развязкой.

Вообще, в произведениях начального периода красной нитью проходит идея о том, что если дать народу знания, вывести его из состояния отсталости, то сами собой исчезнут многие противоречия жизни.

Первое путешествие на поезде оставило в душе поэта-просветителя незабываемые впечатления. На этой волне рождается поэма «*Себер тимер юлы, йәки Әхүлә милләт*» (1904; «Сибирская железная дорога, или Положение нации»), в которой автор воспеваеет век прогресса культуры, науки и техники и величие российского государства:

*Беззең был Русия һиммәт итте,
Һиммәте саяһында алга китте.
Һиммәт булмай бындай юл һалынамы?
Нисә төрлө милләтәр хәсәд итте.
Русия кәзәри хәл мәдех кәрәк,
Булган өсөн баһадир бигерәк һирәк.
Мәдехһез зә баһадир мәшһүр була –
Ни урындан күренмәй озон тирәк!*

Отныне прогресс царит во вселенной нашей,
Его достижения день ото дня все краше.
Вдоль дороги большие растут города,
А по рекам большие проходят суда,
И народ, на сибирской живущий земле,
Благодарен великой России всегда.
Честь и слава России – могучей стране,
Чье дыханье я слышу в ночной тишине...
(пер. Л. Мартынова)

Рисуя результаты больших достижений науки и техники, поэт противопоставляет этому процессу отсталость своего народа и призывает его овладевать новыми знаниями.

1.2. Революционная и реакционная тематика в произведениях М. Гафури

Поэт положительно откликается на революционные события 1905 г. В стихах «Стихи радости», «Богач», «Перемена», «Настала пора», «В период свободы»,

«Открылась первая дума», «Наши дни», «Две птицы», «Завещание 1906 года 1907 году», «Ответ 1907 года» и др., написанных в 1905–1907 гг., мы видим тему столкновения социальных классов. В них пробуждение революционного и национального самосознания народа находят восторженный отклик. Таким образом, поэт постепенно переходит на политические темы и от всей души приветствует революцию.

В ответ на наступление послереволюционной политической реакции М. Гафури еще больше обращает внимание на социальные проблемы. Это приводит к постепенному отходу от просветительских идей и переходу к методу критического реализма: поэт видит острые противоречия в обществе и часто критикует социальное неравенство, как в стихотворении «*Базарга сыктым*» (1907; «Я вышел на базар»). В произведении городской базар символизирует общество, разделенное на два противоположных лагеря: на бедных и богатых. От этой картины у лирического героя то сердце разрывается от жалости, то возникает ненависть.

Повесть «*Ярлылар йәки Өйзәш катын*» (1907; «Бедняки, или Сожительница») является одним из лучших произведений М. Гафури. Как и другие его прозаические произведения, она продолжает тему жизни бедноты, в данном случае городских жителей, особенно тему тяжелой судьбы женщин. Главный герой Шариф, как и сотни полуголодных бедняков, постоянно живет в поисках заработка: готов простоять весь день на городской базарной площади, несмотря на лютые морозы или холодные дожди. Вследствие тяжелой жизни Шариф простудился и тяжело заболел. Автор восхищается широтой души своих героев, их готовности к взаимовыручке. Шариф и его жена Бадриямал, несмотря на то что сами живут впроголодь, делятся последним куском хлеба с брошенной мужем и отвергнутой родственниками беременной Ямилей.

Нелегкой доле женщин также посвящены такие произведения, как «*Оנותылган енәйәт, йәки Үткәнде үскә төшөрөү*» (1909; «Забывтое преступление, или Воспоминание о прошлом»), «*Зәйнәп сабыр иткән ине, сабыр итә алманы*» (1911; «Зайнаб терпела, но не вытерпела») и др. В советский период данная тема получает продолжение в повести «*Кара йөззәр*» (1927; «Черноликие»).

Если в предыдущих произведениях М. Гафури показывал людей, которые смирились со своей судьбой, то в повести «*Хамиттең хәйәте, йәки Ләйлә үә хәйәтем*» (1911; «Жизнь Хамита, или Лейла и моя жизнь») мы встречаемся с новым типом героя – личностью с сильным характером. Она написана в форме своеобразной исповеди в виде дневника от первого лица, включающего рассуждения об окружающем мире и проблемах морали. Такая форма подачи материала оказалась очень удачной: автор сумел раскрыть внутренний мир Хамита во всех его противоречиях. Дневник охватывает его жизненный путь с детских лет (с 15 февраля 1893 г.) до возмужания (последняя запись датируется 5 сентября 1904 г.).

1.3. Отражение народной поэзии и басенного жанра в творчестве М. Гафури

Как и многие писатели и поэты, М. Гафури также обращается к народной поэзии. В основном это характерно для его творчества 1909–1913 гг., когда поэт активно занимался сбором и изучением башкирского фольклора. Например, он опубликовал один из вариантов башкирского эпоса «*Зәйәтүләк менән Ыуһуһы-*

лыу» (1910; «Заятуляк и Хыухылу») [Гафури 1910]. Возможно, это было связано с тем, что в период политической реакции надо было найти истинного героя-борца, проникнутого высокой романтикой. Заятуляк, как бы сильно не любил дочь подводного царя Хыухылу, не соглашался жить в чужом ему подводном царстве. Для него важнее любовь и преданность к родной земле, к родной природе, особенно характерной для башкирского народа. Рассказы «*Агизел буйында*» (1914; «У Агидели»), «*Булгар кызы Айһылыу*» («Девушка-булгарка Айсылу») также написаны на основе фольклорных материалов.

В 1906 г. М. Гафури обращается к басенному жанру. Это было связано в первую очередь с тем, что на эзоповом языке можно было напечатать то, что было невозможно высказать в период репрессий и запретов. В общей сложности за 10 лет (1907–1917) было написано 25 басен. В 1913 г. в г. Казани вышел отдельный сборник «*Әмәл*» («Басни»), куда были включены 20 произведений.

Здесь следует отметить одну особенность, которая характерна не только для басен М. Гафури, но и для произведений ряда башкирских и татарских писателей. Обычно после названия они давали пояснения («*Крыловтан*» («Из Крылова») или «*Калилә үә Димнәнән*» (из «Калилы и Димны»)), хотя данные сюжеты своими истоками восходят к древнеиндийскому памятнику словесности «Панчатантра». В баснях М. Гафури чувствуется как влияние И.А. Крылова, так и сюжеты «Калилы и Димны». Как известно, великий русский баснописец и сам тоже черпал сюжеты из древнеиндийской и древнегреческой мифологии.

1.4. Революционные события 1917 г.

и Первая мировая война в произведениях писателя и поэта

Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. мусульманское население Урало-Поволжского региона восприняло неоднозначно. Часть просвещенной интеллигенции, в том числе и М. Гафури, восприняла их позитивно и стала активно поддерживать новую идеологию: он публикует оду «*Хәрриәт иртәһе*» (1917; «Утро свободы»), воспевающую всенародную радость. Революционной тематике также посвящен ряд стихотворений, большая часть из которых вошла в сборник «*Кызыл байрак*» (1917; «Красное знамя»).

В стихотворении «*Инкилап*» (1918; «Революция») М. Гафури одним из первых в национальной поэзии советского периода показал нового героя – рабочего. Впоследствии он становится главным героем поэмы «*Әшсе*» (1920; «Труженик»), стихотворений «*Кемдәр улар*» (1920; «Кто они?»), «*Колхоз фронты еңеуселәренә*» (1933; «Победителям колхозного фронта») и др. Драма «*Кызыл йондоз*» (1925; «Красная звезда») посвящена участию рабочих и крестьян в революционной борьбе.

В поэме «*Әшсе*», например, мы видим эволюцию труженика от батрака до рабочего-созидателя. Автор показывает судьбу человека, который полвека сеял хлеб, но затем поднялся до представителя рабочего класса: стал работать на шахтах и заводах. В то же время в поэме автор для воссоздания атмосферы работы завода использует идею-тематику и образную систему коранической легенды о Страшном суде: расплавленный чугун, который сравнивается с несущейся водой, а также шум, визг и гудение завода. Даже рабочие, трудящиеся в этой обстановке, черные от гари и пыли, в полумраке выглядят, словно черти из подземелья.

Благодаря новизне поэма оказалась востребованной, и в 1927 г. М. Гафури создал ее драматический вариант, а в 1928–1929 гг. на основе поэмы написал либретто оперы, по которому Г.С. Альмухаметов, С.Х. Габаши и В.И. Виноградов написали одноименную оперу.

В 1921–1922 гг. тема голода стала актуальной в творчестве таких башкирских писателей, как Гариф Гумер, Дауыт Юлтый, Тухват Янаби. Дауыт Юлтый, например, свой гонорар за книгу стихов «*Урал мондары*» (1921; «Уральские мелодии») пожертвовал в фонд помощи голодающим.

М. Гафури также принимает активное участие в помощи голодающим. Он добился открытия столовой для питания голодающих детей в своей родной деревне Зилим-Караново и обеспечения ее продовольствием, систематически выступает с этой темой в периодической печати.

В сборник «*Аслык тырнагында*» («В когтях голода») вошли стихотворения «*Ас*» («Голодный»), «*Һулыган гөлдәр*» («Увядшие цветы»), «*Һуңғы минутта*» («В последнюю минуту»), «*Илайзар*» («Плачут»), «*Һүндөләр*» («Угасли»), «*Алтын таре, бәрхәт палас*» («Золотой крест, бархатный ковер») и поэма «*Кеше ашаусылар*» («Людоеды») и др., посвященные теме голода. Например, в стихотворении «Плачут» описываются ужасы постигшего республику бедствия; в поэме «Людоеды» автор с глубоким сопереживанием преподносит трагедию голодного года и гибели не только целых семей, но и населенных пунктов. Таким образом, поэтические произведения и публицистические статьи на тему голода открывают нам Гафури-гражданина, большого патриота своего народа.

Повесть «*Кара йөзәр*» («Черноликые»; 1927)¹ является наиболее известным произведением М. Гафури. Как указывалось, сюжет основан на подлинных событиях, происходивших в родной деревне писателя в конце XIX в., а главная героиня – Галима – советской идеологией преподносилась как «одна из миллионов жертв религиозного невежества». Произведение активно использовалось для антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания подрастающего поколения. Однако если отойти от советской идеологии, то становится понятно, что Галима не была «одной из миллионов жертв» шариата. Религиозный фанатизм вообще не был характерен для башкирского или татарского общества. Если когда-то и где-то подобное случалось – то это являлось исключением. С другой стороны, именно нормы шариата, наряду с этнопедагогикой, были основными средствами сохранения нравственности в обществе.

В повести «*Тормош баскыстары*» (1927; «Ступени жизни») события происходят в годы Первой мировой войны. На примере главного героя – Вахита – автор показывает формирование характера нового человека – активного борца за права трудящихся. Автобиографическая повесть «*Шагирзың алтын приискаһында*» (1929; «На золотых приисках поэта») посвящена годам учебы в Троицке. Повествование ведется от первого лица. Перед глазами главного героя проходит картина тяжелого труда на износ рабочих на золотых приисках. Во время работы они становятся свидетелями приезда хозяев рудника. «Только спустя многие годы я узнал, – пишет Гафури, – что автор стихов, подписанных “*Дардманд*” – хозяин

¹ В 1927 г. произведение было издано на татарском языке, на башкирском – опубликовано в 1933 г. – *Прим. ред.*

приисков, Закир Рамиев. Оказывается, мы работали на золотых приисках поэта! Тысячи изнуренных, падавших от усталости рабочих обогащали поэта Дардманда». Необходимо отметить, что, хотя М. Гафури высказывается о Рамиевых в не очень хорошем ключе, но в действительности они оказали огромное влияние на развитие национальной культуры и журналистики в регионе (газета «*Вақыт*» и журнал «*Шуро*»), организовали книжное издательство, строили школы, мечети и медресе, а в 1917–1919 гг. активно поддерживали башкирское национальное движение. Сын Закира – Ягафар Рамеев (1895–1976) – в годы Гражданской войны записался в башкирскую кавалерийскую бригаду Мусы Муртазина, служил начальником штаба. Участвовал в боевых сражениях на Южном Урале, против белополяков на Польском фронте, награжден орденом Красного Знамени.

1.5. М. Гафури как один из основоположников детской и учебной литературы

Мажит Гафури является также одним из зачинателей литературы для детей. Сборник «*Милли шиғырҙар*» (1907; «Национальные стихи»), куда вошли стихотворения, адресованные маленьким читателям, можно назвать первой светской детской хрестоматией на родном языке. Книга выдержала шесть переизданий. В 1910 г. в г. Уфе выходит издание «*Кыzzарга махсус милли шиғырҙар*» («Специальные национальные стихи для девочек»), в котором можно наблюдать некое созвучие с книгами-наставлениями Р. Фахретдинова «*Кыз балаларга нәсихәт*» («Наставления для девочек»).

В 1914 г. М. Гафури, применив методический опыт «Родного слова» К.Д. Ушинского, совместно с Ш. Ахмадеевым разработал букварь для мектебов (мусульманских школ) «*Беренсе мөғаллим*» («Первый учитель»). Книга «*Икенсе мөғаллим*» (1914; «Второй учитель») уже носила светский характер, несмотря на отсылку (по названию) к учебникам медресе. В предисловии дается разъяснение звукового метода обучения грамоте, а учебный материал разбит на тридцать уроков, позволяя учащимся постепенно овладевать орфографическими навыками.

В советский период М. Гафури был одним из составителей учебника для 1–4-х классов «*Азат мәктәп*» (1920; «Свободная школа»). Кроме того, вышли такие книги для детей, как «*Кыр казы*» (1920; «Дикий гусь»), «*Урал таузарында; Аусы карт*» (1922; «На горах Урала; Старик охотник»), «*Без бәләкәй сактарза*» (1927; «Когда мы были маленькими»), «*Элек кыйын ине, хәзер анһат ул*» (1927; «Теперь легко, раньше было трудно»).

2. Арабо-мусульманские мотивы и влияние суфизма на творчество М. Гафури

Как было сказано выше, современники и шакирды медресе знали М. Гафури как соавтора книги суфийского характера «*Менла Гибәтулла бин шәйх Зәйнулла ән-Накибәнди хәзрәтләре мәрсисәсе*» (1903; «Элегия по мулле Хибатулле бин шейх Зайнулла ан-Накшбанди»), издателем которой выступил крупнейший крымскотатарский просветитель, издатель и тюрколог начала XX в. Ильяс Бораганский (1852, Бахчисарай – 1942, Уфа). В данном произведении поэт разделяет горечь и утрату своего учителя по случаю смерти сына Хибатуллы [Гафури 1903].

Тарикат *накшбандия* («суфийское братство») – один из суфийских орденов ислама – был основан Баха ад-Дином Накшбанди Бухари (1314–1389). Доктрина учения вполне укладывается в рамки правоверного ислама. Основное его положение заключалось в неуклонном следовании заветам Пророка и его сподвижников. Учение направлено, прежде всего, на практику, на применение постулатов ислама в жизни. Накшбанди Бухари в основу учения закладывает требование добровольной нищеты (*факр*). В отличие от других суфийских тарикатов, это учение позволяло жить не только на подаяния. Дозволенным пропитанием считалось то, что было заработано трудом собственных рук. Кроме того, осуждались фанатизм, жадность и лицемерие, которые были присущи некоторым представителям духовенства. От дервиша не требовалось полного ухода из общества. Накшбанди так формулировал свое требование: «Уединение в обществе, странствие на родине, внешне – с людьми, внутренне – с Богом». Последователями учения накшбандийа были многие известные ученые и поэты Средневековья, такие как Джамии (1414–1492), Алишер Навои (1441–1501) и др. Тарикат получил широкое распространение и в бассейне рек Урала и Волги, особенно среди башкир.

В мусульманской литературе тема вина – это своего рода отражение трансцендентальной мудрости, т. е. она связана с суфийской доктриной. Однако пристрастие к нему означает не употребление вина в прямом смысле этого слова, а мистическое опьянение от постижения высоких, духовных материй Всевышнего. Например, в вышеупомянутой элегии Мажита Гафури образ вина используется также на уровне символа. Молодой человек по имени Хибатулла ушел в мир иной, выпив «вино смерти»:

*Йәше ун дурт, эсеп мәүт шарабын
Был сәбәптән язам күңел харабын.
Тәбәррек рухы йәннәткә ашты,
Фәрештәләр, сәләм туп, ишек асты.*

В четырнадцать лет, выпив вино смерти,
По этому случаю пишу тоску души.
Благородная душа достигла рая,
Открыли двери ангелы, его приветствуя.
(подстр. пер. автора)

В центре произведения М. Гафури находятся проблемы утверждения мусульманских идеалов, духовного и нравственного воспитания. Эта цель подвигает автора к особой стилистике, для которой характерно внушение, назидание и наставление, побудительный пафос и повторяемость из текста в текст одних и тех же образов. Повторяемость тем, сюжетов, образов и поэтических тропов связана с традициями Корана и в дальнейшем – всей арабо-мусульманской литературы, для которых «повторы, ретардации, постепенное нагнетание интенсивности были чрезвычайно характерны» [Шидфар 1974: 59].

Как известно, для суфийских сочинений свойственно использование специальных композиционных приемов, функции которых заключаются в целенаправленном удержании внимания слушателя. Для этого чаще всего включают в ткань поэтического текста цитаты из Корана или хадисов в оригинале, т. е. на арабском языке.

Для произведения характерно то, что оно почти целиком состоит из наиболее употребительных религиозно-мусульманских, в основном, суфийского характера, терминов, символов и эпитетов: *менәүүер* ‘лучистый’, *мәғариф* ‘познавший истину’, *тауадиғлы* ‘подчинившийся Аллаху’, *котуб заты* ‘центральная фигура’, *садәф* ‘жемчуг’ и др. «Для церковно-книжной символики Аввакума существенно

то, что она почти целиком складывается из наиболее употребительных церковно-библейских фраз, т. е. групп слов, почти сросшихся, связанных тесно привычными нитями психической ассоциации по смежности. Этим определяется и характер соединенных в ней эмоций и представлений: заученные торжественно-книжные сочетания не расчлняются, а, как готовый ярлык, символизируют ряды сложных представлений. В силу этого церковно-архаичский слой стиля не детализирует воспроизводимых представлений, а лишь относит их к определенному типу, окутывая их нимбом возвышенных эмоций» – эти слова В. Виноградова относительно «Жития протопыпа Аввакума» [Виноградов 1980: 12] можно в полной мере отнести и к вышеназванному произведению.

Сильное влияние на М. Гафури оказали также произведения «*Субат ал-аджизин*» (1699–1700; «Твердость слабых») узбекского поэта Аллаяра (1616–1713) и «*Кыссасе-л анбия*» («Рассказы о пророках») Н. Рабгузи (конец XIII – начало XIV вв.). Например, в книге «*Замана шигырзары*» (1909; «Стихи современности») автор старается подчеркнуть, что ее основу составили творчески переработанные и использованные сюжетно-тематические и композиционные особенности произведений суфийских поэтов.

Как известно, начало XX в. – период формирования первых национальных поэм. Они основывались либо на фольклорном («*Инкилаб*» («Переворот»), «*Ен туйы*» («Бесовская свадьба») Б. Мирзанова (1892–1941), «*Бикле хазина*» («Скрытый клад») М. Гафури), либо на религиозном («*Фазазил*» («Газазил») Ш. Бабича, «*Әзам үд Иблис*» («Адам и Иблис»), «*Рисәләт*» («Послание») М. Гафури, «*Илсе*» («Посланник») Б. Мирзанова) материале. В произведении «*Корбан байрамы мәнәсәбәте илә*» («По случаю курбан-байрама») Ш. Бабич также умело использовал сюжетно-композиционную форму коранической легенды.

В поэме (автор определил ее жанр как *кисса*) «Адам и Иблис» М. Гафури в сюжетно-композиционном плане успешно использовал четыре коранические легенды: о сотворении мира; об Адаме, Хавве и истории их изгнания из рая; об Иблисе и его изгнании из рая в ад; о Кабиле и Хабиле. Анализ произведений показывает, что автор в некоторой степени был знаком с Библией и Евангелием, а также демонстрирует хорошее знание суфизма [Сибгаатов 2016: 60–67].

Основная проблема – противостояние двух противоположностей и вечный философский вопрос – должен ли был Иблис преклоняться перед Адамом? На этот счет в мусульманской теософии прослеживается две точки зрения. Если в ортодоксальном исламе Иблис символизирует зло и врага Аллаха, то в *тасаввуфе* (суфизме) он представлен как трагическая фигура, своего рода политическая жертва. Интересная трактовка его действий была предложена Абу-л Мугис ал-Халладжем (ок. 858–922). По его мнению, Иблис счел поклонение кому-либо, кроме Аллаха, нарушением истинного единобожия, тем самым он проявил верность Аллаху, но не выдержал испытания повиновением. Его мысль была еще более расширена крупнейшим философом-мистиком Ибн ‘Араби (1165–1240), который полагал, что в конце концов Иблис будет прощен Аллахом.

Мы не можем со всей достоверностью утверждать, что М. Гафури был знаком с трудами Абу-л Мугис ал-Халладжа, но, скорее всего, концепцию Ибн ‘Араби он знал. Поэтому в кыссе «Адам и Иблис» образ Иблиса выглядит не таким уж отрицательным:

«*Был эш мөзкул түгел*», – тип сәждәгә баш бөкмәне Иблис.
«*Әзәмдең асылы бик мәглүм, тейешһез ихтирам*», – тине.
«*Ни булһа ла уға сәждә кылыу минән харам*», – тине.

«Это дело не благоразумное», – сказал, не склоняя голову, Иблис.

«Нутро Адама и так ясно, недостоин он уважения», – сказал.

«Как бы ни было, преклонение перед ним – харам», – сказал.

(подстр. пер. автора)

Для выражения своих идей автор часто опирается на кораническую и послекораническую мифологию. Действия начинаются с «создания» Адама и завершаются периодом времени, относящемуся к современности автора. Если начальные периоды человечества были бескровными, то последующие этапы развития общества показывают, что человек уже сам становится похожим на Иблиса...

В начале XX в. в Урало-Поволжском регионе стали появляться произведения, по форме и содержанию схожие с жанром *сират ан-наби* (жизнеописание пророка). В эти годы башкирская литература пополнилась двумя произведениями – «*Мөхәммәд (ғәләйһи үә сәлләм)*» (1909; «Мухаммад (мир ему и благословение)») Р. Фахретдинова и «*Хәзрәт Рәсул (салаллаһу ғәләйһи үә сәлләм) үә дүрт халифә*» (1912; «Его сиятельство Расул (мир ему и благословение Аллаха) и четыре халифа») М. Гафури (см. подр. об этом [Сибгаатов 2015]).

М. Гафури в своем произведении исследует труд ибн Хишама, одновременно создает новое интересное явление в башкирской литературе: автор, с одной стороны, старается придерживаться канонов жанра, с другой – использовать его в качестве учебника в медресе, при этом второе, на наш взгляд, преобладает. Такое мнение подтверждают не только вопросы, приведенные под каждым подразделом, но и язык, и стиль произведения: М. Гафури старается изложить все простым, доступным языком и преподносит материал в форме рассказа, тогда как для произведений более раннего времени, например, трудов Ибн Хишама, ар-Рази и др., характерна форма изложения фактов.

В произведениях советского периода М. Гафури также не отходит от типологии и специфики традиций духовной литературы, но в идеологическом плане они часто несут другую окраску. Используя религиозно-коранические мотивы, автор не налагает на них положительную коннотацию, что было связано с адаптацией к новой политической обстановке. В стихотворении «*Күк йырлары*» (1927; «Небесные песни»), как и в поэме «Адам и Иблис», мы встречаем тех же двух героев – Адама и Иблиса, а также образ рабочего, т. е. это произведение является *назирой* (спором) с предыдущим его произведением («Адам и Иблис»).

Заключение

Таким образом, художественное наследие Мажита Гафури составляет золотой фонд не только башкирской, но и всей многонациональной российской литературы. В статье был представлен всесторонний анализ его произведений разных жанров и направлений, а также прослежено творческое развитие писателя, начиная с самого раннего периода и заканчивая его становлением как мастера художественного слова. На примере его творчества мы также видим влияние арабо-

мусульманской художественной традиции на культуру башкирского народа, которое сыграло заметную роль в становлении и развитии национального словесного искусства.

Литература

- Бартольд 1925 – *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Баку: Печатается на основании журнального постановления Историко-Этнографической Секции Общества Обследования и Изучения Азербайджана от 22-го ноября 1924 г. за № 17, 1925. – 150 с. {*V.V. Bartold.* The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. – Баку: Printed on the basis of the journal resolution of the Historical and Ethnographic Section of Investigation and Research Society of Azerbaijan, November 22, 1924, No. 17., 1925. – 150 p.}
- Виноградов 1980 – *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. {*V.V. Vinogradov.* On the tasks of stylistics. Observations on the style of the Life of the Archpriest Avvakum // Selected works. On the Language of Fiction. – Moscow: Nauka, 1980.}
- Гайсина 2008 – *Гайсина Г.Р.* Персидские заимствования в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2008. – 22 с. {*G.R. Gaisina.* Persian borrowings in the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 2008. – 22 p.}
- Карим 1980 – *Карим М.* Подлинно народный // Советская культура. – 1980. – 30 июня. {*M. Karim.* Truly popular // Soviet Culture. – 1980. – June 30th.}
- Сибгаатов 2015 – *Сибгаатов Ф.Ш.* Сират ан-наби как жанр религиозно-дидактического характера в башкирской литературе начала XX века // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 4 (70). – С. 55–59 {*F.Sh. Sibgatov.* *Sirat an-nabi* as a genre of religious and didactic character in Bashkir literature of the early 20th century // Issues of Oriental Studies. – 2015. – No. 4 (70). – PP. 55–59.}
- Сибгаатов 2016 – *Сибгаатов Ф.Ш.* Раннее творчество Мажита Гафури в контексте типологии башкирской духовной литературы // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 3 (73). – С. 51–55. {*F.Sh. Sibgatov.* Mazhit Gafuri's early works in the context of typology of Bashkir spiritual literature // Issues of Oriental Studies. – 2016. – No. 3 (73). – PP. 51–55.}
- Сибгаатов 2020 – *Сибгаатов Ф.Ш.* Мажит Гафури. Новый взгляд на творчество поэта. – Уфа: Китап, 2020. – 280 с. {*F.Sh. Sibgatov.* Mazhit Gafuri. A new look at the poet's work. – Ufa: Kitap, 2020. – 280 p.}
- Шидфар 1974 – *Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–X вв.). – М.: Наука, 1974. – 256 с. {*B.Ya. Shidfar.* The figurative system of Arabic classical literature (6th–10th centuries). – Moscow: Nauka, 1974. – 256 p.}
- Гафури 1903 – *Гафури М.* Менла һибатулла бине эш-шәйхе Зәйнулла ән-Нәкшбәнди хәзрәттәренән мәрсиәһе. – СПб.: Типография Бораганского, 1903. – 10 б. [*Гафури М.* Элегия по мулле Хибатулле бин шейх Зайнулле ан-Накшбанди. – СПб.: Типография Бораганского, 1903. – 10 с.] {*M. Gafuri.* Elegy on Mullah Hibatullah bin Sheikh Zainullah an-Naqshbandi. – St. Petersburg: Boragansky's printing house, 1903. – 10 p.}
- Гафури 1910 – *Гафури М.* Зәйәтүләк менән һыуһылыу: башкорт хикәйәһенән. – Уфа: Кәримов-Хөсәйенов нәшере, 1910. – 24 б. [*Гафури М.* Заятуляк и Хыуһылыу: из башкирского рассказа. – Уфа: Типография Каримова-Хусаинова, 1910. – 24 с.] {*M. Gafuri.* Zayatylyak and Khywkhlyu: from a Bashkir story. – Ufa: Karimov-Khusayinov printing house, 1910. – 24 p.}
- Islam 1967 – *Alexandre Bennigsen, Chantal Lemercier-Quelquejay.* Islam in the Soviet Union / Introduction by Geoffrey E. Wheeler. – New York and Washington: Frederick A. Praeger, 1967. – 272 p.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 93–104. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-93-104

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

ИЗ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА В ДАГЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВВ.)

Гарун-Рашид Абдул-Кадырович Гусейнов¹

¹ Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

доктор филологических наук, профессор

Scopus ID: 0000-0001-7472-291X

e-mail: garun48@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Гусейнов Г.-Р. А.-К., 2023

Памяти тюрколога-кумыковеда

Гасана Магомед-Расуловича Оразаева (1947–2023)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению ранее не изученной истории функционирования кумыкского языка и его общественных функций в Дагестане в XIX – первой трети XX вв. При этом в пределах региона имело место функционирование русского (со второй половины XIX в. и до 20-х гг. XX в.) языка в статусе государственного, а в советский период (20–30-е гг. XX в.) – русского и родных – собственно дагестанских и тюркских. Как следствие в 20–30-е гг. XX в. в регионе сложилась уникальная языковая ситуация, обусловленная особенностями функционирования и статуса русского, собственно дагестанских и тюркских языков народов Дагестана. Ее анализ в динамическом отношении с учетом аспектов функционирования русского, собственно дагестанских и тюркских языков народов в Дагестане составил основную цель данного исследования. Он производился на двух синхронных срезах: досоветская эпоха, когда государственным являлся русский язык, а тюркские языки функционировали как основное средство межэтнической коммуникации; раннесоветская эпоха (первой трети XX вв.), когда сложилась уникальная концепция триязычия, при которой наряду с обучением на родных языках, было произведено ранжирование языковых средств межэтнического общения. В пределах республики с этой целью использовался тюркский (кумыкский) язык, за ее пределами – русский. В дальнейшем, с принятием Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», кумыкский язык был исключен из числа обязательных для изучения в школах Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, государственный язык, кумыкский язык, русский язык, тюркские языки, дагестанские языки, статус, языковая ситуация, языки Дагестана.

Для цитирования: Гусейнов Г.-Р. А.-К. Из истории функционирования кумыкского языка в Дагестане (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40–41). С. 93–104. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-93-104.

On the history of functioning of the Kumyk language in Dagestan (second half of the 19th – first third of the 20th centuries)

*Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich Guseynov*¹

¹ Dagestan State University, Makhachkala, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor
Scopus ID: 0000-0001-7472-291X
e-mail: garun48@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Guseynov G.-R. A.-K., 2023

In memory of Turkologist, expert in Kumyk studies
Gasam Magomed-Rasulovich Orazhev (1947–2023)

Abstract: The article is devoted to the consideration of the previously unexplored history of the functioning of the Kumyk language and its social functions in Dagestan in the nineteenth and the first third of the twentieth centuries. The Russian language functioned within the region (from the second half of the 19th century until the 1920s) in the status of the state language, and in the Soviet period (20s–30s of the 20th century) – Russian, Dagestani, and Turkic languages. As a result, in the 20s–30s of the 20th century, a unique linguistic situation developed in the region, due to the peculiarities of the functioning and status of Russian, Dagestani, and the Turkic languages of the peoples of Dagestan. Its analysis in a dynamic way, taking into account aspects of the functioning of the Russian, Dagestani, and Turkic languages of the peoples in Dagestan, formed the main purpose of this study. It was produced in two synchronous sections – pre-Soviet era, when the state language was Russian, and the Turkic languages functioned as the main means of interethnic communication. In the early Soviet era – i.e., the first third of the twentieth century – a unique concept of trilingualism was developed, in which, along with teaching in native languages, linguistic means of interethnic communication were ranked. The Turkic (Kumyk) language was used within the republic for this purpose, and Russian was used outside its borders. Subsequently, with the adoption of the Resolution No. 324 of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b), dated March 13, 1938, "On compulsory study of the Russian language in schools of national republics and regions", the Kumyk language was excluded from the list of compulsory studies in schools in Dagestan.

Key words: Dagestan, state language, Kumyk language, Russian language, Turkic languages, Dagestani languages, status, linguistic situation, languages of Dagestan.

For citation: Guseynov G.-R. A.-K. From the history of the functioning of the Kumyk language in Dagestan (second half of the 19th – first third of the 20th centuries) // Russian Turkology. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. 93–104. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-93-104.

Введение

После вхождения Дагестана в состав Российской империи в 1813 г. и образования Дагестанской области в 1860 г. языковая ситуация продолжала оставаться сложной как в количественном, так и качественном отношениях. В ней, как и до сих пор, было представлено большое количество неродственных и типологически несходных между собой дагестанских языков и три тюркских: кумыкский,

азербайджанский, ногайский. Тюркские языки в этом регионе традиционно являлись основными средствами межэтнического общения. После присоединения Дагестана к Российской империи в области постепенно начал распространяться русский язык, однако его полноценное утверждение в официальной сфере произошло несколько позднее.

Результаты и обсуждение

1. Языковая ситуация в Дагестанской области во второй половине XIX в.: русский и тюркские языки как основные средства межэтнической коммуникации

Русские лингвисты и писатели, которые затрагивали тематику Северного Кавказа периода Кавказской войны, в частности, Л.Н. Толстой в повести Хаджи-Мурат [Толстой 1950: 644], отмечали роль кумыкского языка, именовавшегося в традиции того времени «татарским», в межэтнической коммуникации. Она была обусловлена многовековым традиционным использованием кумыкского (и старокумыкского) в качестве основного средства межъязыковой коммуникации на Северо-Восточном Кавказе.

Это был письменный язык, известный с давних пор под названием тюрки. С XVII–XVIII вв. большинство тюркских мусульманских народов использовали в качестве письменного литературного языка традицию, имевшую региональные разновидности и восходящую к средневековым тюркским литературным языкам. Тот традиционный язык, который функционировал на Кавказе, главным образом в Дагестане и Чечне, также использовался в качестве регионального письменного языка и известен в современной научной традиции как северокавказский тюрки [Наджип, Благова 1996: 126]. Он активно применялся не только тюркоязычными народами региона, прежде всего кумыками, но и носителями горских языков Северного Кавказа: андийцами, частично даргинцами, чеченцами, кабардинцами и ингушами [Оразаев 1989: 57].

Известны свидетельства употребления северокавказского тюрки на основе старокумыкского [Оразаев 2002: 77, 84–85], а также имеются сведения о грамотах второй половины XVI в. на Северо-Восточном Кавказе, хотя самые ранние образцы исследованной тюркоязычной деловой переписки Дагестана относятся к началу XVII в. [Оразаев 2002: 78]. Причем особенности народно-разговорного языка кумыков к рассматриваемому времени также были отражены в письменной регламентированной традиции [Оразаев 1989: 59].

Не случайно еще в 1829 г. данный язык под названием «татарского» начинает изучаться на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии, в Ставропольской городской гимназии, Ставропольской духовной семинарии, Ставропольском, Моздокском, Георгиевском и Кизлярском уездном училищах (в последнем с 1826 г.) [Алиев 1990].

Еще до этого, в 1807 г., известный немецкий востоковед Ю. Клапрот отметил в своем «Описании поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах» издание протестантскими миссионерами в колонии Каррас на горе Бештау (нынешний Пятигорск) шести христианских богослужебных книг. Они были переведены на

«татарский» (см. выше) язык с использованием арабского шрифта [Klaproth]. Примерно к этому же времени относится еще одна попытка нормализации языка, но на неарабской графической основе, а именно: перевод на немецкий язык в 1809 г. в г. Лейпциге Евангелия для западноевропейских миссионеров на Северном Кавказе [Алиев 1982].

В дальнейшем, в 1848 г., издается учебник «Татарская грамматика кавказского наречия» Тимофея Макарова, предназначенная для учебных заведений региона. Она стала первым систематическим изложением грамматического строя кумыкского языка на русском языке [Макаров 1848: V]. В ней, по мнению тюркологов, различались разговорный и письменный варианты кумыкского языка [Оразаев 1987: 49], в то время как грамматики наиболее крупных дагестанских языков П.К. Услара появились лишь во второй половине XIX в.

Это говорит о складывающейся уже в первой половине XIX в. традиции школьного преподавания кумыкского языка наряду с его нормализацией, присущей национальным литературным языкам [Левчаева 2018: 323]. Как следствие, и в дальнейшем из почти 300 печатных книг, изданных в Дагестане на основе арабской графики до революции 1917 г., на кумыкском языке оказалась половина, на аварском – 90, на даргинском и лакском – по 30 с лишним, на чеченском – около 20 [Абдулатипов 1995: 122].

В южном Дагестане, где в межэтническом общении использовался азербайджанский язык, поэтические сборники лезгинских поэтов издавались в конце XIX – начале XX вв. в г. Петербурге и г. Стамбуле на том же языке [Мазанав 1997: 88, 89, 91, 92]. Наряду с этим основоположник лезгинской письменной литературы Етим Эмин (1840–1880), первым начавший писать свои стихи на родном языке, использовал в своем творчестве и арабский язык [История народов 1988: 376].

2. Начало распространения русского языка в Дагестанской области

После окончательного вхождения Дагестана в состав России после Кавказской войны в регионе начинается распространение русского языка и его изучение в школах. Данный процесс разворачивается в связи с утверждением в 1864 г. «Положения о начальных народных училищах», когда обучение в российских школах стало осуществляться исключительно на русском языке [Большая сов. энци. 1974: 377].

Соответственно, в Дагестанской области, как и в других северокавказских регионах, наряду с уже имевшимися арабоязычными учебными заведениями открываются русские школы с обучением на русском языке. Процесс развивался настолько быстро, что уже в 1893 г. известный ученый того времени Л.Г. Лопатинский – инспектор народных училищ Кавказского учебного округа и исследователь языков народов Кавказа – писал: «как народ более культурный, кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседних горцев, для которых их язык, весьма близко стоящий к другим тюркским наречиям, служит языком международных сношений, хотя в последнее время русский язык начинает замещать его в этой роли, проникая все дальше в горные ущелья Кавказа» [Лопатинский 1893: 60].

Вместе с тем продолжалось распространение среди дагестанских горцев в устном общении тюркских (кумыкского и азербайджанского) языков, чему способствовало отходничество мужчин – лезгин, аварцев, даргинцев, работавших с осени до начала лета в кумыкских и азербайджанских селах и составлявших, по переписи 1897 г., 16,6% населения области. Таковых насчитывалось, по приблизительным подсчетам, от 1/4 до 1/3 мужской части соответствующих этносов. В свою очередь, азербайджанцы и кумыки составляли довольно ощутимую долю – 14,6% – населения Дагестанской области [Республика Дагестан 2001: 7, 34, 35, 44, 45]. Таким образом, представляется возможным полагать, что к концу XIX в. до трети населения области могло в той или иной мере владеть местными тюркскими языками.

Приняв же во внимание и названную выше востребованность кумыкского языка другими народами края, можно прийти к еще одному выводу о том, что двуязычие со вторым кумыкским или азербайджанским языком следует считать наиболее распространенным в Дагестане в рассматриваемую эпоху. Тем более, что образование Дагестанской области и возникновение городов и слободок в равнинной части Дагестана, где значительную часть населения составляли кумыки, также способствовали распространению кумыкского языка. Следует полагать, что количество нерусского населения, использовавшего кумыкский язык как средство межэтнического общения, заметно увеличилось в связи с вышеуказанными факторами.

Но, с другой стороны, в конце того же XIX в., по «Сведениям об учебных заведениях в Дагестанской области за 1892 и 1894 гг.», светских (русскоязычных) учебных заведений в Дагестане было очень мало [Рагимова, Муртузалиев 2003: 87], и даже в 1914 г. их насчитывалось всего 93 с 7092 учащимися [История народов 1988: 511]. Соответственно, уровень и качество знания русского языка в области были чрезвычайно низкими.

Так, по данным переписи 1897 г., грамотность населения области составила 9,2%, но на русском языке – лишь 2,3% (т. е. порядка 13 тыс. человек). Что касается 12,5 тыс. грамотных в городах, то значительную их часть, надо полагать, составляли носители русского и украинского языков. Однако в сельской местности, где практически отсутствовало русское население, грамотных насчитывалось только 5725 человек (или ок. 1% населения области), что, вероятно, соответствовало реальному уровню владения русской грамотой. Остальное же грамотное население области владело грамотой преимущественно на арабском языке [Мирзабеков 1998: 42, 43, 45].

Важным моментом в плане распространения русского языка стало появление в тюркоязычных регионах Дагестана т. н. новометодных (*укул-и джадид*) школ, которые открываются в первом десятилетии XX в. в Темир-Хан-Шурином округе, где было по преимуществу кумыкскоязычное население, а также в кумыкском с. Аксай Хасав-Юртовского округа, городах Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура, лезгинском с. Ахты Самурского округа и азербайджанском Дербенте. В них, наряду с арабским, преподавались русский и родные тюркские языки. Но к 1915 г. изучение родного (кумыкского) языка ограничивалось лишь Темир-Хан-Шурином округом и с. Аксай Хасав-Юртовского округа [см.: Алиев 2014: 150; Алиева 2003: 18; Мирзабеков 1998: 40, 42].

В дальнейшем, в первые годы советской власти в Дагестане, продолжится традиция использования этого языка в системе школьного педагогического образования (см. в последующем изложении). А до этого, в ноябре 1917 г., впервые – и высшего образования, когда в центре области г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) открывается первый Педагогический институт («Дар-аль-муаллимин») с тюркскими языками преподавания [Алиев 2014: 155].

Примерно тогда же кумыкский язык, в отличие от османского (турецкого) языка, которому отдали предпочтение азербайджанские джадиды [Красовицкая 2023: 69], получил статус «языка межнационального объединения, контакта» на прошедших в 1918 г. национальных съездах народов Северного Кавказа [İslâm Ansiklopedisi 1925: 67] в период существования Северокавказской Демократической Республики с мая 1917 г. по март 1920 г. [Алиев 2014: 148; Горская республика].

В дальнейшем, 13 ноября 1920 г., Кумыкский (Хасавюртовский) округ, населенный в основном кумыками, ногайцами и чеченцами-аккинцами, был включен в состав Дагестанской области, а в 1921 г. был подписан акт о вхождении Дагестанской ССР в РСФСР на правах автономной республики – ДАССР (председатель правительства – Джелал-Эд-Дин Коркмасов) [Алиев 2014: 132, 154, 155–157]. Тогда же, в 1921 г., вышел первый номер кумыкской газеты «Ёлдаш», которая первоначально распространялась также среди балкарцев, карачаевцев, ряда горских народов Дагестана [Алиев 2014: 158]. В дальнейшем, в 1922 г., в состав ДАССР включается Ачикулакский район, населенный ногайцами, и в 1923 г. – западная часть Кизлярского округа, в которой проживали караногайцы.

3. Языковая ситуация и политика в 20–30-е гг. XX в.

В результате обсуждения вопроса «О языке и алфавите» решением Дагобкома ВКП(б) от 29 июня 1923 г. было принято решение объявить государственным в Дагестане тюркский язык. Оно мотивировалось тем, что «тюрко-кумыкский язык является единственным языком общения народов коренного Дагестана, большая часть населения которого говорила на нем и понимала данный язык, а также блестящими результатами, которые дал опыт его преподавания в школах Нагорного Дагестана». Ввиду превосходства латинского шрифта над арабским было признано «целесообразным введение его в школах и популяризацию среди населения». Родные языки рассматривались как языки широких трудящихся масс, необходимые при строительстве социализма, тюркский язык – как язык межплеменных отношений в республике, русский – «как язык связи трудящихся масс ДАССР с трудящимися и рабочими других союзных республик СССР» [Вести 2000: 27].

В дальнейшем, в 1921–1925 гг., был осуществлен переход нерусских народов страны на новый латинский алфавит [Дешериев 1957: 19]. В 1926 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) [Латинизация в СССР 2023], главой которого становится Джелал-Эд-Дин Коркмасов, и к началу 30-х гг. грамотность населения, использовавшего этот алфавит, выросла с 2–3% до 70% [Коркмасов 2023]. В Дагестане переход на новый латинский алфавит был завершен в 1928 г. [Мирзабеков 1998: 128].

В 1927 г. республику посетила специальная комиссия Наркомпроса РСФСР, которая практически поддержала решение Дагобкома ВКП(б) от 29 июня 1923 г., и пришла к выводу, что «языковое положение в ДССР рисуется как чрезвычайно сложная проблема, требующая для своего разрешения большого напряжения всех сил страны». Она отметила: 1) «арабский язык, несмотря на многолетнее господство, массовым языком не стал» и «арабский алфавит по своему строению не соответствует дагестанским языкам»; 2) «русский царизм выдвинул против арабского языка русский язык», который «сделавшись межплеменным языком, должен был стать одной из основных опор власти царизма»; 3) «еще до русского завоевания <...> тюркские наречия плоскости постепенно становятся посредниками в общении <...> горцев с плоскоостью <...> , а с ним росла роль тюркских наречий как межплеменных языков». Была принята во внимание и сложившаяся языковая ситуация – «в городах на русском языке говорит 55% населения, тюркских – 23%, дагестанских – 22%, в сельской местности на юге большинство лезгинских сельсоветов работает на тюркском (азербайджанском) языке, на западе большинство андийских сельсоветов – на аварском, северо-западе – кумыкском». Как следствие, «и в городе и на селе <...> языковое положение должно быть охарактеризовано как неустойчивое с выявляющимся ростом значения русского и тюркского языков по отношению к родному». Поэтому «все три языка <...> являются необходимыми, полезными и неизбежными <...> Ни противопоставлять один язык другому, ни давать одному языку преимущество мы не можем <...> Колоссальные завоевания, которые сделал новый латинский алфавит среди народов, имевших письменность на арабской основе, его полное соответствие фонетике наших языков, легкость и быстрота его изучения, дают нам все основания остановиться на нем и признать его нашим новым алфавитом». Предусматривалось, что «окружные органы и организации ведут свои сношения с селениями и делопроизводство на родных языках. Сношения окружных организаций и органов с центральными и их делопроизводство в этой части пока остается на русском языке».

Русский язык остается языком связи с федеративными и союзными органами и учреждениями и всеми братскими народами. Во всех школах 1-й ступени Наркомпроса на протяжении всего курса обучения языком преподавания, как правило, должен быть родной язык. Тюркский язык вводится со второго полугодия первого года обучения (лексически) и русский с третьего года обучения как обязательные предметы оба. Повышенное образование (школы 2-й ступени и тех. школы и курсы и подобные) ведется или на русском, или на тюркском языках соответственно потребностям населения данного района или округа по постановлению Наркомпроса. <...> Если учебное заведение работает на тюркском языке, то русский язык с языковыми дисциплинами вводится как обязательный предмет, и наоборот» [Материалы 1927: 4–6, 10, 11, 13, 15, 16, 18].

Тем самым в республике оформилась концепция трехязычия, при которой наряду с обучением на родных языках, было произведено ранжирование языковых средств межэтнического общения. В пределах республики с этой целью использовался тюркский язык, за ее пределами – русский. Подобный подход был, в принципе, оправдан также и тем, что в Дагестане еще в 20–30-х гг. прошлого века «выпускники школ не имели не только удовлетворительной общеобразова-

тельной подготовки, но и не обладали элементарными знаниями по русскому языку» [Лысенко, Дибирова 2007: 89]. Тем более, что, по материалам переписи 1926 г., доля лиц, считающих родным русский язык, среди представителей нерусского населения достигала лишь 0,43%: у горожан – ок. 4%, а в сельской местности – лишь 0,14% [Ибрагимов 1976: 114–115].

В дальнейшем, по данным справочника «Районированный Дагестан» [1930: 13, 14, 36], в пределах ДАССР кумыкская письменность была распространена (следует полагать, уже на латинской графической основе) у чеченцев, ногайцев и туркмен за неимением у них своей письменности, а также в 9 сельсоветах (ногайского) Ачикулакского района и в одном сельсовете Кизлярского района пользовались в делопроизводстве кумыкской письменностью.

Результаты работы специальной комиссии Наркомпроса РСФСР, посетившей республику, были положены в основу «Материалов к докладу т. Коркмасова, принятых бюро Дагестанского Комитета ВКП(б) от 19 июня 1927 г.», а затем и Постановления V сессии Дагестанского ЦИК 1930 г., председателем которого был Дж.А. Коркмасов (1877–1937). В его постановлении, наряду с прочим, говорилось о необходимости «взять решительную установку на создание и перевод школ и курсов повышенного типа на родные языки», а также о том, что «до советизации <...> при господстве ислама [языковой] вопрос был разрешен в пользу арабского языка. При царизме был взят решительный курс на русский язык, а родные языки были в полном загоне. Так как развитие местных языков коренным образом противоречило интересам русского самодержавия, стремившегося к скорейшей русификации мелких народностей, то школа была построена исключительно на русском языке» [Десять лет 1931: 141, 142].

Придание тюркскому языку статуса одного из государственных в Дагестане отвечало, в принципе, языковой ситуации, сложившейся в республике. Так, по данным переписи 1926 г., местный тюркский (кумыкско-азербайджанско-ногайский) компонент составлял в ней 17,3% по сравнению с 14,6% по переписи 1896 г. и 12% русского населения ДАССР, ок. 40% которого проживало в городах, остальное было представлено в сельской местности [Республика Дагестан 2001: 79–80, 82–84], по преимуществу в северной части ДАССР, где проживали носители кумыкского и ногайского языков.

В отношении как самой реформы, так и лингвистической основы тюркского языка, который должен был использоваться в ДАССР в качестве одного из государственных, возникла дискуссия. Ее содержание получило сравнительно полное отражение в номере первом (за 1934 г.) журнала «Северный Кавказ» [Şimali Kafkasya], издававшемся в 1934–1939 гг. в г. Варшаве Народной партией горцев Северного Кавказа [Адамчевский 2020: 284–285].

Другого аспекта дискуссии касается письменный ответ редактора кумыкской газеты «Ёлдаш» Магарама Карагишиева на статью Х. Сулейманова «Борьба за язык», опубликованную в газете «Красный Дагестан» и посвященную невозможности принятия в Дагестане какого-либо государственного языка кроме русского. М. Карагишиев полагал, что «национальная автономия в Дагестане является одной из главных причин авторитетности советской власти, национальная автономия без национального гос. языка является голой фразой». Он выступал против признания государственным языком абстрактного тюркского языка, отстаивая

необходимость закрепления этого статуса за кумыкским, но не азербайджанским языком [см. ЦГА РД. Р.37 Оп. 21. Д.170. Л.38].

Известны и другие, принадлежащие деятелям культуры из числа горцев Дагестана свидетельства о том, насколько, действительно, широко было распространено в этот период знание кумыкского языка среди их народов [Оразаев 2012: 118–119]. И в дальнейшем, еще в 30-е гг. прошлого века, артисты аварского и даргинского национальных театров «хорошо знали кумыкский язык, но все-таки акцентировка давала себя чувствовать» [Сегеди 1934: 19]. В начале тех же годов труппу Кумыкского театра, находившегося в г. Буйнакске, «составляли 8 кумыков, 4 аварца, 2 лакца, 1 балкарец, 1 крымка [крымская татарка], 1 гречанка, 1 даргинец, 1 казанский татарин и 1 армянка» [Магомедханов 2006: 102].

Заключение

В дальнейшем, в конце 30-х гг., было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [Постановление 1938], обусловленное сокращением общественных функций русского языка в национальных районах СССР, и кумыкский язык был исключен из числа обязательных для изучения в школах Дагестана.

Оно действовало до 1990 г., когда был принят закон СССР «О языках народов СССР», согласно которому русский язык признавался на территории СССР официальным языком СССР и использовался как средство межнационального общения. Вместе с тем не допускалось «ущемление права граждан СССР использовать в различных сферах государственной и общественной жизни свой родной язык и другие языки народов СССР» [см. Правовое положение].

Литература

- Абдулатипов 1995 – *Абдулатипов А.-К.Ю.* История кумыкской литературы (до 1917 года). – Махачкала, 1995. – Ч. 1. – 211 с. {*A.-K.Yu. Abdulatipov. History of Kumyk literature (before 1917).* – Makhachkala, 1995. – Part 1. – 211 p.}
- Адамчевский 2020 – *Адамчевский П.* Работа в Польше в межвоенный период над созданием государственного языка для Северного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2020. – С. 280–290. {*P. Adamczewski. Work in Poland during the interwar period on the creation of a state language for the North Caucasus // History, Archeology and Ethnography of the Caucasus.* – Makhachkala: DSC RAS, 2020. – PP. 280–290.}
- Алиев 1982 – *Алиев К.* Интересная находка в Ставрополе // Дагестанская правда. – 8 августа 1982 г. {*K. Aliev. An interesting finding in Stavropol // Dagestanskaya Pravda.* – August 8, 1982.}
- Алиев 1990 – *Алиев К.С.* Из истории кумыкского языка // Ленин ёлу. – 10.03.1990. – (на кумыкском языке). {*K.S. Aliev. From the history of the Kumyk language // Lenin jyolu.* – 10.03.1990.} (in Kumyk.)
- Алиев 2014 – *Алиев К.С.* Кумыки с древнейших времен до наших дней: хронограф. – Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2014. – 200 с. {*K.S. Aliev. Kumyks from ancient times to the present day: a chronograph.* – Makhachkala: “Dagestan” publishing house, 2014. – 200 p.}
- Алиева 2003 – *Алиева А.С.* Реформистские тенденции в системе конфессионального образования в дореволюционном Дагестане // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. – Махачкала, 2003. – Вып. 1. – С. 40–48. {*A.S. Alieva. Reformist tendencies in the system of religious education in pre-revolutionary Dagestan // Caucasus. Balkans. Western Asia.* – Makhachkala, 2003. – Issue 1. – PP. 40–48.}

- Большая сов. энци. 1974 – Большая Советская Энциклопедия. – 3 изд. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – Т. 17. {The Great Soviet Encyclopedia. – 3rd edition. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1974. – Vol. 17.}
- Вести 2000 – Протокол совещания, созванного Дагестанским обкомом ВКП(б) по вопросу о языке и алфавите // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2000. – № 1. – С. 27–29. {Protocol of the meeting convened by the Dagestan regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the issue of language and alphabet // News of the Kumyk Scientific and Cultural Society. – Makhachkala, 2000. – No. 1. – PP. 27–29.}
- Горская республика –
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горская_республика#Территория_и_административное_деление (дата обращения: 01.12.2023) {URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mountainous_Republic_of_the_Northern_Caucasus (access date: 01.12.2023).}
- Гусейнов 2010 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала: Алеф, 2010. – 214 с. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* The history of ancient and medieval relationships between the languages of the North-Eastern Caucasus and Dagestan and the Russian language. – Makhachkala: Aleph, 2010. – 214 p.}
- Десять лет 1931 – Десять лет социалистического строительства Дагестанской АССР. – Махачкала, 1931. – 159 с. {Ten years of socialist construction of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic. – Makhachkala, 1931. – 159 p.}
- Дешериев 1957 – *Дешериев Ю.Д.* Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 18–30. {*Yu.D. Desheriev.* Development of the newly written languages of the peoples of the USSR in the Soviet era // Issues of Linguistics. – 1957. – No. 5. – PP. 18–30.}
- Ибрагимов 1976 – *Ибрагимов М.-Р.А.* Динамика численности народов Дагестана (по материалам переписей 1926, 1959 и 1970 гг.) // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. Сборник научных трудов. – М.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1976. – С. 110–116. {*M.-R.A. Ibragimov.* Dynamics of the population of the peoples of Dagestan (based on data of the censuses of 1926, 1959 and 1970) // Some Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of the World. A collection of scientific proceedings. – Moscow: Institute of Ethnography named after N.N. Miklouho-Maclay, 1976. – PP. 110–116.}
- История народов 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с. {History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917). – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p.}
- Коркмасов 2023 – Коркмасов, Джелал-эд-дин Асельдерович. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коркмасов,_Джелал-эд-Дин_Асельдерович (дата обращения: 13.10.2023). {*Celaleddin Aselder Oğlu Qorqmazlı.* – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коркмасов,_Джелал-эд-Дин_Асельдерович (access date: 13.10.2023).}
- Красовицкая 2023 – *Красовицкая Т.Ю.* Советская культурная политика на Кавказе в колониальном дискурсе евразийцев: 1920–1930-е гг. // Материалы X Международного форума кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв». – Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2023. – С. 64–71. {*T.Yu. Krasovitskaya.* Soviet cultural policy in the Caucasus in the colonial discourse of the Eurasians: 1920–1930s // Materials of the 10th International Forum of Caucasian Studies “Peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries”. – Rostov-on-Don: Publishing house of the SSC RAS (The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences), 2023. – PP. 64–71.}
- Латинизация в СССР 2023 – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Латинизация_в_СССР (дата обращения: 01.12.2023). {URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Latinisation_in_the_Soviet_Union (access date: 01.12.2023).}
- Левчаева 2018 – *Левчаева Н.В.* Литературный язык как основа культуры речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2 (80). – Ч. 2. – С. 322–326. {*N.V. Levchaeva.* Literary language as the basis of speech culture // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. – Tambov: Gramota, 2018. – No. 2 (80). – Part 2. – PP. 322–326.}
- Лопатинский 1893 – *Лопатинский Л.Г.* Кое-что о кумыках и об их языке // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. – Вып. 17. – С. 57–62. {*L.G. Lopatin-*

- sky*. Something about the Kumyks and their language // Collection of materials about the areas and tribes of the Caucasus. – Tiflis, 1893. – Issue 17. – PP. 57–62.}
- Лысенко, Дибирова 2007 – *Лысенко Ю.М., Дибирова Н.Х.* К истории становления русского языка как средства межнационального общения в Дагестане (20–30-е годы XX в.) // Русский язык в истории и культуре Дагестана. – Махачкала, 2007. – С. 86–92. {*Yu.M. Lysenko, N.Kh. Dibirova*. On the history of the formation of the Russian language as a means of interethnic communication in Dagestan (20s–30s of the twentieth century) // Russian language in the history and culture of Dagestan. – Makhachkala, 2007. – PP. 86–92.}
- Магомедханов 2006 – *Магомедханов М.М.* Этноязыковые процессы в Центральном, Приморском и Северном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2006. – № 2. – С. 101–108. {*M.M. Magomedkhanov*. Ethnolinguistic processes in Central, Seaside and Northern Dagestan // Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. – 2006. – No. 2. – PP. 101–108.}
- Мазанаев 1997 – *Мазанаев Ш.А.* Двужычное художественное творчество в системе национальных литератур. – Махачкала: Юпитер, 1997. – 263 с. {*Sh.A. Mazanaev*. Bilingual artistic creativity in the system of national literatures. – Makhachkala: Yupiter, 1997. – 263 p.}
- Макаров 1848 – *Макаров Тимофей.* Татарская грамматика Кавказского наречия. – Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Кавк., 1848. – VII, [5], 144 с. {*Timofey Makarov*. The grammar of the Caucasian dialect of Tatar. – Tiflis: Typography of the Office of the Governor of the Caucasus, 1848. – VII, [5], 144 p.}
- Материалы 1927 – Материалы к докладу т. Коркмасова, принятые бюро Дагестанского Комитета ВКП(б) от 31 августа по вопросу о языке и алфавите: с приложением проекта резолюции бюро ДК ВКП(б) от 19 июня 1927 г. – Махачкала, 1927. – 19 с. {Materials for the report of Comrade Korkmasov, adopted by the Bureau of the Dagestan Committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) on August, 31 on the issue of language and alphabet: with the attachment of a draft resolution of the Bureau of the Palace of Culture of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) from June 19, 1927. – Makhachkala, 1927. – 19 p.}
- Мирзабеков 1998 – *Мирзабеков М.Я.* Культура дагестанского села: XX век: история, проблемы. – Махачкала, 1998. – 305 с. {*M.Ya. Mirzabekov*. Culture of a Dagestanian village: the 20th century: history, problems. – Makhachkala, 1998. – 305 p.}
- Наджип, Благова 1996 – *Наджип Э.Н., Благова Г.Ф.* «Тюрки язык» // Языки мира: Тюркские языки. – М., 1996. – 543 с. {*E.N. Nadjip, G.F. Blagova*. “Turki Language” // Languages of the World: Turkic Languages. – Moscow, 1996. – 543 p.}
- Оразаев 1987 – *Оразаев Г.М.-Р.* «Северокавказский тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI–XIX вв. // Советская тюркология. – 1987. – Вып. 3. – С. 47–52. {*G.M.-R. Orazaev*. “North Caucasian Turki” in the system of Turkic regional written languages of the 16th–19th centuries // Soviet Turkology. – 1987. – Issue 3. – PP. 47–52.}
- Оразаев 1989 – *Оразаев Г.М.-Р.* «Дербенд-наме» – замечательный памятник кумыкской литературы // Адабият Дагестан. – 1989. – № 3. – С. 51–60. {*G.M.-R. Orazaev*. “Derbend-nameh” – a wonderful monument of Kumyk literature // Adabiyat Dagestan. – 1989. – No. 3. – PP. 51–60.}
- Оразаев 2002 – *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в.: (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). – Махачкала, 2002. – 482 с. {*G.M.-R. Orazaev*. Monuments of Turkic business correspondence in Dagestan of the 18th century: (an effort of historical and philological research of the documents from the “Kizlyar Commandant” Fund). – Makhachkala, 2002. – 482 p.}
- Оразаев 2012 – Кумыкский энциклопедический словарь. – Издание 2-е, дополненное. – Махачкала: Дельта-пресс, 2012. – Дибиров Магомед-Кадидибиргаджиевич. – С. 118–119. {Kumyk encyclopedic dictionary. – 2nd edition, expanded. – Makhachkala: Delta Press, 2012. – Dibirov Magomed-Kadi Dibirgadzhiyevich – PP. 118–119.}
- Постановление 1938 – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». – URL: <https://docs.history.russia.org/ru/nodes/123876-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-ob-obyazatelnom-izuchenii-russkogo-yazyka-v-shkolah-natsionalnyh-respublik-i-oblastey-13-marta-1938-g> (дата обращения: 29.11.2023). {Resolution No. 324 of the Council of People’s Commissars of the USSR and

- the Central Committee of the CPSU(b) dated March 13, 1938 “On the compulsory study of the Russian language in schools of national republics and regions”. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123876-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-ob-obyazatelnom-izuchenii-russkogo-yazyka-v-shkolah-natsionalnyh-respublik-i-oblastey-13-marta-1938-g> (access date: 29.11.2023).}
- Правовое положение – Правовое положение русского языка в советский период. – URL: <http://zakoniporjadok.my1.ru/publ/4-1-0-11125> (дата обращения: 29.11.2023). {Legal status of the Russian language in the Soviet period. – URL: <http://zakoniporjadok.my1.ru/publ/4-1-0-11125> (access date: 29.11.2023).}
- Рагимова, Муртузалиев 2003 – *Рагимова П.Ф., Муртузалиев С.И.* Проблема периодизации системы образования в Дагестане // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. – Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2003. – Вып. 1. – С. 85–89. {*P.F. Ragimova, S.I. Murtuzaliev.* The problem of periodization of the education system in Dagestan // Caucasus. Balkans. Western Asia. – Makhachkala: “New Day” publishing house, 2003. – Issue 1. – PP. 85–89.}
- Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление ДАССР по новому районированию 1929 г.). – Махачкала, 1930. – 114 с. {Zoned Dagestan (administrative and economic division of the DASSR according to the new zoning of 1929). – Makhachkala, 1930. – 114 p.}
- Республика Дагестан 2001 – Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (Статистический справочник). – Махачкала: Издательство «Юпитер», 2001. – 192 с. {Republic of Dagestan: administrative structure, population, territory (a statistical reference book). – Makhachkala: “Yupiter” Publishing House, 2001. – 192 p.}
- Сегеди 1934 – *Сегеди А.* Дагестанский государственный национальный кумыкский театр. – Махачкала, 1934 / Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. – Ф. 2. – Оп.1. – Д. 120. {*A. Segedi.* Dagestan State National Kumyk Theatre. – Makhachkala, 1934 / Manuscript collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. – Found 2. – List 1. – Act 120.}
- Толстой 1950 – *Толстой Л.* Полное собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1950. – Т. 35. – С. 644. {*Leo Tolstoy.* Complete works. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1950. – Vol. 35. – P. 644.}
- Тюрки – Тюрки. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюрки> (дата обращения: 15.10.2023). {Türki. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Turkic_peoples (access date: 15.10.2023).}
- ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан. {Central State Archive of the Republic of Dagestan.}
- İslâm Ansiklopedisi – İslâm Ansiklopedisi. – İstanbul, 1925. – Cilt 4. {The Encyclopedia of Islam. – İstanbul, 1925. – Vol. 4.} (In Turkish.)
- Klaproth – *Klaproth, Julius von.* Travels in the Caucasus and Georgia performed in the years 1807 and 1808, by command of the Russian Government by Julius von Klaproth. – URL: http://apsnyteka.org/file/Klaprot_Opisanie_poezdok_po_Kavkazu_i_Gruzii.pdf (access date: 15.10.2023).
- Şimali Kafkasya – Şimali Kafkasya / Северный Кавказ (North Caucasus) Journal. – URL: <https://abkhazworld.com/aw/publications/e-library/1997-simali-kafkasya-north-caucasus-journal> (access date: 15.10.2023).

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 3–4 (40–41), pp. 105–113. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-105-113

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ ПРАКЫПЧАКСКОЙ ФОНЕТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАМЕТОК ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА ПРОФ. К.М. МУСАЕВА)

*Роза Абдумановна Тадинова*¹

¹ Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор
E-mail: tadinova@inbox.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Тадинова Р.А., 2023

Аннотация: В статье представлен анализ неопубликованных заметок профессора К. Мусаева, сохранившихся в его научном архиве и посвященных пракыпчакской фонетической системе. Известно, что по некоторым вопросам реконструкции пракыпчакских и в целом пратюркских фонетической, морфологической и синтаксической систем ученый имел собственную точку зрения, которая часто шла вразрез с общепринятыми взглядами. В данной статье рассматриваются некоторые его спорные воззрения относительно системы вокализма и консонантизма древнекыпчакского языка.

В архиве ученого сохранились записи, касающиеся всей структуры пракыпчакского языка, анализ которых не только демонстрирует точку зрения ученого на некоторые вопросы становления и развития и кыпчакских языков, и тюркских языков в целом, но и может послужить источником дальнейших новых интересных исследований.

Ключевые слова: пракыпчакский язык, пракыпчакская фонетика, тюркские языки, система вокализма древнекыпчакского языка, система консонантизма древнекыпчакского языка.

Для цитирования: Тадинова Р.А. Интерпретация некоторых явлений пракыпчакской фонетики (на материале заметок из научного архива проф. К.М. Мусаева) // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40–41). С. 105–113. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-105-113.

Interpretation of some Pre-Kypchak phonetics phenomena (based on the scientific notes of professor K.M. Musaev)

*Roza Abdumanapovna Tadinova*¹

¹ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

Dr. Habil. in Philology, Professor
E-mail: tadinova@inbox.ru

© IL RAS, 2023
© Tadinova R.A., 2023

Abstract: The article presents an analysis of unpublished notes of Professor K. Musaev dedicated to the Pre-Kypchak phonemic system. It is known that the scientist had his own point of view regarding some issues of the reconstruction of the Pre-Kypchak and the Proto-Turkic phonetic, morphological and syntactic systems, which was often contrary to accepted views. This article examines some of his controversial views regarding the system of vocalism and consonantism of the ancient Kypchak language.

The scientist's archive contains records concerning the entire structure of the Pre-Kypchak language, the analysis of which not only demonstrates the scientist's point of view on some issues of the formation and development of both the Kipchak languages and Turkic languages in general, but can also serve as a source of further new interesting research.

Key words: Pre-Kypchak/Kipchak language, Pre-Kypchak/Kipchak phonetics, Turkic languages, vowel system of the ancient Kipchak/Kipchak language, consonant system of the ancient Kypchak/Kipchak language.

For citation: *Tadinova R.A.* Interpretation of some pre-Kypchak phonetics phenomena (based on the scientific notes of Professor K.M. Musaev) // *Russian Turkology*. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. 105–113. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-105-113.

Введение

Исследование языков кыпчакской группы стало одним из главных направлений научной деятельности проф. К. Мусаева. Как представитель и носитель одного из языков данной группы, а также владевший еще несколькими тюркскими языками, он хотел в своих трудах осветить все периоды и языковые уровни становления и развития кыпчакских языков. Много из задуманного было реализовано им в коллективных монографиях¹, в многочисленных статьях и авторских монографиях. В последние десять лет он упорно работал над созданием серии монографических трудов, посвященных реконструкции языковой структуры одной из ветвей тюркских языков после распада пратюркского языка-основы – пракыпчакского языка, начиная с фонетической системы, заканчивая синтаксисом. Так, в 2010 г. в свет вышла монография «Морфология пракыпчакского языка» и в 2017 г. – монография «Кыпчакские языки». На сегодняшний день остались научные записи ученого², касающиеся всей структуры пракыпчакского языка, анализ которых, как нам представляется, во-первых, покажет иную, чем общепринято сейчас, точку зрения на некоторые вопросы становления и развития как кыпчакских, так и в целом тюркских языков, а во-вторых, может дать толчок новым интересным исследованиям.

¹ СИГТЯ 2001 – Разделы: Небесные тела и небесная сфера; Отношения по родству и свойству; Социальные отношения; Война. Оружие; СИГТЯ 2002 – Раздел: Кыпчакская группа (Введение, Консонантизм, Гармония звуков, Морфология); СИГТЯ 2006 – Разделы: Представления о небе и небесных явлениях; Климат; Материальный быт; Одежда; Война. Оружие; Социальная организация; Родство и свойство.

² В статье цитаты из записей К.М. Мусаева приводятся в кавычках.

В данной статье хотелось бы остановиться на интерпретации К. Мусаевым некоторых явлений пракрыпчакской фонетики, которая не всегда совпадает с общепринятыми взглядами тюркологов. Отметим, что отдельные исследования по древнекыпчакской языковой системе ученый успел опубликовать в своей последней монографии «Кыпчакские языки» [Мусаев 2017].

Результаты и обсуждение

1. Общая характеристика пратюркского языка

К.М. Мусаев считал, что «тот язык, который принято считать древнейшим “тюркским” языком, по своему фонетическому, морфологическому, синтаксическому и лексико-семантическому строю представляет собой древнекыпчакский язык. Другие группы языков: огузская, карлукская, хакасо-тувинская и особо стоящий отдельно от всех других кыпчакских и вообще тюркских языков чувашский язык отражают их позднее развитие на базе (субстрате) древнекыпчакского языка». Ученый считал, что подобная гипотеза дает основание переименовать «пратюркский» язык в «пракыпчакский» язык, поскольку эти языки идентичны.

«Отнесение языка древних тюркских памятников к огузским языкам – традиционно распространенное явление, возникшее в начале становления тюркологии как науки – со времен первых тюркологов, рассматривавших отношение языка памятников к современному турецкому языку, наиболее известному на Западе тюркскому языку. Также распространено было мнение о том, что все известные родственные тюркские языки – диалекты или говоры турецкого языка. Им еще не были доступны материалы других тюркских языков, особенно – кыпчакских. Это и определило возникновение и укрепление определенной точки зрения на тюркские языки, продолжающейся донине. Такая точка зрения не закреплена достаточными лингвистическими аргументами и, как правило, больше носит декларативный характер. Если первые тюркологи исследовали бы язык древнетюркских памятников, сравнивая их отношение к другим группам тюркских языков, особенно – к кыпчакским языкам, явно сложилось бы иное мнение». То есть причиной зарождения такого мнения был человеческий фактор. В подтверждение своей гипотезы К. Мусаев приводит один интересный факт: «В текстах древних тюркских рунических памятников упоминаются герои, ходившие войной против племен огузов, карлуков, табгачей, но в них нет упоминания о походах против кыпчаков. Это свидетельствует о том, что действующие лица памятников были представителями кыпчакских племен и говорили на древнекыпчакском языке» [Мусаев 2017: 24].

Такая гипотеза имеет свою логику, если учесть национальный менталитет, национальную черту характера тюркских народов – больше говорить о победах, достижениях, чем о поражениях, больше восхвалять своих героев. Добавим также, что для верификации той или иной гипотезы в качестве доказательной базы целесообразно использовать не только лингвистические данные, но и данные археологии и этнографии.

2. Система вокализма

Относительно системы вокализма древнекыпчакского языка К. Мусаев утверждал, что «все восемь гласных фонем имеют разные многочисленные аллофоны, тогда как некоторые тюркологи нередко принимали аллофоны за фонемы и на этой основе нередко делали неверные выводы о классификации древних и современных тюркских языков». Данные фонемы сохранились в неизменном виде в современной разговорной речи носителей кыпчакских языков.

Таблица гласных

	негубные		губные	
узкие верхнего подъема	<i>y</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ü</i>
широкие низкого подъема	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ö</i>

Эти черты характерны для большинства живых кыпчакских языков, а также части огузских языков, не подвергшихся сильному иранскому влиянию.

Ученый считал, что «нет оснований рассматривать древнекыпчакский гласный звук-фонему *e* (обозначаемый обычно знаком *e*) в качестве фонетического варианта фонемы *ä*, поскольку последний в древнекыпчакском и в древнетюркских языках отсутствовал. Девятая гласная фонема *ä* в кыпчакских языках, так же как и в других тюркских языках, появилась значительно позже». В свое время К. Мусаев об этой фонеме написал отдельную статью [Мусаев 2004]. В последней монографии [Мусаев 2017: 24] и в оставшихся научных записях есть реплика, что 9-я гласная *ä* не имеет значения в процессе гармонии звуков как другие гласные фонемы. Думается, такое высказывание спорно, так как присоединяемые к словам с фонемой *ä* словоизменятельные аффиксы получают мягкую переднерядную гласную, следуя закону сингармонизма, которому также подчиняются и другие переднерядные гласные, ср.: *än-der-im-iz-de-gi* ‘то, что содержится в наших песнях’ // *šeše-ler-im-iz-de-gi* ‘то, что имеется у наших матерей’.

Ученый был не согласен с мнением некоторых исследователей о том, что «узкие гласные звуки *y*, *i* в рунических памятниках представляли собой единую фонему, это не приемлемо применительно к тюркским языкам с развитой небной гармонией звуков, ср.: *siz* ‘вы’, *syz* ‘сырость’, *kir* ‘грязь’, *qut* ‘хребет’, *pir* ‘один’, *pyr* ‘подражание вылету птицы’, *tyn-* ‘кончиться, успокоиться’ *tin* ‘жилка веревки’, *siñ-* ‘впитываться’, *syn-* ‘ломаться’ *tis/tiś* ‘зуб’, *tys/tyś* ‘наружная сторона» и т. д. В пользу данного мнения К. Мусаева хочется добавить еще один аргумент, что во многих тюркских языках данные фонемы являются смыслоразличительными, а это – важный признак для разграничения фонем и представления их как самостоятельных.

Мнение о том, что чередование широких и узких, передних и задних гласных в словах имело в древнетюркских языках значение как классификационный признак, К. Мусаев считал научно необоснованной декларацией. «Чередование гласных по разным другим параметрам является также естественным состоянием живой разговорной речи, особенно в эпоху отсутствия строгих правил орфографического и орфоэпического нормирования устной речи. Поэтому поиски в явлении чередования гласных по широте и узости и другим параметрам каких-то диалек-

тальных или тем более языковых отличительных признаков являются безрезультатными и научно не обоснованными».

О так называемых «первичных долгих гласных фонем» К. Мусаев говорил, что мнение об их существовании в древних тюркских языках требует основательных доказательств. «Обычно при “доказательствах” существования первичных долгих гласных фонем чаще речь идет о гласном *a* в анлауте. Однако по данным экспериментальной фонетики известно, что этот звук в начале кыпчакских и других тюркских слов в речи нередко удлинняется или приобретает начальный придыхательный призвук, а в конце слова в ударной позиции произносится как долгий гласный звук, что некоторыми тюркологами принимается за долготу. Все декларируемые «долготы» в тюркских языках с точки зрения фонологии нефонематичны, они представляют собой лишь акустическое явление речи. Написание гласных двойными буквами в некоторых случаях при дешифровке языка древних памятников, где не существовало строгих правил письма, отнюдь не означает, что это – первичная долготы гласных звуков. Обычно в вышеуказанных случаях так удлиннено слышит и так пишет писец, особенно, если он не в совершенстве владеет тюркским или кыпчакским языком, как это нередко происходило. В период повального увлечения первичными долготами при «доказательствах» о существовании первичных долгот в пратюркском языке или древнетюркских языках, обычно ссылались на туркменский язык. Однако долготы в туркменском языке закономерно возникают в ограниченном количестве слов, противопоставляемых фонетически друг другу в исконных или заимствованных словах, или являются вторичными, возникшими в результате «износа» некоторых щелевых согласных. Также нефонематичны другие выделяемые тюркологами «долгие» звуки, которые являются позиционными вариантами или аллофонами восьми нормальных гласных фонем».

В поддержку данных рассуждений добавим, что в разговорной речи в зависимости от позиции фонемы в составе слова можно выявить множество вариантов одной и той же фонемы. Графические особенности обозначения звуков в древних памятниках могли исходить из свойств звуков, а не фонем, если отсутствовали строгие правила правописания по фонематическому принципу в современном понимании. Поэтому, возможно, передача некоторых звуков на письме – это отражение знаний, особенностей стиля конкретного писца.

Кроме того, ученый также отмечал, что вопрос о существовании первичных долгих фонем в древнекыпчакском языке отпадает еще и потому, что эти фонемы не имели смысловозначительных функций. Здесь речь идет о работе Н.А. Кононова [Кононов 1980], в которой автор утверждает, что наличие первичной долготы в языке тюркских рунических памятников находит свое подтверждение в графике: долгий гласный \bar{a} обозначался, в то время как краткий гласный *a* специального обозначения не имел; в памятниках арабского письма («Диван» Махмуда Кашгарского) долгий гласный \bar{a} обозначался удвоенным элифом. По мнению К. Мусаева, гласные звуки – аллофоны гласных фонем в различных позициях в слове у разных личностей, иногда даже у одного и того же человека, как показывают экспериментальные исследования с техническими средствами, произносятся в речи с различной «долготой» в разных речевых ситуациях, эмоциях, такое явление происходит и в современных кыпчакских языках, и это не имеет фонематического значения.

3. Система консонантизма

Особое мнение К. Мусаев имел и в отношении некоторых явлений консонантной системы языка древнетюркского и, в частности, пракрыпчакского периода. Так, ученый отмечал, что «утверждение некоторых тюркологов о наличии в древних тюркских языках сильно смягченного варианта фонемы *n*, который встречается довольно редко в окружении заднерядных гласных и обозначается в рунических памятниках особым знаком *ñ* в примере *añuγ ~ anuγ ~ ajuγ* ‘дурной, злой’, противоречит основополагающему закону гармонии звуков в тюркских языках с древности, поскольку смягченный звук не применим в словах с заднерядными гласными звуками».

Он подчеркивает, что «количество и качество древних кыпчакских согласных звуков сохранились в современных кыпчакских языках. Исключение составляют некоторые языки, в которых древний смычный *q* в конце слова перешел в спонант *x* (например, караимский тракайский, карачаево-балкарский *ax* вместо *aq* ‘белый’). Но есть распространенное мнение о том, что *q* между двумя гласными в древних языках не озвончается, например, в слове *olurtuqynta* ‘когда он сидел на царском троне’». Ученый считает, что такое обозначение основано на правописании, а не на реальном речевом произнесении слов, приводя в качестве аргумента правописание в современном казахском языке названия республики: Казакстан (*Qazaqstan*), но никто так не произносит это слово, а произносят Қазағыстан (*Qazaǵystan*), т. е. с озвончением глухого *q > γ* между двумя гласными.

«Существует высказывание о том, что конечный носовой *ŋ* в аффиксе принадлежности 2 лица прошедшего категорического времени и аффикса 2 лица принадлежности регулярно разлагается на свои составляющие *n+γ(g)*». К.М. Мусаев прав, говоря, что такое явление происходит в современном узбекском языке вследствие применения несовершенного письма. Ведь узбеки в местоимении *mening* ‘мой’, глаголах *kelding* ‘ты пришел’ / *keldingiz* ‘Вы пришли’ и др. произносят *ng* не разделяя, а как носовую согласную *ŋ*: *meniŋ* ‘тебе’, *keldiŋ*, *keldiŋiz*. Эти аффиксы имеют свою историю происхождения, где отсутствует сочетание подобных звуков. «Другое дело, например, с формой направительного падежа личных местоимений единственного и множественного числа, где носовой *ŋ* может разлагаться на этимологические составные части *n+γ* или *n > g*, тат. *men+ge > mi-ŋä* ‘мне’, *sen+ge > si-ŋä* ‘тебе’ и т. д. В казахском языке согласные аффиксы в таком сочетании звуков поменялись порядком мест и произошла депалатализация гласных: *ma-γan*».

4. Закон сингармонизма

В научных записях К.М. Мусаева отражены его взгляды и на закон сингармонизма в тюркских языках. В частности, он полагал, что «в тюркологии традиционно часто подчеркивалась главенствующая роль гласного звука в сингармонизме и зависимость согласного от него в отношении палатальности/велярности и огубленности/неогубленности». Но, по его мнению, «это следует считать устаревшим взглядом на закон сингармонизма, поскольку слово как звуковой комплекс является единством гласных и согласных. Экспериментальные исследования взаимоотношения гласных и согласных показали сингармонистическое

единство гласных и согласных, хотя тюркологи еще не полностью освободились от представления определяющей роли гласных в сочетании их с согласными. Гласные в сочетании с согласными обычно выступают как формальный индикатор согласных по палатальности/велярности слога или слова, огубленности/неогубленности; а индикатором характеристики согласных по способу и месту образования выступают сами согласные». В подтверждение своих мыслей он приводит убедительный пример: «согласный *q* в слове *qol* – велярный и огубленный, индикатором чего выступает гласный *o*, сам по себе звук *q* характеризуется тем, что он является глубокозаднеязычным по месту образования и смычным по способу образования. Сингармонизм – есть свойство, модель всего слова, а не только фонетическое отношение аффикса к корню или основе, как иногда приходится слышать и читать».

Думается, что это все-таки спорное заявление ученого, оно убедительно по отношению к глубокозаднеязычным *q* и *ɣ*. Фонологически корневая и аффиксальная морфемы являются не совсем равноправными элементами в процессе гармонии звуков, где все-таки наблюдается зависимость характера звуков аффиксов от корня или основы, к которым эти аффиксы присоединяются.

В то же время в записях автор указывал: «обозначаемые в письме разными буквами в разных языках согласные звуки *q*, *ɣ* являются заднеязычными согласными и по закону сингармонизма сочетаются только с заднерядными гласными, их палатальные антиподы *k*, *g* – всегда мягкие и сочетаются с переднерядными гласными и т. д. Эти согласные оказывают соответствующее влияние на слоговую гармонию. Неучет разницы этого явления в письме и устной речи проявляется в тюркологии нередко в изображении невозможных по законам тюркских языков сочетаний звуков, в стремлении к оригинальности и самовыражению у некоторых авторов. Неразличение разницы письменной и устной форм языка широко распространенное явление при дешифровке языка древних и средневековых тюркских письменных памятников». Он отмечал, что можно встретить немало искажений, связанных с недопониманием закономерностей тюркских языков, что приводит к передаче невозможных с точки зрения законов тюркской звуковой речи сочетаний, например, сочетания типа *qi*, *qä*, *ɣii*, *ka* и т. д., когда по правилам должно быть *qu*, *qa*, *ɣu*, *kä*.

Несомненно, кыпчакские языки проявляют устойчивый консерватизм в отношении сингармонизма. Это объясняется тем, что они в течение многих веков территориально оставались в центральной части расселения тюркского этноса и имели не так много контактов с нетюркскими языковыми группами. Существовавшее письмо не оказывало сильного разрушающего влияния на гармонию звуков благодаря массовой неграмотности носителей языков, поскольку подавляющее большинство людей не умело читать написанный текст.

К.М. Мусаев полагал, что «первоначально в пракыпчакском языке гармония звуков в слове соблюдалась последовательно как в отношении небной (палатально-велярной), так и в отношении губной (по огубленности-неогубленности звуков) как, например, в современном кыргызском языке. С течением времени эти закономерности в кыпчакских языках понемногу начали разрушаться. При дальнейшем развитии кыпчакских языков сильно изменилась губная гармония, которая в современных языках имеет множество вариантов отклонения от первоначальной».

чальной закономерности. Наиболее устойчивой в кыпчакских языках оказалась палатально-велярная (небная) гармония звуков. Однако и она подверглась изменению и также стала нарушаться во многих современных языках под влиянием экстралингвистических (в основном – под влиянием неродственных языков) и лингвистических (например, словосложение, функционирование некоторых иноязычных аффиксовых) факторов.

Нарушение сингармонизма встречается в рунических памятниках во множестве случаев, большей частью по воле дешифровальщиков: *jaγysiz* ‘без врагов’ (КТБ, 30, М 24)³ должно быть *jaγysuz* или *jaγsyuz* и т. д. (подр. см., напр.: [Кононов 1980]).

“Кажущаяся” дисгармония происходит также с согласными, это – диссимиляция: ср. каз. *mal+dar* ‘скоты’ вместо ожидаемого (предсказуемого) “правильного” *mal+lar*, как в ряде кыпчакских языков, заимствование *mol-da* вместо первоначального заимствованного арабского и ожидаемого *molla/mulla* ‘мулла’ и т. д. В этом примере гармония-ассимиляция происходит по месту образования согласных звуков».

По мнению ученого, многие исследователи древних и средневековых тюркских письменных памятников, преувеличенно рассматривая доминирующую роль письменной формы языков, зафиксированной в изучаемых ими памятниках, над устной речью того времени, делают поспешный вывод о непоследовательности как губной, так и палатальной гармонии в языках того периода. Надо учесть, что «существующие письменные системы, руководствуясь своими принципами и правилами, созданными авторами – определенными людьми со своими пристрастиями, весьма часто не отражают и не могут отражать закономерности устной речи. Это явление наблюдается и в отношении современных языков и их письменностей. Например, в казахской письменности по существующей орфографии пишут: *қолы* – *qoly* вместо *qolu* ‘его рука’, *күші* – *küši* вместо *küšü* ‘его сила’. На основе подобного написания в тюркологических исследованиях делается вывод о том, что в таких словах губная гармония не соблюдается. Однако в подобных случаях губная гармония не отражается в письменной речи, но она строго соблюдается в устной речи, где указанные слова соответственно произносятся [*qolu*], [*küšü*]]».

Заключение

Нам удалось здесь осветить взгляды К.М. Мусаева лишь на некоторые явления общетюркской фонетики, в частности, пракыпчакской. Полагаем, что дальнейший анализ записей ученого не только раскроет его взгляды и на другие аспекты кыпчакovedения и в целом тюркологии, но и послужит источником для новых научных исследований вопросов становления и развития тюркских языков на каждом их историческом этапе.

Литература

Кононов 1980 – Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. / Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. –

³ КТБ, 30, М 24 – Памятник Кюль Тегину, Большая надпись, Малов С.Е. ПДТП.

- 254, [1] с. {*A.N. Kononov*. The grammar of the language of the Turkic runic monuments of the 7th–9th centuries / The Academy of Sciences of the USSR, Institute of Oriental Studies. – Leningrad: Nauka, Leningrad department, 1980. – 254, [1] p.}
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с. {*S.Ye. Malov*. Monuments of the Old Turkic script. Texts and researches. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. – 452 p.}
- Мусаев 2004 – *Мусаев К.* О девятой гласной фонеме *ä* в древнетюркских языках рунических памятников и в пратюркском // *Түркология*. – 2004. – № 1. – С. 47–54. {*K. Musaev*. On the ninth vowel phoneme *ä* in ancient Turkic languages of runic monuments and in Proto-Turkic // *Türkologiya*. – 2004. – No. 1. – PP. 47–54.}
- Мусаев 2017 – *Мусаев К.М.* Кыпчакские языки: Монография. – М.: Языки народов мира: Тезаурус, 2017. – 423 с. {*K.M. Musaev*. The Kypchak languages: A Monograph. – Moscow: Yazyki narodov mira: Tezaurus, 2017. – 423 p.}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – Разделы: Небесные тела и небесная сфера; Отношения по родству и свойству; Социальные отношения; Война. Оружие. – М.: Наука, 2001. – Второе издание, дополненное. – 823 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexicon. – Parts: Celestial bodies and celestial sphere; Kinship and tribal relations; Social relations; War. Arms. – Moscow: Nauka, 2001. – The 2nd edition, extended. – 823 p.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – Раздел: Кыпчакская группа (Введение, Консонантизм, Гармония звуков, Морфология). – М.: Наука, 2002. – 768 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions. – Parts: Kypchak group (Introduction, Consonantism, Vowel harmony, Morphology). – Moscow: Nauka, 2002. – 768 p.}
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языкооснова. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – Разделы: Представления о небе и небесных явлениях; Климат; Материальный быт; Одежда; Война. Оружие; Социальная организация; Родство и свойство. – М.: Наука, 2006. – 908 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Pre-Turkic proto-language. Worldview of Pre-Turks according to the language data. – Parts: Perceptions of the sky and celestial phenomena; Climate; Material life; Clothes; War. Arms; Social organization; Kinship and tribal relations. – Moscow: Nauka, 2006. – 908 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 114–121. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-114-121

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

«ЭТИМОЛОГИЯ – НАУКА, ОТКРЫВАЮЩАЯ ИСТИНУ» (К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Р.Г. АХМЕТЬЯНОВА)

*Илшат Сахиятуллович Насипов*¹

¹ БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия
доктор филологических наук, профессор кафедры татарского языка и литературы
e-mail: nasipov2021@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Насипов И.С., 2023

Для цитирования: *Насипов И.С.* «Этимология – наука, открывающая истину»
(к 90-летию юбилею Р.Г. Ахметьянова) // *Российская тюркология*. 2023. № 3–4 (40–41).
С. 114–121. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-114-121.

«Etymology is a science that reveals the truth» (To the 90th anniversary of R.G. Akhmetiyarov)

*Ilshat Sakhiyatulloviich Nasipov*¹

¹ Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of Tatar Language and Literature
e-mail: nasipov2021@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Nasipov I.S., 2023

For citation: *Nasipov I.S.* «Etymology is a science that reveals the truth» (to the 90th anniversary of R.G. Akhmetiyarov) // *Russian Turkology*. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. 114–121. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-114-121.

Видному татарскому лингвисту, фольклористу и литературоведу, известному тюркологу Рифкату Газизяновичу Ахметьянову исполнилось бы в 2023 г. 90 лет. Он вошел в историю татарского языкознания как основатель татарской этимологии, автор многочисленных трудов по татарской лексикографии и словарей, монографических трудов по сравнительно-историческому языкознанию.

Рифкат Газизьянович Ахметьянов родился 10 июля 1933 г. в д. Новый Юрмаш Уфимского района Башкирской АССР (ныне – с. Турбаслы муниципального района Иглинский района Республики Башкортостан). После окончания семилетней школы в родной деревне он получил среднее образование в Пролетарской средней школе – центра Пролетарского района Ленинадской области Таджикской ССР. Служил в Советской Армии. Высшее образование получил в Башкирском государственном университете, где обучался на татарско-русском отделении филологического факультета и в 1962 г. получил диплом по специальности «Филолог. Преподаватель татарского языка и литературы, русского языка и литературы». В 1962 г. начал трудовую деятельность учителем татарского языка и литературы Туктагуловской средней школы Туймазинского района Башкирской АССР. С 1963 по 1995 гг. работал в Институте языка, литературы и искусства им. Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Здесь он прошел трудовой путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Обладая большими творческими способностями, талантом филолога и проявляя языковедческие способности, всю жизнь неутомимо трудился. Интерес к тайнам родного языка и жажда научной деятельности привели его в г. Казань, где впоследствии он стал доктором филологических наук и всемирно известным тюркологом.

Кандидатская диссертация называлась «Этимологические основы лексики татарского языка», а докторская, защищенная в 1993 г., – «Татарский язык в волгокамском языковом союзе». В этих работах были заложены теоретические основы татарской этимологии и обобщены этимологические экскурсы по основному словарному фонду татарского языка [Ахметьянов 1970: 5].

В 1994–1995 гг. исследователь работал в научной командировке в Турции, где занимался составлением татарско-турецкого и турецко-татарского словарей, которые были опубликованы в 1997–1998 гг. в г. Москве.

Профессор Р.Г. Ахметьянов со студентами Бирского педагогического института

Уже на склоне лет Р.Г. Ахметьянов вернулся на малую родину – в Республику Башкортостан. Здесь более десяти лет он проработал преподавателем в вузах республики, внес большой вклад в подготовку учителей родного языка и литературы. Рифкат Газизянович был профессором кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии (СГПА, 1995–1997), профессором, заведующим кафедрой тюркской и финно-угорской филологии Бирской государственной социально-педагогической академии (БирГСПА, 1997–2005). Ученый внес неоценимый вклад в становление кафедры татарской и чувашской филологии СГПА, кафедры тюркской и финно-угорской филологии БирГСПА как ведущих научно-методических и социально-культурных центров по татарской, марийской и чувашской филологиям и культурам в Республике Башкортостан и Российской Федерации.

У него был широкий диапазон научных интересов. Круг его научно-исследовательских направлений охватывает проблемы сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, тюркологии, фольклористики, этнолингвистики, мифологии, литературоведения, истории татарского языка, истории татарской литературы, татарского народного творчества, татарской лексикографии, диалектологии и этимологии.

Ученый организовал и возглавил десятки научных и учебных фольклорно-диалектологических экспедиций. Внес большой вклад в развитие татарской диалектологии, участвовал в сборе материалов для Диалектологического атласа татарских народных говоров. Его интересовали вопросы формирования и функционирования говоров мордвы-каратаев, ставропольских татар, сергачских татар и др. В системе татарских диалектов он впервые исследовал и выделил в само-

стоятельный говор – турбаслинский говор среднего диалекта татарского языка. Материалы по этому говору вошли во вторую книгу «Диалектологического словаря татарского языка» (Казань, 1993) и в «Большой диалектологический словарь татарского языка» (Казань, 2009), в первую часть книги «Татарские народные говоры» (Казань, 2008). Он собрал уникальный диалектный материал, обработал их историко-этимологические основы, был автором и соавтором многочисленных толковых, терминологических и двуязычных словарей татарского языка [Насипов 2004: 36–38]. Результаты исследований по татарской диалектологии, выполненные Р.Г. Ахметьяновым, вошли во все Атласы татарских народных говоров (Казань, 1989, 2015), в электронный «Атлас татарских народных говоров» (Казань, 2011–2012).

Ученый также интересовался вопросами фольклора и истории литературы. Например, многие его экскурсии в словарях раскрывают особенности устного народного творчества народов Среднего Поволжья и Приуралья. Он творчески переработал и опубликовал произведение поэта времен Золотой Орды Кутба «Сказание о Хосрове и Ширин».

Рифкат Газизянович является автором фундаментальных научных трудов, которые по праву считаются уникальными научными исследованиями по истории татарской лексики и языковым контактам татарского народа [Ахметьянов 1978; 1981; 1989]. В монографии «Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья» (М., 1981) дается детальный сравнительно-исторический и этимологический анализ общей лексики тюркских (башкирского, татарского, чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовских, удмуртского) народов Среднего Поволжья и Приуралья. В тематической группе лексики духовной жизни он проанализировал более 200 лексем, относящихся к личным именам, мифологии, фольклору, семейным и календарным обрядам, этике и эстетике. В монографии «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» проанализированы более 300 лексем, относящихся к тематической группе материальной культуры общей лексики тюркских (башкирского, татарского, чувашского) и финно-угорских (марийского, мордовских, удмуртского) народов Среднего Поволжья и Приуралья. Обе монографии составлены по принципам подачи материалов в этимологических словарях.

Он внес большой вклад в становление и развитие татарской этимологии. В этимологических и сравнительно-исторических исследованиях ученый уделял особое внимание теоретической разработке принципов, приемов и методики этимологических исследований, освещал самые актуальные вопросы татарской этимологии. Он разработал основные положения татарской этимологии как науки и опубликовал их во введениях к этимологическим словарям, которые в последующем стали составными частями академической лексикологии татарского языка [Ахметьянов 2005а; 2015а; 2015б].

«Краткий историко-этимологический словарь татарского языка» Р.Г. Ахметьянова был первым опубликованным этимологическим словарем татарского языка [Ахметьянов 2001]. В книге впервые в татарском языкознании получил краткое этимологическое освещение основной фонд татарской лексики. По форме подачи материала работа является словарем основ слов татарского литературного языка: в нем дается краткая этимологическая характеристика (более 2600 толкований

лексем) каждой такой основы. Эта характеристика представляет собой этимологический анализ основы слова (лишь в редких случаях объяснение происхождения основы дается в двух предполагаемо верных близких вариантах) или констатируется факт отсутствия достоверного этимологического толкования.

В словаре были приведены только те слова и формы слов, объясняющие этимоны, которые могли помочь доказать предложенное, предположительно верное толкование происхождения основы, то есть из известных вариантов того или иного слова из татарских диалектов и из других тюркских языков были выбраны только те примеры, которые приводили к определению древней основы или корня слова. Ареал распространения слова был дан лишь в виде общей характеристики. Словарь определяется автором как словарь именных основ. В книге основное внимание уделяется именованным основам – именам существительным (*исемнар*) и именам прилагательным (*сыйфатлар*). Этимология глагольных основ – весьма сложное явление, поэтому автор ограничивается изложением их происхождения в очень кратком виде.

Все основы в словаре расположены в алфавитном порядке – в порядке буквенного расположения современного татарского алфавита на основе кириллицы. В целом, «Краткий историко-этимологический словарь татарского языка» является ценным источником не только по происхождению татарских именных основ, но весьма глубоким научным трудом по этимологии многих других тюркских, а также соседних родственных и неродственных языков. Однако учитывая, что книга является кратким изложением этимологии основных лексических единиц татарского литературного языка, она предназначена прежде всего для учителей и учащихся образовательных организаций различного типа, а также для широкого круга читателей, интересующихся тайнами слова родного языка [Әхмәтъянов 2001].

В небольшой по объему книге «Исторические источники татарской терминологии» Р.Г. Ахметьянова в доступной форме рассказывается о происхождении татарских терминов [Әхмәтъянов 2003]. Автор обращает внимание на теоретические вопросы становления и развития татарской терминологии как самостоятельной отрасли татарского языкознания. Он затрагивает общие вопросы татарской терминологии, обращая внимание на необходимость изучения татарских терминов, в первую очередь, как терминов, обозначающих реалии духовного мира и реалии материального мира. На конкретных лексических примерах (терминах) объясняет, что материальный мир и духовный мир человека существуют параллельно.

В книге уделяется внимание принципам терминоворчества, рассматриваются лингвистические условия формирования терминов и их исторические пласты. Впервые обращается внимание на особенности состава корня татарских терминов, т. е. на особенности однословных корневых основ татарского языка, а также на особенности образования татарских терминов. Он обращает внимание и на такие, казалось бы, не существенные вопросы, как на соотношение терминологии и типа письма, орфографии, а также раскрывает особенности терминологии татарского языка в отношении общетюркской терминологической системы. В последующих частях книги автор на конкретных примерах раскрывает особенности формирования татарской терминологической системы, определяет ее историче-

ские источники, характеризуя ее общетюркский характер. Выделяется общее и особенное в терминологической системе татарского языка [Әхмәтъянов 2003].

Делом всей его жизни было создание этимологического словаря татарского языка. Работая в вузах, Р.Г. Ахметьянов занимался составлением учебно-методических пособий по татарской филологии, сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Здесь же он продолжил работу по составлению этимологического словаря татарского языка. Задуманный как четырехтомный, в г. Бирске при поддержке ректора С.М. Усманова и профессора И.Ш. Юнусова сумел опубликовать первый том словаря.

Оставив преподавательскую деятельность в г. Бирске, он вернулся в г. Казань и продолжил научную деятельность. Для завершения работы по созданию этимологического словаря татарского языка он вновь был приглашен на должность ведущего научного сотрудника ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (2010–2015).

«Этимологический словарь татарского языка в четырех томах» (Бирск, 2005 – опубликован только первый том) и «Этимологический словарь татарского языка в двух томах» (Казань, 2015) – основные этимологические словари татарского языка [Әхмәтъянов 2005а; 2015а; 2015б]. Несмотря на имеющиеся различия, эти словари едины: в двухтомном этимологическом словаре были соблюдены основные особенности в построении и композиции четырехтомного издания. Был сохранен научный аппарат и структура словарной статьи, основные принципы отбора и особенности подачи лексического материала, этимологического анализа и толкования слов. В более позднем издании был проделан огромный объем научной обработки лексических материалов и присутствует более высокий уровень редактирования. Возможно, увеличился и объем представленного материала.

Кроме основной словарной части, в начале первого тома была представлена достаточно объемная теоретическая информация об этимологии как о самостоятельном разделе татарского языкознания, где указываются цели и основные задачи этимологии как науки, ее предмет и объект, методы и приемы исследования; суть и особенности этимологического анализа и др. даются на основе многочисленных примеров. Автор выражает свою позицию и в отношении некоторых спорных моментов и мнений в тюркской этимологии. В конце дается большой список литературы, имеющей отношение к этимологическим вопросам и проблемам. Таким образом, эта богатая теоретическая информация и фактический иллюстративный материал могут претендовать на роль самостоятельной научно-исследовательской работы или пособия и библиографического источника [Әхмәтъянов 2015а: 11–59].

В целом, публикация этимологических словарей татарского языка – это событие поистине историческое не только для татарского языкознания, но и для всей тюркологии. Богатый языковой материал, представленный в словаре и детально изученный на основе научных принципов, может дать масштабное представление о влиянии других языков на татарский язык в разные исторические периоды его развития, и, соответственно, поможет лучше понять прошлое татарского народа и выяснить его корни.

Этимологический словарь – специальное справочное издание, как правило, созданное трудом десятков, а то и сотен ученых. То, что он стал результатом

многолетнего кропотливого труда одного ученого, делает этот словарь поистине уникальным. Словарное богатство татарского языка создавалось веками во взаимосвязи с языками родственных и неродственных народов. Материалы этимологических словарей татарского языка Р.Г. Ахметьянова не только дают представление о том, как и в каком языке возникло то или иное слово и основа, какой путь прошли они в своем развитии, в каких языках зафиксированы, в какой форме и с каким значением, но и позволяет определить, какие слова чаще всего имеют бесспорную, единственно верную этимологию, а какие гипотетическую. Эти словари являются ценными источниками по истории не только татарского языка, но и других тюркских языков.

Рифкат Газизянович последние годы своей жизни провел в родной деревне. Он жил большими научными планами, продолжал исследовательскую деятельность. Ученый был частым гостем в вузах, с большим желанием встречался с преподавателями и студентами. К всеобщему сожалению, его не стало 11 октября 2018 г. Он был похоронен в с. Турбаслы Иглинского района Республики Башкортостан.

Этот прекрасный ученый с поистине энциклопедическими знаниями, при этом очень скромный человек, останется в нашей памяти как признанный во всем мире языковед и известный тюрколог, один из самых авторитетных тюркских этимологов, который внес неоценимый вклад в развитие Казанской тюркологической школы.

Библиография Р.Г. Ахметьянова

- Ахметьянов 1970 – *Ахметьянов Р.Г.* Этимологические основы лексики татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1970. – 19 с. {R.G. Akhmetiyanov. Etimological stems of lexis of the Tatar language: Ph.D. diss. abstract. – Kazan, 1970. – 19 p.}
- Ахметьянов 1978 – Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М.: Наука, 1978. – 246 с. {R.G. Akhmetiyanov. A comparative research of Tatar and Chuvash languages. – Moscow: Nauka, 1978. – 246 p.}
- Ахметьянов 1981 – Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – 144 с. {R.G. Akhmetiyanov. Common vocabulary of spiritual culture of peoples of the Middle Volga region. – Moscow: Nauka, 1981. – 144 p.}
- Ахметьянов 1989 – Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1989. – 200 с. {R.G. Akhmetiyanov. Common vocabulary of material culture of peoples of the Middle Volga region. – Moscow: Nauka, 1989. – 200 p.}
- Ахметьянов 1993 – Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в Волго-Камском языковом союзе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 1993. – 36 с. {R.G. Akhmetiyanov. The Tatar language within the Volga-Kama language union: Dr. Habil. diss. abstract. – Kazan, 1993. – 36 p.}
- Әхмәтъянов 2001 – Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге [Краткий историко-этимологический словарь татарского языка]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б. {R.G. Akhmetiyanov. A concise historical-etymological dictionary of the Tatar language. – Kazan: Tatar book publishing house, 2001. – 272 p.} (In Tatar.)
- Әхмәтъянов 2003 – Әхмәтъянов Р.Г. Татар терминологиясенең тарихи чыганаclarы [Исторические источники татарской терминологии]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 174 б. {R.G. Akhmetiyanov. The historical sources of Tatar terminology. – Kazan: Tatar book publishing house, 2003. – 174 p.} (In Tatar.)
- Әхмәтъянов 2005а – Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге [Этимологический словарь татарского языка]. – Бирск: БГСПА, 2005. – Т. I. – 233 б. {R.G. Akhmetiyanov. An etymological

- dictionary of the Tatar language. – Birsk: BSSPA (Birsk State Social and Pedagogical Academy), 2005. – Vol. 1. – 233 p.} (In Tatar.)
- Әхмәтъянов 2005б – Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: дүрт томда [Этимологический словарь татарского языка: в четырех томах]. – Т. I (А–Й). – Бирск: БирГСПА, 2005. – 567 б. {*R.G. Akhmetiyanov. An etymological dictionary of the Tatar language: in 4 vols. – Vol. 1 (A–Y).* – Birsk: BirSSPA (Birsk State Social and Pedagogical Academy), 2005. – 567 p.} (In Tatar.)
- Әхмәтъянов 2015а – Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда [Этимологический словарь татарского языка: в двух томах]. – Т. I (А–Л). – Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. – 543 б. {*R.G. Akhmetiyanov. An etymological dictionary of the Tatar language: in 2 vols. – Vol. 1 (A–L).* – Kazan: Mägarif-Vaqıt, 2015. – 543 p.} (In Tatar.)
- Әхмәтъянов 2015б – Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда [Этимологический словарь татарского языка: в двух томах]. – Т. II (М–Я). – Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. – 567 б. {*R.G. Akhmetiyanov. An etymological dictionary of the Tatar language: in 2 vols. – Vol. 2 (M–Ya).* – Kazan: Mägarif-Vaqıt, 2015. – 567 p.} (In Tatar.)
- Кашфуллина 2017 – Кашфуллина Р.М. Этимологические словари татарского языка // Сборник материалов Фестиваля-конкурса «Буыннар сабагы» («Уроки поколений»), посвященного 50-летию БГПУ им. М. Акмуллы. – Уфа: Изд-во «Мир печати», 2017. – С. 75–82. {*R.M. Kashfullina. Etymological dictionaries of the Tatar language // A compendium of materials of the “Bunnar sabagi” (“The lessons of generations”) Festival-Contest, dedicated to the 50th anniversary of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.* – Ufa: “Mir pechati” publishing house, 2017. – PP. 75–82.}
- Насипов 2004 – Насипов И.С. Тарих төпкеленнән энже-мәржәннәр жыючы галим [Ученый, собиратель сокровищ из глубины веков] // Актуальные проблемы татарского языка и литературы: Сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Языкознание. – Стерлитамак: СГПИ, 2004. – С. 36–38. {*I.S. Nasipov. The scholar, collector of treasures hidden for centuries // Topical problems of Tatar language and literature: A compendium of the 3rd All-Russian scientific and practical conference. Part 1. Linguistics.* – Sterlitamak: SSPI (Sterlitamak State Pedagogical Institute), 2004. – PP. 36–38.} (In Tatar.)
- Nasipov 2021 – *Nasipov I.S. Main sources of Tatar etymology [Основные источники татарской этимологии] // Journal of Global Social Sciences.* – December 2021. – Vol. 2. – No. 8. – PP. 19–28. – DOI: <https://doi.org/10.31039/jgss.v2i8.9>

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 122–132. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-122-132

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

ЛИТЕРАТУРОВЕД, АРХЕОГРАФ, ТЕКСТОЛОГ (К 70-ЛЕТИЮ М.Х. НАДЕРГУЛОВА)

*Рамил Фанавиевич Исламов*¹, *Елена Константиновна Созина*²,
*Флюр Шарифуллинович Сибгатов*³

¹ Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, г. Казань, Россия
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
e-mail: usman.58@mail.ru

² Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия
доктор филологических наук, профессор
e-mail: es8591@yandex.ru

³ Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия
кандидат филологических наук, заведующий отделом рукописей и редких изданий
e-mail: jamachta@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Исламов Р.Ф., Созина Е.К., Сибгатов Ф.Ш., 2023

Для цитирования: *Исламов Р.Ф., Созина Е.К., Сибгатов Ф.Ш.* Литературовед, археограф, текстолог (к 70-летию М.Х. Надергулова) // *Российская тюркология*. 2023. № 3–4 (40–41). С. 122–132. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-122-132.

Literary critic, archaeographer, textual critic (On the 70th anniversary of M.Kh. Nadergulov)

*Ramil Fanavievich Islamov*¹, *Yelena Konstantinovna Sozina*²,
*Flur Sharifullinovich Sibgatov*³

¹ Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
Dr. Habil. in Philology, Chief Researcher
e-mail: usman.58@mail.ru

² Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Dr. Habil. in Philology, Professor

e-mail: es8591@yandex.ru

³ National Library named after Akhmet-Zaki Validi of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

Ph.D. in Philology, Head of the Department of Manuscripts and Rare Editions

e-mail: jamashta@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Islamov R.F., Sozina E.K., Sibagatov F.Sh., 2023

For citation: *Islamov R.F., Sozina E.K., Sibagatov F.Sh.* Literary critic, archaeographer, textual critic (to the 70th anniversary of M.Kh. Nadergulov) // *Russian Turkology*. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. 122–132. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-122-132.

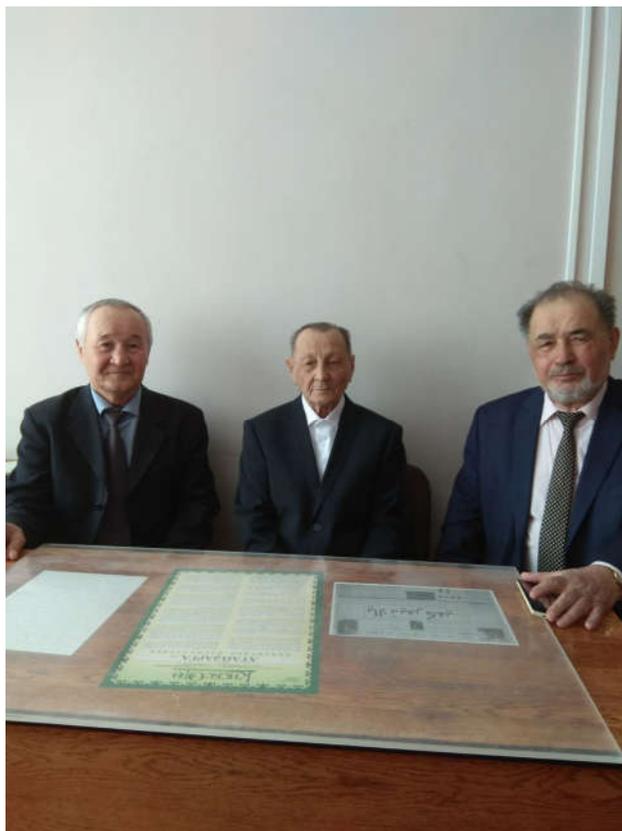

Исполнилось 70 лет доктору филологических наук, заведующему отделом литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Заслуженному работнику культуры Республики Башкортостан (2007), археографу, члену Союза писателей Республики Башкортостан и Российской Федерации Минлегали Хусаиновичу Надергулову.

М.Х. Надергулов родился 7 октября 1953 г. в д. Ишбулдино Матрайского (ныне – Зилаирского) района БАССР. Начальное образование получил в родной деревне, затем учился в Баймакской школе-интернате (1963–1970). Год поработал в Юлдыбаевском совхозе Зилаирского района. В 1971–1973 гг. проходил действительную военную службу в рядах Вооруженных сил СССР. После демобилизации в 1973–1975 гг. возглавлял спорткомитет Зилаирского райсовета.

Стремление получить высшее образование приводит его на башкирско-русское отделение филологического факультета Башкирского государственного университета (ныне – Уфимский университет науки и технологий). В студенческие годы у него проявился интерес к языковым проблемам, и он активно принимает участие в научной жизни университета и республики. Под научным руководством известного башкирского языковеда В.Ш. Псянчина (1930–2013) защищает дипломную работу по рукописному произведению «Хаджанме» поэта-просветителя XIX в. Гали Чокряя. Это предопределило его становление как талантливого ученого-текстолога.

После окончания университета в 1980 г. поступает на работу в сектор (ныне – отдел) литературоведения Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне – Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук). Одновременно прикрепляется соискателем для написания диссертационной работы. С этого времени его научная деятельность полностью связана с Институтом. Здесь он формируется как пытливый ученый-практик и проходит путь от стажера-исследователя до заведующего отделом (с 1997 г.).

М.Х. Надергулов со своими коллегами: академиком Академии наук Республики Башкортостан, доктором филол. наук Г.Б. Хусаиновым и доктором филол. наук, Народным поэтом Республики Башкортостан Р.Т. Бикбаевым

В 1986 г. М.Х. Надергулов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Традиции жанра таварих в башкирской литературе и “Таварих-и Булгария, йаки Такриб-и Гари” Гали Сокрыя» под научным руководством профессора Г.Б. Хусаинова, а в 2009 г. – уже докторскую диссертацию на тему «Историко-функциональные жанры башкирской литературы: генезис, типология, стиль и традиции», в которой ученый доказал свой высокий профессионализм в области теории литературы.

Главными направлениями научных исследований Минлегали Хусаиновича являются литературоведение, археография, текстология, литературная критика. Сегодня он является автором более 350 научных трудов, в т. ч. 26 монографий, учебников для средних общеобразовательных школ и вузов, 22 статей в научных журналах, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus и в рецензируемых изданиях ВАК.

В кругу коллег.

Как известно, в 1990–1996 гг. в ИИЯЛ УНЦ РАН была издана академическая «История башкирской литературы» в шести томах на башкирском языке с участием ученого. В 2019 г. увидел свет его седьмой том, посвященный литературе современного периода (1991–2015). Ответственным редактором тома выступил М.Х. Надергулов. Также он являлся научным руководителем и главным редактором четырехтомной «Истории башкирской литературы» на русском языке (2012, 2014, 2015), пятитомной «Антологии башкирской литературы» (1999), «Антологии башкирской поэзии» [Башкорт 2007]. В 2012 г. в г. Москве с его участием (автор, член редколлегии) увидел свет объемный коллективный труд «История литературы Урала», который охватывает период с конца XIV по XVIII вв. [Исто-

рия 2020]. Кроме того, он являлся составителем, ответственным и научным редактором многих научных сборников, изданных Институтом.

Минлегали Хусаинович является автором монографий «Историко-функциональные жанры башкирской литературы (генезис, типология, традиции)» [Надергулов 2002], «Стилевые особенности башкирских исторических сочинений XVI – начала XX вв.» [Нәзерғолов 2004], в которых освещаются особенности художественного стиля таких башкирских исторических жанров, как шежере, таварих и тарихнаме, а также одним из авторов коллективной работы «Письменные дастаны» [Язма 2006], где рассматриваются проблемы взаимосвязей традиций фольклорных эпосов с литературным началом.

Во время полевых экспедиций

Он был ответственным редактором и ведущим исполнителем текстологических работ «Асар» в двух изданиях (2006, 2009) известного башкирского ученого-просветителя, религиозного деятеля, педагога Ризаитдина Фахретдинова «Образцы башкирской прозы XIX и начала XX веков» [XIX–XX быуат 2006] – оба на башкирском языке. Во вторую книгу включены исторические и путевые записки, письма, прозаические сочинения, легенды, хикаяты.

Одной из его наиболее трудоемких работ является «Избранные произведения» Р. Фахретдинова [Фәхрәтдинов 2009] на башкирском языке, где ученый является составителем, автором вводной статьи и комментариев. Отдельные аспекты изучения творческого наследия Р. Фахретдинова нашли отражение в научных публикациях и М.Х. Надергулова. Так, в статье, посвященной анализу философско-дидактического сочинения «Утешение», автором отмечается, что данное произведение «по тематике и содержанию вышло далеко за рамки чего-то узкого

личностного и превратилось в философский трактат, адресованный широкому кругу читателей» [Надергулов 2016в].

Им был подготовлен и издан сборник работ известного башкирского литературоведа А.И. Харисова «Корни наши: Статьи, путевые заметки, новеллы и притчи» (1997), в который включены работы ученого разных лет.

Сотрудники отдела литературоведения ИИЯЛ УФИЦ РАН

Особо хочется отметить, что ученый в своей научной деятельности большое внимание уделяет исследованию жизни и деятельности поэта-просветителя Гали Чокря, пропаганде его литературного наследия. В частности, это отражено в его кандидатской диссертации и во множестве публикаций в академических изданиях, научно-тематических сборниках, газетах и журналах. Так, его обстоятельные очерки о просветителе и его сыне – поэте Гарифулле Киикове – были помещены во второй том шеститомного академического издания «История башкирской литературы». Они были опубликованы и в изданиях на русском языке.

В 1995 г. увидел свет сборник произведений Гали Чокря, составленный М.Х. Надергуловым, в котором собраны стихи, прозаические произведения, исторические записки, письма поэта-просветителя [Сокорой 1995]. Им также была издана книга Г. Киикова, в которую включены стихи, исторические записки, статьи, письма и документальные источники, относящиеся к самому поэту [Кейсков 2011].

Обнаружение им в фонде Института востоковедения в г. Санкт-Петербурге двух рукописных книг Гали Чокря и подготовка их к изданию также являются одним из достижений в изучении творческого наследия поэта-просветителя.

Жизнь и творческая деятельность известного башкирского поэта-просветителя, переводчика, публициста, этнографа и общественного деятеля М.И. Уметбаева в башкирском литературоведении хорошо изучена. В этом большая заслуга и Минлегали Хусаиновича. В двух изданиях им было опубликовано системати-

зорованное описание фонда М.И. Уметбаева, хранящееся в Научном архиве УФИЦ РАН, где в шести томах собраны поэтические произведения, исторические сочинения, фольклорные записи, публицистические статьи, литературные переводы, письма, личные документы и материалы современников [Надергулов 1993].

М.Х. Надергулов со своими коллегами: академиком Академии наук Республики Башкортостан, доктором филол. наук Г.Б. Хусаиновым и доктором филол. наук Р.Ф. Исламовым

Необходимо отметить вклад М.Х. Надергулова в изучение творчества и другого поэта-просветителя – Мифтахетдина Акмуллы. Например, он принимал активное участие в подготовке и проведении научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения поэта, был составителем и ответственным редактором сборника, опубликованного по материалам этого мероприятия. В этот же сборник включены транскрибированные им тексты писем поэта в Духовное управление мусульман, а также статья о произведениях поэта.

Интересно то, что многие переписанные произведения Акмуллы бытуют среди народа и поныне. Свидетельством тому являются списки, обнаруженные во время археографических экспедиций и найденные в частных коллекциях. Так, в личной коллекции академика Г.Б. Хусаинова в сборниках ахуна Мусы бин Фатхуллы ал-Кувакани (1848–1904) М.Х. Надергуловым выявлены стихи Акмуллы «Слова Акмуллы», начинающиеся словами «Широкое поле становится узким в случае беды...» [Надергулов 2018].

Его статья «“Тарихнаме-и булгар” Тажетдина Ялсыгула ал-Башкурди» посвящена литературоведческому анализу этого сочинения. В частности, отмечается, что наличие элементов сюжетности, образной повествовательности, диалогов

и монологов позволяет рассматривать данное сочинение как своеобразный историко-литературный памятник.

М.Х. Надергулов также вносит значительный вклад в возвращение литературного наследия забытых имен башкирских писателей. Так, им был подготовлен и издан сборник стихотворений, рассказов и пьес под названием «На кочевье башкир» (2007) Фатхелкадира Сулейманова (в эмиграции Абдулкадир Инан (1889–1976)). Издание книги «Герои отечества» (2007) писателя Фазыла Гуйкина (1887–1938) также является результатом его кропотливого труда.

Научные исследования М.Х. Надергулова характеризуют его как всестороннего ученого широкого круга интересов. Так, проанализировав сочинения «Чингизнаме» анонимного автора XV–XVI вв., он приходит к выводу о том, что при его создании заметную роль сыграли и произведения народного устного творчества. В журнале «Ватандаш» (2008, № 8) М.Х. Надергулов познакомил читателей с весьма ценным историко-литературным источником – объемной запиской конца 60-х гг. XIX столетия башкира из юрматинского рода, зауряд-хорунжия Войска Башкирского Усмана бин Ишмухамета. Во втором номере того же издания за 2011 год им была опубликована статья, посвященная историко-литературному сочинению «История Усергана». В ней ученый приходит к мнению о том, что сочинение это ничуть не уступает другим историко-литературным произведениям прошлого, таким как «Тарихнаме-и булгар» Тажетдина Ялысула и «Чингизнаме» неизвестного автора.

М.Х. Надергулов является признанным специалистом и в области изучения башкирских шежере. Более того, в целях ознакомления широкого круга читателей и исследователей с этим ценным источником письменно-исторической культуры прошлого вместе со своим коллегой Р.М. Булгаковым они опубликовали их в двух изданиях на башкирском и русском языках [Башкирские 2016]. Работа «Башкирские шежере» на турецком и башкирском языках также была издана в г. Анкаре [Başkurt 2009]. В нее включены тексты родословных записей нескольких башкирских племен, составленные или переписанные в XVI – начале XX вв., а также родословные известных личностей XIX–XX вв.

М.Х. Надергулов принимает активное участие в жизни гуманитарного сообщества нашей страны. Он один из наиболее востребованных оппонентов при защите кандидатских и докторских диссертаций; организатор и участник многих всероссийских и международных конференций, симпозиумов по литературоведению, археографии и текстологии. Под его научным руководством один из аспирантов успешно защитил кандидатскую диссертацию, подготовлены к защите еще две кандидатские диссертации.

Помимо «кабинетной» научной работы, в течение многих лет Минлегалли Хусаинович ведет экспедиционную деятельность. В этом направлении он работает уже с 80-х гг. прошлого столетия. В составе экспедиций, организованных Институтом, выезжал в Сакмарский и Кувандыкский районы Оренбургской области, Аргаяшский и Кунашакский районы Челябинской области, Благоварский, Чишминский, Иглинский, Белокатайский, Салаватский, Дуванский, Мечетлинский, Кигинский, Караидельский, Аскинский, Татышлинский, Балтачевский районы республики. Во время этих поездок им обнаружено и собрано множество рукописей и редких книг, относящихся к XIX – началу XX вв. Среди них имеются и

книги с автографами Гали Чокря и его сына Гарифуллы Киикова. В Мечетлинском районе, например, обнаружен рукописный список Корана 1790 г. Им также собрано множество фотографий эпиграфических памятников. Все это наглядно доказывает неоспоримый вклад ученого в дело сбора, сохранения и введения в научный оборот письменного наследия башкирского народа.

М.Х. Надергулов является членом редколлегий научных рецензируемых журналов «Проблемы востоковедения», «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова» и «Российская тюркология», Научного совета по защите диссертаций по филологическим наукам при Уфимском университете науки и технологий, редколлегии «Башкирской энциклопедии», Ученого совета Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Союза писателей Республики Башкортостан и Российской Федерации, Российского общества историков-архивистов.

Нельзя не сказать несколько слов о человеческих качествах Минлегали Хусаиновича. Талантливого ученого всегда отличает исключительное трудолюбие, скромность, высокая требовательность к себе, внутренняя культура, доброжелательность и корректность в обращении с коллегами.

За научные достижения ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан» (2007), награжден медалью Республики Башкортостан «За трудовую доблесть» (2022), а также Почетными грамотами Президиума Российской академии наук (1999, 2017), Министерства печати и массовой информации Республики Башкортостан (2000) и мэрии г. Уфы (2002), Почетным знаком Российского общества историков-архивистов (2000).

Коллеги поздравляют Минлегали Хусаиновича с юбилеем и желают ему новых научных и творческих успехов в работе!

Литература

- Башкирские 2016 – Башкирские родословные / Сост., предисловие, пояснения к переводу на русский язык, послесловие *Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова*; указатели, факсимиле *Р.М. Булгакова*. – 2-е изд., испр. и доп. – Уфа: Китап, 2016. – 480 с. {Bashkir genealogies / Compilation, preface, explanations for translation into Russian, afterword by *R.M. Bulgakov, M.Kh. Nadergulov*; indexes, facsimilia by *R.M. Bulgakov*. – The 2nd ed., revised and expanded. – Ufa: Kitap, 2016. – 480 p.}
- История 2020 – История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. *Е.К. Созиной*. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – Кн. 1. – 664 с.: ил.; – Кн. 2. – 768 с.: ил. {History of literature of the Urals. The 19th century: in 2 books / Ed. by Prof. *Ye.K. Sozina*. – Moscow: Publishing House YaSK, 2020. – Book 1. – 664 p.: with ill.; – Book 2. – 768 p.: with ill.}
- Надергулов 1993 – *Надергулов М.Х.* Краткое описание фонда М. Уметбаева из архива Уфимского научного центра РАН. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – 170 с. {*M.Kh. Nadergulov*. A brief description of the M. Umetbaev's collection from the archive of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. – Ufa: Publishing House of the USC RAS (Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), 1993. – 170 p.}
- Надергулов 2002 – *Надергулов М.Х.* Историко-функциональные жанры башкирской литературы (генезис, типология, традиции). – Уфа: Китап, 2002. – 192 с. {*M.Kh. Nadergulov*. Historical and functional genres of Bashkir literature (genesis, typology, traditions). – Ufa: Kitap, 2002. – 192 p.}
- Надергулов 2014 – *Надергулов М.Х.* Вклад ученого и писателя Ахнафа Харисова в отечественную филологическую науку (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 2 (64). – С. 66–69. {*M.Kh. Nadergulov*. Contribution of scientist and writer Akhnaf Kharisov to the Russian philological science (to the 100th anniversary of his birth) // Issues of Oriental Studies. – 2014. – No. 2 (64). – PP. 66–69.}

- Надергулов 2016в – *Надергулов М.Х.* Утешение просветителя. (Об одном из последних сочинений Ризы Фахретдинова) // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию видного ученого-тюрколога Э.Р. Тенишева (Уфа, 31 мая – 3 июня 2016 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 257. {*M.Kh. Nadergulov.* Consolation of the Enlightener (about one of the last works of Riza Fakhretdinov) // Ural-Altai: Through a Century into the Future: proceedings of the 7th All-Russian Turkological conference (with international participation) dedicated to the 95th anniversary of the prominent scientist-Turkologist E.R. Tenishev (Ufa, May 31 – June 3, 2016). – Ufa: IHLL USC RAS (Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), 2016. – P. 257.}
- Надергулов 2018 – *Надергулов М.Х.* Новонайденные материалы по биографии и творчеству Акмуллы // *Libri Magistri.* – Вып. 5. Аксиологический диалог культур. – Магнитогорск, 2018. – С. 32–39. {*M.Kh. Nadergulov.* Newly found materials on the biography and work of Akmulla // *Libri Magistri.* – Issue 5. Axiological dialogue of cultures. – Magnitogorsk, 2018. – PP. 32–39.}
- Родословная 1997 – Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями титулярного советника и кавалера Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами / Перевод на башк. яз. *М.Х. Надергулова*, перевод на рус. яз., подготовка к изд. *Р.М. Булгакова.* – Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1997. – 88 с., 24 л. прил. {Genealogy of the Bashkirs of the Yumran-Tabyn volost with information from titular counselor and chevalier Mukhametsalim Umetbaev, supplemented with related documents / Translation into Bashkir by *M.Kh. Nadergulov*, translation into Russian, preparation for publishing by *R.M. Bulgakov.* – Ufa: Nur-Polygraphizdat, 1997. – 88 p., 24 sh. app.}
- Антология 2001 – Башкорт шигриэте антологияһы / Төз., баш һүз авторы *Р.Т. Бикбаев, Ф.Б. Хөсәйенов, М.Х. Нәзерғолов, И.Л. Кинйәбулатов, Ф.С. Әхмәтова.* – Өфө: Китап, 2001. – 816 б. [Антология башкирской поэзии / Сост., автор вступ. статьи: *Р.Т. Бикбаев, Г.Б. Хусаинов, М.Х. Надергулов, И.Л. Киньябулатов, Ф.С. Ахметова.* – Уфа: Китап, 2001. – 816 с.] {Anthology of Bashkir poetry / Comp. by *R.T. Bikbaev, G.B. Khusayinov, M.Kh. Nadergulov, I.L. Kiniyabulatov, F.S. Akhmetova.* – Ufa: Kitap, 2001. – 816 p.} (In Bashkir.)
- Башкорт 1999 – Башкорт әзәбиәте антологияһы: 2 томда. – Т. 1. – XIII–XVIII быуаттар / Төз., баш һүз авторы *М.Х. Нәзерғолов, Ф.Б. Хөсәйенов.* – Өфө: Китап, 1999. – 464 б. [Антология башкирской литературы: в 2-х т. – Т. 1. – XIII–XVIII века / Сост., авторы вступ. статьи: *М.Х. Надергулов, Г.Б. Хусаинов.* – Уфа: Китап, 1999. – 464 с.] {Anthology of Bashkir literature: in 2 vol. – Vol. 1. – 13th–18th centuries / Comp., authors of the introduction, articles by *M.Kh. Nadergulov, G.B. Khusainov.* – Ufa: Kitap, 1999. – 464 p.} (In Bashkir.)
- Башкорт 2007 – Башкорт әзәбиәте антологияһы: 2 томда. – Т. 2. – XIX быуат / Төз., баш һүз авторы *М.Х. Нәзерғолов, Ф.Б. Хөсәйенов, З.Й. Шарипова.* – Өфө: Китап, 2007. – 388 б. [Антология башкирской литературы: в 2 т. – Т. 2. – XIX век / Сост., авторы вступ. статьи: *М.Х. Надергулов, Г.Б. Хусаинов, З.Я. Шарипова.* – Уфа: Китап, 2007. – 388 с.] {Anthology of Bashkir literature: in 2 vol. – Vol. 2. – The 19th century / Comp., authors of the introduction: *M.Kh. Nadergulov, G.B. Khusayinov, Z.Ya. Sharipova.* – Ufa: Kitap, 2007. – 388 p.} (In Bashkir.)
- Кейёков 2011 – *Кейёков Ф.* Башкорт тарихы вә иракте нәсәбе / Төз., инеш һүз авторы, аңлатмалар биреүсе *М.Х. Нәзерғолов.* – Өфө: РФА ӨҮҮ ТТӘИ, 2011. – 112 б. [*Кииков Г.* Башкирская история и родословная [племена] иракты / Сост., автор предисловия, комментарии *М.Х. Надергулова.* – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2011. – 112 с.] {*G. Kiikov.* Bashkir history and genealogy of the *iräkte/irakty* tribe / Comp., author of the preface, comments by *M.Kh. Nadergulov.* – Ufa: Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS (Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences), 2011. – 112 p.} (In Bashkir.)
- Нәзерғолов 2004 – *Нәзерғолов М.Х.* XVI–XX быуат башы башкорт тарихи язмаларының стиль үзенсәлектәре. – Өфө: Гилем, 2004. – 94 б. [*Надергулов М.Х.* Стилиевые особенности башкирских исторических сочинений XVI – начала XX веков. – Уфа: Гилем, 2004. – 96 с.] {*M.Kh. Nadergulov.* Stylistic features of Bashkir historical works of the 16th–early 20th centuries. – Ufa: Ghilem, 2004. – 96 p.} (In Bashkir.)
- Сокорой 1995 – *Сокорой Ф.* Шәм яктыһы: Шигырзар, сәсмә әсәрҙәр, тарихи язмалар, хаттар / Текстологик эштәрҙе башкарыусы, төзөүсе баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе *М.*

- Нәзәрғолов. – Өфө: Китап, 1995. – 96 б. [*Чокрой Г.* Свет лампы: Стихи, проза, исторические записи, письма / Текстологическая работа, предисловие, комментарии М.Х. Надергулова. – Уфа: Китап, 1995. – 96 с.] {*G. Chokroy.* Lamp light: Poems, prose, historical notes, letters / Textual work, preface, comments by M.Kh. Nadergulov. – Ufa: Kitap, 1995. – 96 p.} (In Bashkir.)
- Фәхретдинов 2009 – *Фәхретдинов Р.* һайланма әсәрҙәр / Текстологик эштәрҙе башкарыусы, төзөүсе, баш һүз авторы, аңлатмалар биреүсе М. Нәзәрғолов. – Өфө: Китап, 2009. – 304 б. [*Фәхретдинов Р.* Избранные сочинения / Текстологическая работа, сост., автор предисловия, комментарии М. Надергулова. – Уфа: Китап, 2009. – 304 с.] {*R. Fakhretdinov.* Selected works / Textual work, compilation, author of the preface, comments by M. Nadergulov. – Ufa: Kitap, 2009. – 304 p.} (In Bashkir.)
- XIX–XX быуат 2006 – XIX–XX быуат башы башкорт прозаһы өлгөләрә / Инеш һүз авторы, яуаплы мөхәррире *М.Х. Нәзәрғолов.* – Өфө: Ғилем, 2006. – 194 б. [Образцы башкирской прозы XIX – начала XX веков / Автор вступ. статьи, отв. ред.: *М.Х. Надергулов.* – Уфа: Ғилем, 2006. – 194 с.] {Samples of Bashkir prose of the 19th–early 20th centuries / Author of the introduction, responsible editor: *M.Kh. Nadergulov.* – Ufa: Ghilem, 2006. – 194 p.} (In Bashkir.)
- Язма 2006 – Язма дастандар / *М.Х. Нәзәрғолов, Ғ.Б. Хөсәйенов, Ә.М. Сөләймәнов.* – Өфө: Ғилем, 2006. – 163 б. [Письменные дастаны / *М.Х. Надергулов, Ғ.Б. Хусаинов, А.М. Сулейманов.* – Уфа: Ғилем, 2006. – 163 с.] {Written dastans / *M.Kh. Nadergulov, Ғ.Б. Khusayinov, А.М. Suleymanov.* – Ufa: Ghilem, 2006. – 163 p.} (In Bashkir.)
- Başkurt 2009 – Başkurt Şecereleri = Башкорт шәжәрәләре / Kitabı derleyen ve yayına hazırlayan: Ahat Salihov; Başkurtça Bölümü: Minlegali Nadergulov, Türkiye Türkçesi: Ahat Salihov. – Ankara, 2009. – 184 s. [Башкирские шеджере / Составление и подготовка к изданию: Ахат Салихов; Башкирский раздел: Минлегали Надергулов, Турецкий язык: Ахат Салихов. – Анкара, 2009. – 184 с.] {Bashkir Genealogies/Shajaras / Compiled and prepared for publication by: Akhat Salikhov; Bashkir Section: Minlegali Nadergulov, Turkish: Akhat Salikhov. – Ankara, 2009. – 184 p.} (In Turkish.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 3–4 (40–41), pp. 133–144. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-133-144

«СУДЬБА БЫЛА ВСЕГДА БЛАГОСКЛОННА КО МНЕ» (К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВЕДА И ПЕДАГОГА Ю.В. ПСЯНЧИНА)

*Магомед Ибрагимович Магомедов¹, Мария Дмитриевна Чертыкова²,
Флюр Шарифуллович Сибагатов³, Римма Талгатовна Муратова⁴*

¹ Дагестанский государственный педагогический университет,
г. Махачкала, Россия
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего языкознания,
руководитель аварской секции Союза писателей Республики Дагестан
e-mail: rafrus1@yandex.ru

² Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Scopus ID: 57215067107
e-mail: chertikova@yandex.ru

³ Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан,
г. Уфа, Россия
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий отделом рукописей и редких изданий
e-mail: jamashta@mail.ru

⁴ Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания
Scopus ID: 57203181636
ORCID: 0000-0003-4223-0675
e-mail: bairima@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Магомедов М.И., Чертыкова М.Д., Сибагатов Ф.Ш., Муратова Р.Т., 2023

Для цитирования: *Магомедов М.И., Чертыкова М.Д., Сибагатов Ф.Ш., Муратова Р.Т.*
«Судьба была всегда благосклонна ко мне» (к 60-летию со дня рождения башкирского
языковеда и педагога Ю.В. Псянчина) // *Российская тюркология*. 2023. № 3–4 (40–41). С. .
DOI 144.

**“Fate has always been kind to me”
(to the 60th anniversary of Bashkir linguist and educator Yu.V. Psyanchin)**

***Magomed Ibragimovich Magomedov*¹, *Maria Dmitrievna Chertykova*²,
*Flur Sharifulloevich Sibagatov*³, *Rimma Talgatovna Muratova*⁴**

¹ Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia

Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics,
Head of the Avar section of the Union of Writers of the Republic of Dagestan
e-mail: rafrus1@yandex.ru

² Khakass State University named after N.F. Katanov, Abakan, Russia

Dr. Habil. in Philology, Leading Researcher at the Institute of Humanitarian Studies
and Sayano-Altai Turkology
Scopus ID: 57215067107
e-mail: chertikova@yandex.ru

³ National Library named after Akhmet-Zaki Validi of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia

Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Manuscripts and Rare
Editions
e-mail: jamashta@mail.ru

⁴ The Badge of Honor Award Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal

Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
Ph.D. in Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics
Scopus ID: 57203181636
ORCID: 0000-0003-4223-0675
e-mail: bairima@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Magomedov M.I., Chertykova M.D., Sibagatov F.Sh., Muratova R.T., 2023

For citation: *Magomedov M.I., Chertykova M.D., Sibagatov F.Sh., Muratova R.T.* “Fate has always been kind to me” (to the 60th anniversary of Bashkir linguist and educator Yu.V. Psyanchin) // Russian Turkology. 2023. No. 3–4 (40–41). PP. . DOI 144.

В октябре 2023 г. научная общественность Республики Башкортостан широко отметила 60-летие со дня рождения¹ известного российского и башкирского язы-

¹ *Сибгатов Ф.* Төркият донъяһында кайнап йэшәй // Ватандаш (Соотечественник). – 2023. – № 11. – 82–92-се бб.; *Шәңгәрәйева Р.* «Телем – язмышым, намысым һәм иманым» (Телсе-ғалим һәм мәғрифәтсе-методист Юлай Псәнчингә – 60 йәш) // Башкортостан. – 2023. – 8 октябрь. – № 76 (28 078); *Гәрәйева Г.* Мондый галимнәр булганда тел киләчәге якты! (Абруйлы профессор, филология фәннәре докторы, педагог һәм лингвометодист Юлай Псәнчинга – 60 йәш!) // Кызыл таң. – 2023. – 10 октябрь. – № 78 (25832); 2023 год. Октябрь. 9 октября. 60 лет со дня рождения Псянчина Юлая Валиевича // Календарь знаменательных и памятных дат Республики Башкортостан. 2023. – Уфа: Мир печати, 2022. – С. 178.; «Автограф». Выпуск от 14 октября 2023 года. – URL: <http://bash.news/bst/avtograf/125434> (дата обращения: 14.10.2023); Это большое счастье – служить своему народу (профессору Ю.В. Псянчину – 60!) // Национальная библиотека им. А.-З. Валиди. –

к.ф.н., доц. Ф.Ш.Сибгатов и д.ф.н., проф. Ю.В.Псянчин
на юбилейной конференции. Уфа, 2023 г.

коведа и педагога, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАЕН, старшего научного сотрудника отдела научных исследований и инспекционного контроля Государственного автономного учреждения «Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии» Псянчина Юлая Валиевича².

27 октября 2023 г. – URL: <http://www.bashnl.ru/novosti/28535/> (дата обращения: 28.11.2023); Билдэле тел белгесе Юлай Псянчин 60 йэшлек юбилейын билдэлэй. – 27 октябрь, 2023. – URL: <https://bash.news/bash/news/212476-bildele-tel-belgese-iulai-psencinge-60-ieslek-iubileiyn-bildelei/> (дата обращения: 28.11.2023); Луиза Самситова приняла участие в круглом столе, посвященном 60-летию доктора филологических наук, профессора Юлая Псянчина. – 30 октября 2023 г. – URL: <https://strategy.bashkortostan.ru/presscenter/news/579039/> (дата обращения: 30.11.2023); Мухаметьянова М. В Национальной библиотеке чествовали Юлая Валиевича. – 30 октября 2023 г. – URL: <https://vatandash.ru/news/novosti/2023-10-30/v-natsionalnoy-biblioteke-chestvovali-yulaya-psyanchina-3498129/> (дата обращения: 30.11.2023); «Беззек донъя». Тура эфир: Юлай Псянчин «Ашказар»за кунакта. – 2 ноябрь, 2023 йыл. – URL: https://vk.com/video-108520876_456240598/ (дата обращения: 03.11.2023); Дмитрий Иванов поздравил Юлая Псянчина с 60-летием. – 08.11.2023 г. – URL: <http://ldpr-rb.ru/news/19683.html/> (дата обращения: 09.11.2023).

² *Поварисов С.Ш.* ПСЯНЧИН Юлай Валиевич // Башкирская энциклопедия. Т. 5. П – Советы. – Уфа: Научн. изд-во «Башкирская энциклопедия», 2009. – С. 218; *Поварисов С.Ш.* Тәрж. Р.Ә. Сиражетдинов. ПСЯНЧИН Юлай Валиевич // Башкорт энциклопедияһы. Т. 5. П–С. – Өфө: БР-ның «Башкорт энциклопедияһы» ҒНКАДУ, 2016. – 141-се б.; ПСЯНЧИН Юлай Валиевич – URL: <https://bashenc.online/ru/articles/78671/> (дата обращения: 01.12.2023).

27 октября 2023 г. в Национальной библиотеке им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан состоялся республиканский круглый стол, посвященный этому событию. Мероприятие прошло в рамках Года педагога и наставника в Российской Федерации. Поздравить известного языковеда и педагога собрались ученые, писатели, государственные и общественные деятели, его коллеги и родные. Профессора Правительственной телеграммой поздравил Глава Республики Башкортостан Радий Хабиров, с приветственным словом к юбиляру обратился директор Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди РБ А.А. Ибрагимов, который отметил, что труды профессора востребованы среди читателей библиотеки, особенно среди студентов, преподавателей и ученых. Он особо подчеркнул, что «башкирский язык должен звучать в республике и за пределами России. А звучать он может только тогда, когда язык изучается как наука. Помимо того, что его распространяют поэты и писатели, он должен иметь под собой научное обоснование и свою научную среду. Вот в этом огромная заслуга профессора Ю.В. Псянчина. Если говорить о башкирском языке, то надо отметить, что во многом национальные языки страдают от того, что нет качественного перевода. Именно это мешает распространению художественной литературы на башкирском языке среди народов России. И задача филологов – помочь в этой ситуации».

Интервью Ю.В. Псянчина Башкирскому спутниковому телевидению

Сам юбиляр в своем заключительном слове поблагодарил своих родителей, учителей, присутствующих и назвал себя счастливым человеком. «Я считаю себя счастливым человеком. Почему? В 1970 году, когда только открыли башкирскую школу № 20 в г. Уфе, я стал первоклассником и в 1980 году окончил эту школу.

Это был первый выпуск моей школы. В том же году поступил в Башкирский государственный университет имени 40-летия Октября на филологический факультет, на башкирско-русское отделение. После завершения обучения в 1985 году стал аспирантом Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы. Здесь я попал в аспирантуру к Нажибе Хаерзамановне Максютовой, которая была первым доктором филологических наук из числа башкирских женщин. Это накладывало большую ответственность. Защитил диссертацию. В пединституте, который получил статус Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, прошел путь от ассистента до профессора кафедры. Участвовал в открытии факультета башкирской филологии. За это я благодарен работавшим в то время декану, профессору Фирдаус Гильмитдиновне Хисаметдиновой и ректору Эдуарду Шайхулловичу Хамитову. Благодарен своему научному консультанту по докторской диссертации Эдхаму Рахимовичу Тенишеву, в 2000 году защитил докторскую диссертацию под его руководством. Он подготовил 8 докторов наук для нашей республики. Это самый настоящий научный подвиг. Сотрудничаю с национальной автономией татар Пензы – это родина моего Великого учителя. Являюсь соавтором 4 школьных учебников, 2 из которых вошли в федеральный список.

Считаю, что это большое счастье – 32 года служить в качестве автора учебников своему народу, башкирской национальной школе, развивать национальное образование. Я благодарен судьбе. А судьба была всегда благосклонна ко мне», – завершил свое выступление Юлай Валиевич.

В день юбилея в кругу друзей, коллег и семьи

Юлай Валиевич Псянчин родился 9 октября 1963 г. в г. Уфе в семье известного башкирского ученого-языковеда, тюрколога и педагога-методиста, специалиста по лингвопоэтике, исторической грамматике, истории башкирского литературного языка, культуре башкирской речи и риторике Вали Шагалиевича Псянчина (1930–2013). Младший брат юбиляра Айбулат Валиевич – первый доктор географических наук из числа башкир.

Юлаю Валиевичу посчастливилось с детства впитать в себя славный дух науки, царивший в их доме, что тоже явилось причиной его дальнейшего интереса к гуманитарным наукам. Также свою лепту в приобщении сына к науке внесла и мать – Кильмухаметова Лилия Габдулбареевна, библиотекарь по образованию, которая проработала последние десять лет перед выходом на пенсию заведующим сектором биологии, географии и права в библиографическом отделе библиотеки Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября.

Но здесь следует упомянуть еще об одном факте из биографии юбиляра: предки Юлая Валиевича Псянчина тоже были людьми образованными для своего непростого времени. Дед со стороны отца Шагали Мухаметсакеевич Псянчин (1909–1944), уроженец д. 1-е Давлеткулово нынешнего Кугарчинского района, в свое время окончил Башкирский педагогический техникум, который располагался тогда в Оренбургском Караван-Сарае. В 1941 г. ушел на фронт с должности директора Санзяповской неполной средней школы Кугарчинского района. Состоял в ВКП(б) с 1939 г. Воевал младшим политруком. В 1944 г. был удостоен ордена Красной звезды. Пал смертью храбрых весной того же 1944 г. в тяжелых боях за освобождение Одессы. Похоронен старший сержант Шагали Псянчин в братской могиле в д. Петровка Одесской области. Посмертно награжден орденом Отечественной войны второй степени. Это его четвертая боевая награда.

Дед со стороны матери – Кильмухаметов Габдельбарый Гиндалифович (1916–1944), уроженец д. Ибрагимово нынешнего Кармаскалинского района, проходил срочную службу в г. Москве, в Кремлевском полку. После демобилизации в звании младшего лейтенанта служил в Кармаскалинском райвоенкомате и руководил районным отделением ОСАВИАХИМа СССР. Активно занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи, очень часто выступал в качестве пропагандиста и агитатора. Был членом в ВКП(б) с 1939 г. В 1941 г. ушел на фронт, воевал в составе знаменитой 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, пал смертью храбрых в 1944 г. в звании старшего лейтенанта.

Также в воспитании Юлая Псянчина приняли самое непосредственное участие его бабушка со стороны матери Майсрур Абдулловна Давлетбаева (1919–2005) и ее супруг, отчим его матери Исламетдин Фазлетдинович Давлетбаев (1913–1989), которого юбиляр почитает как родного деда. Их он всегда вспоминает с большим уважением.

В 80-е гг. прошлого века филологический факультет Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября был одним из ведущих гуманитарных факультетов среди национальных университетов страны. Тогда на факультете функционировали научные школы профессоров Дж.Г. Киекбаева, Л.Г. Барага, В.С. Синенко, М.Г. Хайруллиной, А.Н. Киреева (Кирея Мергена), Л.М. Васильева, Г.Х. Ахатова. Каждая кафедра выпускала свой сборник научных статей, кото-

рые всегда были востребованы на всесоюзном уровне. Это такие сборники, как «Исследования по семантике», «Фольклор народов РСФСР», «Вопросы башкирского языкознания», «Вопросы башкирской литературы (литература, фольклор, литературное наследие)». На базе факультета традиционно проводились всесоюзные и всероссийские научные конференции, школы-семинары по актуальным проблемам отечественной тюркологии.

По окончании вуза в 1985–1988 гг. обучался в очной аспирантуре Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР по специальности 10.02.06 «Тюркские языки». Его научным руководителем была, как было отмечено выше, первый доктор филологических наук из числа башкирских женщин Нажиба Хаерзамановна Максютлова (1932–2004). В апреле 1990 г. Ю.В. Псянчин в г. Баку на заседании Специализированного совета Д 004.07.01 при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка» [Псянчин 1990а; Псянчин 1990б].

В 1989–1998 гг. трудился ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры башкирского языка Башкирского государственного педагогического института. За годы работы в этом вузе вел такие учебные дисциплины, как «Практический курс башкирского языка», «Башкирская диалектология», «Современный башкирский язык. Словообразование», «Современный башкирский язык. Синтаксис», «Стилистика башкирского языка», а также дисциплины по специализации «Лексика движения башкирского языка» и спецкурс «Основы этнолингвистики (на примере башкирского фольклора)», ежегодно выезжал в диалектологические экспедиции. Он также являлся заместителем декана по научно-исследовательской работе студентов, членом Совета факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического института, председателем профбюро этого же факультета.

С сентября по ноябрь 1997 г. стажировался в Институте языкознания РАН (г. Москва), после чего был принят в целевую докторантуру Института языкознания РАН по специальности 10.02.06 «Тюркские языки» от Башкирского государственного педагогического института. В качестве его научного консультанта был утвержден заведующий Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, член-корреспондент РАН, почетный академик Академии наук Республики Башкортостан, доктор филологических наук, профессор Эдхам (Эдгем) Рахимович Тенишев (1921–2004).

В ноябре 2000 г. на заседании Диссертационного совета Д 002.17.02 защитил докторскую диссертацию на тему «Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка». В 2001–2007 гг. работал доцентом, затем профессором кафедры башкирского языка ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», подготовил трех кандидатов наук, а при научном консультировании Ю.В. Псянчина в 2016 г. была защищена докторская диссертация М.Д. Чертыковой на тему «Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке: системно-семантический аспект».

Тенишевские чтения. Москва, ИЯз РАН

Много лет трудился профессором кафедры психолого-педагогического и гуманитарного образования Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова». За период работы в данном учебном заведении провел семь Открытых республиканских олимпиад по родным языкам и культуре Башкортостана, при этом еще и являлся председателем жюри по башкирскому языку. В октябре 2009 г. утвержден в ученом звании профессора.

Юлая Валиевича интересует широкий круг научных проблем. Мы знаем его как исследователя вопросов лексики, глагольной семантики, истории лингвистической науки и методики преподавания родного (башкирского) языка. Но мы знаем еще Юлая Валиевича Псянчина и как основателя теории грамматической стилистики башкирского языка в отечественной тюркологии. Результаты исследований Ю.В. Псянчина изложены в работах «Стилистика имени существительного башкирского языка: категория множественности» (Уфа, 1999) [Псянчин 1999], «Стилистика словоизменяемых категорий имени существительного башкирского языка» (Уфа, 2000) [Псянчин 2000a], «Основы грамматической стилистики башкирского языка: на примере категории падежа имени существительного» (Уфа, 2006) [Псянчин 2006], «Стилистика имени существительного башкирского языка: категория падежа» (Уфа, 2007) [Псянчин 2007], «История изучения стилистики башкирского языка (20–70-е гг. XX в.)» (Стерлитамак, 2009) [Псянчин 2009]. В 2013 г. Ю.В. Псянчинным к своему 50-летию была подготовлена монография «Проблемы региональной тюркологии. Часть первая: опыт системного анализа», изданная в 2014 г. [Псянчин 2014]. Перу Юлая Валиевича Псянчина принадлежит более двухсот публикаций. Он является участником многих научных мероприятий различного уровня, также его знают как редактора и члена редколлегии многих изданий.

Ю.В. Псянчин известен как соавтор четырех школьных учебников по башкирскому языку (первая линия) с грифом Министерства образования Республики Башкортостан.

Так, его учебно-методическое издание «Башкирский язык: учебник для 5-го класса башкирской школы» выдержало 10 изданий (1991, 1995, 1999, 2003, 2007, 2011, 2016, 2017, 2020, 2023 гг.). Выпуски этого учебника с 1991 по 1999 гг. издавались под названием «Башкирский язык», в 2003–2011 гг. – под названием «Родной язык», с 2016 г. по настоящее время он снова печатается под названием «Башкирский язык». Издания 2016, 2017 и 2020 гг. написаны на основе ФГОС второго поколения, выпуск 2024 г. – на основе ФГОС третьего поколения.

Другое его учебно-методическое издание «Башкирский язык. Язык и культура речи: учебник для 9-го класса башкирской школы» издавался в 2016, 2017, 2020 и 2023 гг. Первые три издания подготовлены на основе ФГОС второго поколения, четвертое издание – на основе ФГОС третьего поколения.

Параллельно каждое названное учебно-методическое пособие сопровождается электронным вариантом учебника. Также при активном участии Ю.В. Псянчина изданы: 1) «Методическое руководство к учебникам “Башкирский язык” для 5 класса общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения» (Уфа, 2016; Уфа, 2017); 2) «Методическое руководство к учебникам “Башкирский язык” для 9 класса общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения» (Уфа, 2016; Уфа, 2017); 3) «Методическое пособие к учебнику “Башкирский язык” для 5 класса общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения» (Уфа, 2023); 4) «Методическое пособие к учебнику “Башкирский язык” для 9 класса общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения» (Уфа, 2023).

Учебники для 5 и 9 классов включены в Федеральный список (Приказ Министерства просвещения Российской Федерации «О федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования», № 345 от 28.12.2018 г.) в декабре 2018 г.

Юлай Валиевич также является соавтором учебного пособия «Башкирский язык: учебное пособие для 10–11 классов общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения» (2001, 2005, 2009, 2014, 2018, 2021 гг.; всего – 6 изданий; в 2001, 2005, 2009 гг. издавался под названием «Родной язык»).

Все учебники, написанные Ю.В. Псянчиным, созданы на основе теории и практики коммуникативных методов обучения языку. В них на первый план выдвигается работа над развитием речи учащихся; сами теоретические сведения выводятся на основе анализа изучаемых явлений языка на примере классических художественных, публицистических текстов и образцов башкирского устно-поэтического творчества

Эти учебники также активно используются и в сопредельных регионах Российской Федерации (Челябинская, Самарская, Оренбургская, Курганская области и Пермский край), где компактно проживают башкиры. Они успели получить высокую оценку в СМИ от учителей-практиков и ведущих специалистов по методике преподавания родного языка.

Ю.В. Псянчин – соавтор оригинального учебно-методического труда «Сборник упражнений к учебнику “Родной язык: 10–11 классы: (Пособие для учащихся)”» (Уфа, 2003; с грифом Министерства образования Республики Башкортостан);

подготовленная им программа «Башкирский язык: 10 класс» (с грифом Министерства образования Республики Башкортостан) выдержала три издания: в 1999, 2002 и 2008 гг.

Таким образом, своими трудами Ю.В. Псянчин внес существенный вклад в совершенствование методики обучения родному языку в башкирской школе.

Ю.В. Псянчин в 2017 г. был избран членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, в том же году он стал членом редколлегии всероссийского научно-теоретического журнала «Российская тюркология». Он также состоит и в редколлегии всероссийского научного журнала «Родной язык. Лингвистический журнал».

Юлай Валиевич – член Общества востоковедов России с 2004 г. В том же 2004 г. на IV Научно-организационном съезде востоковедов России в г. Москве был избран вице-президентом Общества востоковедов РАН сроком на два года, то есть на 2004–2006 гг. В сентябре 2006 г. Ю.В. Псянчин в качестве вице-президента названного научного сообщества принял деятельное участие в проведении V Научно-организационного съезда востоковедов в г. Уфе под девизом «Восток в исторических судьбах России».

Юлай Валиевич с 2003 г. является членом-корреспондентом общественной организации «Российская академия естественных наук» по Отделению «Российская энциклопедия».

При участии Ю.В. Псянчина был издан трехтомник избранных трудов выдающегося отечественного языковеда-тюрколога, члена-корреспондента АН СССР и РАН Э.Р. Тенишева (1921–2004) [Тенишев 2004а; Тенишев 2004б; Тенишев 2011]. Ю.В. Псянчин является автором многих публикаций, посвященных памяти своего великого учителя Эдхяма Тенишева [Псянчин 2021а; Псянчин 2021б; Псянчин 2021в; Псянчин 2021г; Псянчин 2022], активно сотрудничает с его земляками в лице региональной общественной организации «Татарская национально-культурная автономия Пензенской области», участвует в мероприятиях, посвященных всемирно известному ученому.

Ю.В. Псянчин на протяжении ряда лет продолжает сотрудничать с Институтом языкознания РАН, Институтом востоковедения РАН, Институтом стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского исследовательского центра РАН, Институтом истории, языка и литературы Уфимского федерального центра РАН, Министерством образования и науки Республики Башкортостан, Национальной библиотекой им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан, Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы.

За успехи и достижения в научно-исследовательской и педагогической деятельности Юлай Валиевич Псянчин удостоен звания «Отличник образования Республики Башкортостан» (2013), медали Исполкома Всемирного курултая (конгресса) башкир «Ал да нур сәс халкыңа! («Неси людям солнца свет!») (2021), нагрудного знака имени академика Г.Н. Волкова «За достижения в педагогике» Министерства образования Чувашской Республики (2023), Почетной грамоты Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан (2023), По-

четной грамоты Министерства образования и науки Республики Башкортостан (2023), Почетной грамоты Уфимского федерального исследовательского центра РАН (2023) и других поощрений.

Коллеги и единомышленники поздравляют Юлая Валиевича с юбилеем и желают ему новых высот и достижений в науке и образовании!

Библиография основных трудов Ю.В. Псянчина

- Псянчин 1989 – Псянчин Ю.В. Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Уфа, 1989. – 159 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. The lexical and semantic field of the verbs of movement of the Bashkir language: Ph.D. thesis: 10.02.06. – Ufa, 1989. – 159 p.}
- Псянчин 1990 – Псянчин Ю.В. Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Баку, 1990. – 21 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. The lexical and semantic field of the verbs of movement of the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract: 10.02.06. – Baku, 1990. – 21 p.}
- Псянчин 1999 – Псянчин Ю.В. Стилистика имени существительного башкирского языка: категория множественности. – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 1999. – 74 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. Stylistics of the noun of the Bashkir language: the category of plurality. – Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB (Editorial and Publishing Division of the Republican Educational and Scientific Methodological Centre of the State Science Committee of the Republic of Bashkortostan), 1999. – 74 p.}
- Псянчин 2000а – Псянчин Ю.В. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного башкирского языка: монография. – Уфа: РИЦ «Старая Уфа», 2000. – 232 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. Stylistics of inflectional categories of the noun of the Bashkir language: a monograph. – Ufa: RITs “Staraya Ufa”, 2000. – 232 p.}
- Псянчин 2000б – Псянчин Ю.В. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06. – М., 2000. – 333 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. Stylistics of inflectional categories of the noun of modern Bashkir literary language: Dr. Habil. thesis: 10.02.06. – Moscow, 2000. – 333 p.}
- Псянчин 2000в – Псянчин Ю.В. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06. – М., 2000. – 57 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. Stylistics of inflectional categories of the noun of modern Bashkir literary language: Dr. Habil. diss. abstract: 10.02.06. – Moscow, 2000. – 57 p.}
- Псянчин 2006 – Псянчин Ю.В. Основы грамматической стилистики башкирского языка: на примере категории падежа имени существительного: (Программа, конспект лекций, тематика рефератов и выступлений, контрольные вопросы). – Уфа: ООО «Штайм», 2006. – 78 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. Fundamentals of grammatical stylistics of the Bashkir language: on the example of the noun category of case: (Program, lecture notes, topics of papers and reports, control questions). – Ufa: LLC “Shtime”, 2006. – 78 p.}
- Псянчин 2007 – Псянчин Ю.В. Стилистика имени существительного башкирского языка: категория падежа: (Методические рекомендации): Программа, конспект лекций, тематика рефератов и выступлений, контрольные вопросы). – Уфа: ООО «Штайм», ООО Издательский дом «Чурагул», 2007. – 78 с. {*Yu.V. Pseyanchin*. The stylistics of noun of the Bashkir language: the category of case: (methodological recommendations): Program, lecture notes, topics of papers and reports, control questions). – Ufa: LLC “Shtime”, LLC Publishing House “Churagul”, 2007. – 78 p.}
- Псянчин 2009 – Псянчин Ю.В. Башкорт теле стилистикаһын өйрәнеү тарихы (XX-се быуаттың 20–70-се йылдары): «Башкорт теленең стилистикаһы» курсы буйынса методик күрһәтмәләр: (лекцияларҙың конспекты, ғилми эзәбиәт исемлеге). – Стерлитамак: З. Бишева ис. СДПА, 2009. – 48 б. [*Псянчин Ю.В. История изучения стилистики башкирского языка (20-е–70-е годы XX века): Методические рекомендации по курсу «Стилистика башкирского языка»: (конспекты лекций, список научной литературы).* – Стерлитамак: СГПА им. З. Бишевой, 2009. – 48 с.] {*Yu.V. Pseyanchin*. The history of studying the stylistics of the Bashkir language (20s–70s of the 20th century): Methodological recommendations for the course “Stylistics of the Bashkir language”: (lec-

- ture notes, list of scientific literature). – Sterlitamak: SSPA (Sterlitamak State Pedagogical Academy) named after Z. Biisheva, 2009. – 48 p.} (In Bashkir.)
- Псянчин 2014 – Псянчин Ю.В. Проблемы региональной тюркологии. Часть первая: Опыт системного анализа. Монография. – Уфа: УГУЭС, 2014. – 201 с. {Yu.V. Psyanchin. Problems of regional Turkology. Part one. An attempt at a systematic approach. A Monograph. – Ufa: UGUES/USUES (Ufa State University of Economics and Service), 2014. – 201 p.}
- Псянчин 2021а – Псянчин Ю.В. Вклад Э.Р. Тенишева в науку Башкортостана (к 100-летию со дня рождения) // Российская тюркология. – М., 2021. – № 1–2 (30–31). – С. 66–77. {Yu.V. Psyanchin. E.R. Tenishev's contribution to the science of Bashkortostan (to the 100th anniversary of his birth) // Russian Turkology. – Moscow, 2021. – No. 1–2 (30–31). – PP. 66–77.}
- Псянчин 2021б – Псянчин Ю.В. Он был для нас вторым отцом // Российская тюркология. – М., 2021. – № 1–2 (30–31). – С. 91–97. {Yu.V. Psyanchin. He was a second father to us // Russian Turkology. – Moscow, 2021. – No. 1–2 (30–31). – PP. 91–97.}
- Псянчин 2021в – Псянчин Ю.В., Мухамеджанова В.Ф., Самочкина Г.Х. Международная научно-практическая конференции «Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева» (Пенза, 21–23 апреля 2021 г.) // Российская тюркология. – М., 2021. – № 1–2 (30–31). – С. 108–121. {Yu.V. Psyanchin, V.F. Mukhamedzhanova, G.Kh. Samochkina. International scientific and practical conference “The Languages of Culture in the Context of Historical Heritage: to the 100th Anniversary of the E.R. Tenishev's Birth” (Penza, April 21–23, 2021) // Russian Turkology. – Moscow, 2021. – No. 1–2 (30–31). – PP. 108–121.}
- Псянчин 2021г – Псянчин Ю.В. Вклад востоковеда-тюрколога, члена-корреспондента РАН Э.Р. Тенишева (1921–2004) в изучение тюркских языков и народов Китая // Тюркология в просторах Евразии: преемственность поколений: Сб. матер. Межд. научн.-практ. онлайн-конф., посв. 75-летию со дня рожд. д. филол. наук, проф. А.Г. Шайхулова (Республика Башкортостан, г. Уфа, 29 октября 2020 г.) / Отв. ред.: И.С. Насипов, Н.У. Халиуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2021. – С. 309–316. {Yu.V. Psyanchin. Contribution of Orientalist-Turkologist, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences E.R. Tenishev (1921–2004) to the study of Turkic languages and peoples of China // Turkology in the Vast Expanses of Eurasia: the Succession of Generations: A collection of materials of the International scientific and practical online conference, dedicated to the 75th anniversary of Dr. Habil. in Philology, Professor A.G. Shaykhulov (The Republic of Bashkortostan. Ufa, October 29, 2020) / Ed. by I.S. Nasipov, N.U. Khaliullina. – Ufa: RIO BashGU (Editorial and Publishing Division of Bashkir State University), 2021. – PP. 309–316.}
- Псянчин 2022 – Псянчин Ю.В. Открытие мемориальной доски в г. Пензе в честь Э.Р. Тенишева // Российская тюркология. – М., 2022. – № 3–4 (36–37). – С. 91–94. {Yu.V. Psyanchin. Opening of a memorial plaque in Penza in honor of E.R. Tenishev // Russian Turkology. – Moscow, 2022. – No. 3–4 (36–37). – PP. 91–94.}
- Проблемы региональной тюркологии. – Часть первая. – Научное издание / Ю.В. Псянчин. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2014. – 201 с. {Problems of the regional Turkology. – Part 1. – A scientific edition / Yu.V. Psyanchin. – Ufa: UGUES/USUES (Ufa State University of Economics and Service), 2014. – 201 p.}
- При редакторском участии Ю.В. Псянчина:
- Тенишев 2006а – Тенишев Э.Р. Избранные труды. – Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с. {E.R. Tenishev. Selected works. – Book 1. – Ufa: Ghilem, 2006. – 304 p.}
- Тенишев 2006б – Тенишев Э.Р. Избранные труды. – Книга вторая. – Уфа: Гилем, 2006. – 380 с. {E.R. Tenishev. Selected works. – Book 2. – Ufa: Ghilem, 2006. – 380 p.}
- Тенишев 2011 – Тенишев Э.Р. Избранные труды. – Книга третья. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2011. – 256 с. {E.R. Tenishev. Selected works. – Book Three. – Ufa: IHLL UFRC RAS (Institute of History, Language and Literature of the Federal State Budgetary Institution of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences), 2011. – 256 p.}

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Айбазова З.К., Алжанбекова З.К.* (Москва). Случаи актуальных семантических сдвигов в базисной лексике карачаево-балкарского языка5
- Савельев А.В.* (Москва). Комментарии к чувашским материалам Г.Ф. Миллера23
- Селендили Л.С. (Симферополь)*. Актуальные проблемы крымскотатарской пунктуации (на материале произведения Шамиля Алядина «Иблисиниъ зияфетине даъвет»).....52

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

- Леонтьев А.П.* (Чебоксары). Чувашская народная лирика: жанры и их систематизация64
- Сибгатов Ф.Ш.* (Уфа). Особенности творческого наследия первого народного поэта Башкортостана Мажита Гафури81

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

- Гусейнов Г.-Р. А.-К.* (Махачкала). Из истории функционирования кумыкского языка в Дагестане (вторая половина XIX – первая треть XX вв.)93
- Тадиинова Р.А.* (Москва). Интерпретация некоторых явлений пракыпчакской фонетики (на материале научных заметок проф. К.М. Мусаева)105

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- И.С. Насипов* (Уфа). «Этимология – наука, открывающая истину» (к 90-летию Р.Г. Ахметьянова)114

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

- Р.Ф. Исламов* (Екатеринбург), *Е.К. Созина* (Казань), *Ф.Ш. Сибгатов* (Уфа). Литературовед, археограф, текстолог (к 70-летию М.Х. Надергулова)122
- М.И. Магомедов* (Махачкала), *М.Д. Чертыкова* (Абакан), *Ф.Ш. Сибгатов* (Уфа), *Р.Т. Муратова* (Уфа). «Судьба была всегда благосклонна ко мне» (к 60-летию со дня рождения башкирского языковеда и педагога Ю.В. Псянчина)133

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Z.K. Aybazova, Z.K. Alzhanbekova* (Moscow). Cases of current semantic shifts in the basic vocabulary of the Karachay-Balkar language5
- A.V. Savelyev* (Moscow). Commentaries on G.F. Müller's Chuvash language materials23
- L.S. Selendili* (Simferopol). Topical problems of Crimean Tatar punctuation (based on Şamil Alâdin's work "İblisniñ ziyafetine da'vet" ('Invitation to the Devil's feast')).....52

LITERARY AND FOLKLORE STUDIES

- A.P. Leontyev* (Cheboksary). Chuvash folk lyrics: genres and their systematization64
- F.Sh. Sibagatov* (Ufa). Features of the creative heritage of Mazhit Gafuri, the first national Bashkir poet81

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

- G.-R. A.-K. Guseynov* (Makhachkala). On the history of functioning of the Kumyk language in Dagestan (second half of the 19th – first third of the 20th centuries)93
- R.A. Tadinova* (Moscow). Interpretation of some Pre-Кыпчак phonetics phenomena (based on the scientific notes of Professor K.M. Musaev)105

IN MEMORIAM

- I.S. Nasipov* (Ufa). "Etymology is a science that reveals the truth" (to the 90th anniversary of R.G. Akhmetyanov)114

ANNIVERSARIES

- R.F. Islamov* (Kazan), *Y.K. Sozina* (Yekaterinburg), *F.Sh. Sibagatov* (Ufa). Literary critic, archaeographer, textual critic (on the 70th anniversary of M.Kh. Nadergulov)122
- M.I. Magomedov* (Makhachkala), *M.D. Chertykova* (Abakan), *F.Sh. Sibagatov* (Ufa), *P.T. Mypamosa* (Ufa). "Fate has always been kind to me" (to the 60th anniversary of Bashkir linguist and educator Yu.V. Psyanchin).....133

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» (РТ) просит авторов присылать свои статьи для публикации на электронный адрес журнала: rosturcology@yandex.ru – с безличным обращением: Уважаемая редакция! При этом просим руководствоваться следующими правилами оформления представляемых в журнал статей; статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» печатается 2 раза в год сдвоенными номерами, объемом 10–12 а. л. каждый, т. е. фактически 4 номера в год. С 2020 г. журнал выходит только в электронной версии. Номера журнала доступны на сайте: <http://rosturcology.ru/>. Журнал индексируется в РИНЦ и находится в открытом доступе.

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, литературы, фольклора, истории и этнографии тюркских народов. Помимо научных статей, в журнале печатаются рецензии на научные издания, опубликованные за последние 5 лет и относящиеся к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на *русском, английском и турецком* языках. Статьи должны содержать – под личную гарантию авторов – неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и проверен носителем русского языка. Статьи, содержащие грубые грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Передавая рукопись в редакцию, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст статьи на интернет-ресурсах до тех пор, пока не будет принято решение о ее публикации в журнале «Российская тюркология».

РТ публикует материалы по следующим рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

- ◆ Научная жизнь
- ◆ Хроника
- ◆ Памяти ученого
- ◆ Персоналии

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности;
- ◆ проблемности;
- ◆ научной новизны;
- ◆ доказательности;
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материала для публикации.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку на уникальность. Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку вместе с замечаниями рецензентов и членов редколлегии.

Возвращение рукописи автору на доработку **не означает**, что статья не принята к печати. Автор должен доработать статью, отметив исправленные части текста желтым цветом и добавив индекс 2 к заголовку, а затем в 10-дневный срок переслать ее обратно в редакцию. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Статьи утверждаются к печати по решению редколлегии, в порядке общей очереди.

Требования к оформлению статьи

Авторский оригинал статьи может быть представлен для публикации в РТ на одном из трех языков – русском, английском или турецком в двух форматах – doc/docx или PDF (для контроля правильности отображения особых знаков).

Статья должна содержать следующие данные:

Код **УДК**, соответствующий тематике статьи или рецензии (указывается автором).

DOI (присваивается редакцией).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру. Он должен кратко и точно отражать содержание статьи или рецензии.

Благодарность или признательность (при необходимости) размещается в виде постраничной сноски к названию статьи и отмечается символом *. Здесь также можно указать информацию о финансовой поддержке исследования. Если статья является публикацией по подготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта (оформляется в виде сноски к заголовку статьи).

Сведения об авторах содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и ученые звания, а также должности с указанием места работы. Обязательно указать город и страну. Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий), телефон (для связи с редакцией, в журнале не публикуется). Сведения об авторе (авторах) следует также продублировать на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения. Каждый из авторов должен указать Scopus ID и ORCID (при наличии).

Аннотация (Abstract) на русском и английском языках (не менее 200 слов) должна отражать новизну, цели и задачи, основные методы, а также главные результаты работы. Она не должна содержать ссылки на разделы, цитаты, рисунки или номера цитируемой литературы.

Ключевые слова (Key words) на русском и английском языках (от 5 до 10 слов) используются для поиска читателем статьи в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тематику, объект и предмет исследования.

Текст

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – 1,5 строки, интервал до и после абзаца – 0, абзацный отступ – 0,75 см.

Примеры на национальных языках, а также на русском языке необходимо давать *курсивом*. Если пример оформлен оригинальным шрифтом, этот шрифт должен быть прислан в редакцию вместе со статьей по электронной почте.

Все примеры на национальных языках должны в **обязательном порядке** сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы приводятся прямым шрифтом в марровских кавычках (‘’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтами, поддерживающими Unicode.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статьи – от 0,7 до 1 а. л. (28–40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотацию и постраничные сноски. Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для РТ».

Иллюстрации

Число рисунков не должно превышать 5.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме «Вставка – Объект – Рисунок». Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (9 пт) и вставляются в режиме «Вставка».

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

Таблицы

Выполняются в режиме «Таблица» редактора Word с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

Список литературы

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Arial (9 пт).

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц.

Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения.

С 2019 г. введены дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям:

- литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках {};

- далее следует литература на национальных языках; она должна содержать перевод на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки, а также указание на язык издания (в круглых скобках);

- литература на иностранных языках (за исключением изданий на английском, немецком и французском языках) дается в списке после литературы на русском и национальных языках и должна быть переведена на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки и также содержать указание на язык издания (в круглых скобках).

В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

Примеры оформления

Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}

Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova. Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folk-*

lore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}

Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализаде С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh.* Old Azerbaijani script. – Baku: Baku University, 1993. – 142 p.}(In Azerbaijani)

Dilçiler 2019 – Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler. [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists. – Ankara: Akçağ, 2019}. (In Turkish.)

Schönig 1992 – *Schönig C.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [Аналогия как языкообразующая сила в тюркских языках // История фонетики и лексики тюркских языков. – Wiesbaden, 1995]. (In German).

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Эмба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*